

***ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ***

Сборник научных трудов

Выпуск 14

Воронеж 2017

**ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический
университет»**

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ**

Сборник научных трудов

Выпуск 14

Воронеж 2017

ББК 81.0+81000.04+81.1+81.03

Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2017. Вып. 14. 164 с.

ISBN 978-7731-0415-5

Сборник посвящён актуальным проблемам современной лингводидактики. В центре внимания авторов оказываются семантика и прагматика лексических единиц, аспекты лингвистики текста и новационные технологии, повышающие качество языковой подготовки.

Материалы сборника соответствуют одному из основных научных направлений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет» «Психолого-педагогические проблемы и гуманитаризация высшего технического образования».

Издание представляет интерес для широкого круга лингвистов, филологов, специалистов по педагогике, а также аспирантов и преподавателей.

Табл. 2. Ил. 4

Редакционная коллегия:

- В.А. ФЕДОРОВ – д-р филол. наук, доц. – ответственный редактор, Воронежский государственный технический университет;
- Э.П. КОМАРОВА – д-р пед. наук, проф., Воронежский государственный технический университет;
- А.А. ПАДУРЕЦ – канд. филол. наук, доц., Воронежский государственный технический университет;
- Т.И. БУКОВШИНА – канд. техн. наук, доц., Воронежский государственный технический университет;
- А.А. АВДЕЕВ – канд. филол. наук, доц., Воронежский государственный технический университет;
- А.А. МАКАРОВА – канд. филол. наук, доц., Воронежский государственный технический университет;
- И.П. ЛАПИНСКАЯ – д-р филол. наук, проф. – ответственный секретарь, Воронежский государственный технический университет

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. О.Н. Чарыкова;
канд. филол. наук, доц. Н.Ф. Хренова

Печатается по решению редакционно-издательского совета Воронежского государственного технического университета

ISBN 978-7731-0415-5

© Коллектив авторов, 2017

© Оформление ФГБОУ ВО

«Воронежский государственный технический университет», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание, которое Вы держите в руках, продолжает публикацию исследований сотрудников кафедры ИЯТП – исполнителей научных тем ГБ 2013.36 и ГБ 2013.05.

В специальных работах филологов и педагогов отразилось многообразие концепций и технологий, представляющих науку на современном этапе ее развития. Статьи сборника сгруппированы не в алфавитном порядке имен их авторов, а по близости предмета описания.

Первый раздел сборника составляет описание языков, проявляющее динамическое состояние системной синхронии. Исследуются синтаксические концепты, семантические и словообразовательные неологизмы в рядах имен собственных классов бизнес-объектов и товаров, иерархия типов языковых знаков в ментальной картине мира. Общее и особенное языковой динамики выявляется сопоставлением социальных подсистем русского языка, авторских вариантов употребления языковых единиц, а также в словарных толкованиях лексической семантики.

В серии статей второго раздела, посвященного лингвистике текста, авторы исследуют текст как целое в его ритмической организации, динамику образа автора, композиционный и субъектный планы художественного целого, словотворчество в ранге приемов создания двунаправленности текста детской литературы на читателя – ребенка и взрослого. Обогащается информация по актуальным аспектам взаимосвязи разных периодов русской национальной культуры.

Новационные технологии в преподавании, что составляют содержание третьего раздела, на основе гармоничного сочетания педагогических и методических знаний способствуют формированию универсальности профессионально-мобильной личности.

Авторов всех статей в их научной деятельности объединяет стремление сделать интересной и содержательной свою работу в аудитории – со школьниками, студентами и аспирантами. Сборник представляет интерес для широкого круга лингвистов, филологов, специалистов по педагогике, а также аспирантов и преподавателей.

Редколлегия

РАЗДЕЛ 1. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

ББК 74.58-26

РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ПЕРЕВОДИМЫЕ ФРАНЦУЗСКИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ IL PEUT, IL SE PEUT, IL DOIT, IL PLAÎT, IL DÉPLAÎT, IL RÉPUGNE, IL COÛTE, IL VAUT MIEUX, IL IMPORTE

В.А. Федоров

В статье рассматриваются русские выражения, при переводе которых используются французские конструкции в их отношении к синтаксическим концептам русского языка

Ключевые слова: синтаксический концепт, конструкция, модус, диктум

В своей работе мы опираемся на семантико-синтаксические когнитивные исследования Воронежской лингвистической школы. В частности, на фундаментальный труд ее руководителя З.Д. Поповой: «Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов» [Попова 2009], в которой оспариваемый некоторыми исследователями термин *синтаксический концепт*, занял подобающее ему место в системе русского синтаксиса.

В нашем понимании синтаксический концепт – это смысл, закрепленный конкретной синтаксической конструкцией (структурной схемой) и конкретизирующий в структурированном виде знания о мире и языке [Федоров 2013: 8]. Смысл конструкции представляет собой типовую пропозицию.

В случае с исследуемыми русскими структурами типовая пропозиция чаще всего передается с помощью самых разных модальных значений, поэтому мы обращаемся к теории модуса и диктума в интерпретации, предложенной в свое время Ш. Балли [Балли 1955: 44].

Согласно Ш. Балли, эксплицитное предложение состоит из двух частей. Одна из них будет коррелянтом процесса, явления, состояния, ее он называет диктум (от лат. *dictum* – «сказанное»). «Вторая

содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно, выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим лицом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, думать, радоваться, желать), а его субъектом модальный субъект; оба образуют модус (от лат. *modus* – «образ, способ»), дополняющий диктум» [Балли 1955:44]. Как мы считаем, модус представляет собой субъективную оценку реализуемой в речи пропозиции (продуманное отношение говорящего к сказанному, результат мыслительной операции).

Цель статьи – выявить, какими французскими конструкциями переводятся разнообразные русские выражения, и их отношение к синтаксическим концептам русского языка.

Конструкция с местоимением *il* (он) в его безличном выражении и глаголом *pouvoir* (мочь) в третьем лице единственного числа, имеющим модальное значение, выражает субъективную оценку говорящего, его отношение к той ситуации действительности, о которой он сообщает.

Обычно в настоящем времени оборот *il se peut* используется для русского вводного словосочетания *может быть*.

А, может быть, он снимал свою шляпу просто из страха (Достоевский, «Идиот», с. 382).

Il se peut aussi qu'il soulevât son chapeau simplement par crainte (Dostoïevski. T. 2, p. 125).

– Я не мог так пожертвовать собой, хоть я и хотел один раз и...может быть, и теперь хочу... (Достоевский, «Идиот», с. 419).

– *Je ne puis pas sacrifier bien que je l'aie voulu un jour et... il se peut que je veuille encore...* (Dostoïevski. T. 2, p. 192).

Il se peut передает и русское может:

– Рогожин! Ты погоди уходить-то. Да ты и не уйдешь, я вижу. Может, я еще с тобой отправлюсь (Достоевский, «Идиот», с. 452).

– *Rogojine! Attends encore avant de partir. Mais tu ne t'en iras pas, je le vois bien. Il se peut encore que je parte avec toi* (Dostoïevski. T. 1, p. 276).

Отсутствие глагола *быть* в этих случаях свидетельствует о разговорном варианте того же самого модального словосочетания.

Наряду с оборотом *il se peut*, встречается его вариант с инверсией *se peut-il*, выражающий вопрос. Он используется для

передачи русских вопросительных слов *неужели, разве, неужто, каким образом*, вводящих эмоциональный вопрос:

– Неужели правда? – в нетерпении спросил князь (Достоевский, «Идиот», с. 192).

– *Se peut-il que ce soit vrai? demanda le prince avec impatience* (Dostoïevski. T. 1, p. 323).

– Да неужто, матушка, вы нас совсем покидаете? (Достоевский, «Идиот», с. 169).

– *Se peut-il, petite mère, que vous nous quittiez pour de bon!* (Dostoïevski. T. 1, p. 285).

Испытывая трудности при выборе соответствующей лексемы во французском языке, переводчик решил, что данная структура вполне подходит для передачи вопросительного смысла русских слов *неужто, разве, неужели*.

Интересно, что в вопросительном предложении с указательным местоимением *cela* последнее дублируется местоимением *il*:

– Как это можно, Настасья Филипповна? Вздор! – вскричал князь (Достоевский, «Идиот», с. 508).

– *Comment cela se peut-il? Pour Nastassia Philippovna! C'est absurde!* (Dostoïevski. T. 2, p. 351).

Структура *il peut* нашла применение для перевода русских структурных схем, представляющих синтаксические концепты бытия объекта и небытия объекта. В переводах находим варианты:

1) *il peut y avoir (il pouvait y avoir), il ne peut plus y avoir*:

– Тут сомнений уж более нет никаких, и надежд тоже не остается: портретом все возвестила... (Достоевский, «Идиот», с. 96).

– *Eh bien, il ne peut plus y avoir le moindre doute ni place à aucun espoir, par ce portrait, elle a tout annoncé...* (Dostoïevski. T. 1, p. 158).

Ему мерещилось, что это была просто шалость с ее стороны, если действительно тут что-нибудь есть (Достоевский, «Идиот», с. 349).

Il se disait que ce ne pouvait être qu'un jeu de sa part à elle s'il pouvait y avoir là quelque chose (Dostoïevski. T. 2, p. 67).

Конструкция включает в себя местоимение *y* (там) и глагол *avoir* (иметь), используемых в бытийном обороте *il y a*. По сути, имеем оборот *il y a* с модальным модификатором *il peut*, с которым образуются устойчивые фразеологизмы;

quoiqu'il puisse:

– Чтобы ни случилось с вами, – сказал он, – вы должны с мужеством переносить все, ежели вы твердо решились вступить в наше братство (Толстой, кн. 2, с. 350).

– Quoiqu'il puisse vous arriver, dit-il. Vous devez supporter tout avec vaillance, si vous êtes fermement résolu à entrer dans notre confrère (Tolstoï, livre 2, p. 87).

Данные примеры можно дополнить выражениями: *cela se peut* (это вполне возможно); *cela ne se peut pas* (это невозможно); *il se pourrait bien que...* (вполне возможно, что...); *il se peut qu'il change d'avis* (может так случиться (возможно), что он передумает); *il peut se faire que...* (может оказаться, что...); *il pouvait être dix heures* (было, наверное, часов десять) (Французско-русский словарь активного типа, с. 779).

Анализ семантики структурных схем показывает, что *il se peut/il peut* можно соотнести со следующими русскими модальными словами:

– прежде всего с конструкцией *может быть* в разных глагольных формах и вариантах употребления;

– с вопросительными словами *неужели, разве, неужто, каким образом*;

– со структурными схемами *что есть где, чего нет где*, представляющими синтаксические концепты бытия объекта, небытия объекта.

Интересным является случай использования фразеологизма *il peut y avoir* для передачи смысла русских структурных схем бытия объекта. Здесь *il peut* выполняет роль модального модификатора.

Можно констатировать, что во французском языке нет синтаксического концепта небытие объекта.

Для передачи слов и выражений, несущих сему долженствования, используется конструкция *il doit* в качестве модального модификатора, который вербализован следующими устойчивыми структурами: *il doit en être ainsi, il doit y avoir*:

Ни малейшего оскорбления не почувствовал он при этом; по его мнению, так и должно быть (Достоевский, «Идиот», с. 349).

Il n'en éprouva pas le moindre sentiment d'offense; à son avis, il devait en être ainsi (Dostoïevski. T. 2, p. 68).

– Стало быть, кто-нибудь из гостей?

– Но возможно ли это?

– Совершенно и в высшей степени невозможно, но непременно так должно быть (Достоевский, «Идиот», с. 427).

– Par consequent, il s'agit d'un des convives.

– Mais est-ce possible ?

– Absolument et superlativement impossible, mais il doit obligatoirement en être ainsi (Dostoïevski. T. 2, p. 206).

В нашем материале фразеологизм *il doit y avoir* использовался для передачи выражений *как видно, ну как, что-то тут было*.

Следующая конструкция передает содержание русского синтаксического концепта пациенс претерпевает состояние: кому нравится/не нравится что- *il plaît*.

– Мне нравится ваш муж, – сказал рыцарь, лишенный наследства (Ильф, Петров, с. 372-373).

Il me plaît votre mari, fit le chevalier déshérité (Илф, Петров, p. 371).

Слово «пожалуйста» во французском языке передается с помощью структур *s'il te plaît* (досл.: если тебе это нравится), *s'il vous plaît* (досл.: если вам это нравится), представляя собой, по сути, обороты-фразеологизмы.

– Да, Митенька, пожалуйста, чтобы чистенькие, – сказала графиня, грустно вздыхая (Толстой, кн. 1, с. 57).

– Oui, s'il te plaît, Mitia, qu'ils soient bien propres, dit de son côté la comtesse en poussant un profond sourire (Tolstoï, livre 1, p. 94).

Антонимичные *il plaît* структуры – это *il répugne de ...* (*répugner* – внушать отвращение) – кому претит что; *il déplaît* – не нравится, быть неприятным – кому не нравится что; *il me (lui) déplait de...* (мне (ему) не нравится, мне неприятно)

Il me répugne de (мне претит, мне противно) передает отрицательное отношение к чему-либо:

– Ты вот говоришь, сто тысяч возьми, да и прогони, коли мерзко (Достоевский, «Идиот», с. 158).

– Tu me dis de prendre les cents mille roubles et chasser ce gaillard s'il me répugne... (Dostoïevski. с. 266).

Следующие конструкции *il coûte* (стоит), *il mérite* (заслуживает) служат также для передачи модальных оттенков.

Вообще она ничего не говорит против возможности этого брака, но об этом еще слишком надо подумать... (Достоевский, «Идиот», с. 47-48).

En somme, elle n'était pas opposée à l'idée de ce mariage, mais il méritait toutefois une sérieuse réflexion... (Dostoïevski. T. 1, p. 76).

...Скажите мне только: «разорви все», и я все порву сегодня же.

– О, что вам стоит сказать это! (Достоевский, *Идиот*, с. 82).

...Dites-moi seulement «romps tout» et je le fais aujourd'hui même.

– Oh, que vous en coûterait-il de me dire cela (Dostoïevski. T.1, p. 135).

Несомненно, вышеприведенными примерами не исчерпывается все многообразие переводов с русского языка, французский переводчик использовал также модальные обороты, которые встречались нам во французских оригиналах: *il vaut mieux, il importe*.

– Но теперь мне лучше говорить (Достоевский, *«Идиот»*, с. 530).

– Mais en ce moment il vaut mieux que je parle (стоит, чтобы я сказал) (Dostoïevski. T.2, p. 389).

– Знаете, что, я лучше завтра совсем не приду! Отрапортуюсь больным, и кончено! – решил он наконец (Достоевский, *«Идиот»*, с. 505).

– Savez-vous: il vaut mieux que je ne vienne pas demain! Je me ferai porter malade et ce sera réglé, décida-t-il finalement (Dostoïevski. T.2, p. 346).

– Но я вам про этого больного потом лучше расскажу; я расскажу теперь, как все это началось (Достоевский, *«Идиот»*, с. 66).

– Mais il vaut mieux que je vous parle plus tard de ce malade; je vais vous raconter maintenant comment tout cela a commencé (Dostoïevski. T.1, p. 108).

– Я, конечно, не могу похвалиться такими сведениями; но мне надо знать ваше имя (Достоевский, *«Идиот»*, с. 339).

– Je ne puis évidemment, pour ma part, me flatter d'être aussi bien renseigné, mais il m'importe de connaître votre nom (Dostoïevski. T.2, p. 49).

Отметим, что в вышеприведенных примерах в русском оригинале присутствует сема *важно/не важно*.

В заключение отметим, что конструкции французского языка *IL PEUT, IL SE PEUT, IL DOIT, IL PLAÎT, IL DÉPLAÎT, IL RÉPUGNE, IL COÛTE, IL VAUT MIEUX, IL IMPORTE* используются для передачи смысла русских синтаксических концептов бытия объекта, небытия объекта, пациенс претерпевает модальное состояние, а также для передачи самых разных модальных оборотов и фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209с.
3. Федоров В.А. Национальная специфика синтаксических концептов / В.А. Федоров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2013. – 36 с.
4. Французско-русский словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др.; под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. – 6-е изд., стер. – М. : Рус. яз.–Медиа, 2005. – 1056 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Достоевский Ф. М. Идиот : роман в 4 ч. / Ф. М. Достоевский. – М. : Сов. Россия, 1981 – 592 с.
2. Dostoïevski F. L'idiot / F. Dostoïevski; traduction par G. et G. Arout; commentaires de L. Martinez. – Paris : Librairie Générale Française, 1972 – T. 1. – 528 p. – Le livre de poche.
3. Dostoïevski F. L'idiot / F. Dostoïevski; traduction par G. et G. Arout; commentaires de L. Martinez. – Paris : Librairie Générale Française, 1972 – T. 2. – 535 p. – Le livre de poche.

Воронежский государственный
технический университет

RUSSIAN LANGUAGE MEANS USED FOR THE TRANSLATION OF THE FRENCH CONSTRUCTIONS IL PEUT, IL SE PEUT, IL DOIT, IL PLAÎT, IL DÉPLAÎT, IL RÉPUGNE, IL COÛTE, IL VAUT MIEUX, IL IMPORTE

V.A. Fedorov

The article analyses the Russian expressions translated by means of French constructions in their relation to Russian syntactic concepts

Key words: syntactic concept, construction, modus, dictum

НОМИНАЦИИ НОВОСТРОЕК КАК ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ТОВАРОВ

И.П. Лапинская, М.А. Денисова

Имена собственные товаров пополняются номинациями таких его разновидностей, как новостройки. Мотивирующей основой в выделенном классе онимов выступают особенности локализации в пространстве, зрительно воспринимаемые характеристики внешнего вида строения и названия реалий отечественной и мировой культуры

Ключевые слова: мотивирующий признак, принципы номинации, рекламное имя собственное товара, новостройка как товар, местоположение новостройки, архитектурные особенности, номинации культурных реалий

Раздел I. Вышедшие в 2016 году наши монографии «Что в имени?» [1] и «Стиль рекламы: речевые формы» [2] анализировали такие классы номинаций стиля рекламы, как имена собственные бизнес-объектов и товаров. В книгах был сформулирован вывод о том, что формирование единиц новационных классов номинаций реализует основную задачу стиля рекламы, исповедующего интересы продавца, - представить потребность продавца продать товар как потребность покупателя приобрести этот товар, т.е. как реализацию собственного желания покупателя повысить личный социальный статус или улучшить качество жизни в целом.

Количественные и качественные изменения – в их ряду как увеличение, так и уменьшение – объектов бизнеса и товаров в последние годы вызывают необходимость продолжения исследований избранного предмета анализа. Планируем проследить, какие мотивационные основания для образования новых номинаций оказываются приоритетными в обозначенный период времени (второе десятилетие XXI века) и в ограниченном социуме – в нашем случае – в городе Воронеже.

В ряд товаров после изменения характера внутригосударственных и товарно-денежных отношений в России включаются и новостройки жилых домов. Квартира приобретает тот же комплекс характеристик, что и любой другой товар, поскольку в

абсолютном большинстве случаев теперь ее можно только купить, а не получить. Следовательно, новостройка (квартира, или жилье) наделяется рекламным именем, позволяющим продавцу индивидуализировать каждый из товаров этого типа, чтобы вызвать желание покупателя приобрести именно этот товар.

Названием обладает сегодня большинство новостроек: жилых домов (ЖД), жилых комплексов (ЖК), микрорайонов (МКР) и коттеджных поселков (КП). Обязательное условие выбора имени собственного – средняя или высокая ценовая категория товара. При этом социальное жильё как предмет, не предназначенный для продажи, в названии не нуждается, а новостройки эконом-класса получают имя лишь в том случае, если они призваны компенсировать утраченное жильё – снесенные или разрушенные строения.

В языке жителей Воронежа жилые дома получали имена собственные после восстановления города, почти полностью разрушенного в годы войны. Созданные самими горожанами, имена возникали у построенных и заселенных зданий; они не были официальными, но сохранялись десятилетиями. Некоторые из них известны до сих пор представителям старших поколений, знают о таких номинациях и молодые.

Такие названия отражают своеобразие города и индивидуализируют речь воронежцев. Приезжающие в Воронеж просят показать Гармошку или Каблук и до сих пор удивляются точности и выразительности номинаций.

Имена собственные жилых домов фиксировали по преимуществу особенности архитектуры: Китайская стена (ул. Краснозвёздная), Квадрат (ул. Иркутская), Гармошка (ул. Карла Маркса), Каблук (ул. Кольцовская). Отмечались сходство и различия домов: Три пескаря (ул. Ворошилова), Три богатыря (ул. 25 Января), Близнецы (пр. Революции, напротив «Пролетария»), Полосатые (ул. Карла Маркса).

Обращали внимание и на сходство с известными историческими строениями: Ласточкино гнездо (ул. Куцыгина), Кремль (дома в квартале здания ЮВЖД). Именовали дома и по предназначению - Профессорские дома (два больших дореволюционных дома за парком СХИ), а позже и по условному имени застройщика - Киты (ул. В.Невского) – от названия компании-застройщика ИП «К.И.Т.» и другие.

Дома и квартиры в них принадлежали государству и не были предметом купли-продажи, поэтому их имена собственные не относятся к классу рекламных имен собственных товаров. Они по воспринимаемым органами чувств признакам, положенным в основание номинации, более всего сходны с прозвищами или кличками людей. Поэтому лингвистически они квалифицируются как топонимы и пишутся, в отличие от рекламных имен собственных, с прописной буквы и без кавычек.

Такой вид товара, как «жилой комплекс», получающий рекламное имя собственное, представляет собой совокупность зданий, которые связаны общей территорией. Она часто огорожена и оборудована системой видеонаблюдения, а также бытовой и социальной инфраструктурой.

Жилой комплекс характеризуется определенной общностью жильцов, возникающей по параметрам семейного положения и принадлежности к той или иной социальной группе, что отражается на позиционировании товара и ценовой политике продавца.

Жилым комплексом называют не только группу зданий, но и целый квартал в тех случаях, когда не представляется возможности его территориального дробления. Иногда к жилым комплексам относят и одиночные новостройки.

Предметом нашего исследования являются 86 названий строящихся или еще не заселенных жилых комплексов (ЖК), жилых домов (ЖД), жилых микрорайонов (МКР) Воронежа и коттеджных поселков (КП), независимо от выбранного застройщиком формата. Как потенциальный товар, эти новостройки уже получили рекламные имена собственные. Укажем типы номинаций и основания для их мотивированного выбора.

Раздел II. Одним из важнейших факторов при принятии решения о покупке жилья является его местоположение. Именно по этой причине в рекламных именах новостроек преобладают так называемые географические названия. В нашем материале их выделяется несколько разновидностей.

Во-первых, для рекламной номинации строящихся жилых комплексов используются уже имеющиеся названия тех городских объектов, что находятся в непосредственной близости от новостройки: улиц, проспектов, площадей, мостов, набережных,

парков, больниц, стадионов и др. Так потенциальный товар локализуется в пространстве города и помогает покупателю сформировать предпочтения.

Приведем примеры: ЖК «Берёзка» (ул. Берёзовая Роща), ЖК «Московский» (ул. Урицкого), ЖК «Чернавский» (ул. Короленко), ЖК «Адмиралтейский» (ул. Большая Стрелецкая), ЖК «Дельфин» (ул. Перевёрткина), ЖК «Университетский» (ул. Ломоносова), ЖК «Юбилейный» (ул. Карла Маркса), МКР «Электроника» (ул. Минская), ЖК «Виадук» (пр-т Труда, рядом с мостом через железнодорожные пути), ЖК «Петровский пассаж» (ул. 20 лет ВЛКСМ), ЖК «Петровский квартал» (ул. Моисеева). Последняя номинация связана с названием банного комплекса «Петровские бани», находящегося рядом с новостройкой и давно знакомого жителям Воронежа.

Часто название ЖК лишь повторяет название улицы или переулка – а иногда включает и номер дома, - на котором он расположен: ЖК «Челюскинцев, 101», ЖД «Ракетный», ЖК «Эко Дом на Гродненской», ЖК «Набережная Массалитинова, 16», ЖД «Ленинградская, 82В» и мн. другие.

Рекламное имя дома или домов может повторять и топоним - название пригорода, в котором и находится объект: МКР «Боровое», ЖК «Александровка». При этом акцентируют и новизну постройки: ЖК «Бабяково. Новый квартал», ЖК «Отрадное. Новый квартал».

Во-вторых, имя собственное может быть связано с теми объектами, которые не существуют в настоящее время, но занимали место строящегося комплекса ранее и хорошо известны воронежцам; их бывшее расположение (а они находились в пределах исторического центра) оказывается рекламным преимуществом товара. Например, ЖК «Финист» (ул. Революции 1905 года, завод «Финист», выпускавший мыльную продукцию), ЖК «Трамвай желаний» (ул. Кривошеина, трамвайное депо), ЖК «Антоновские яблоки» (ул. Шишкова, фруктовые сады питомника декоративных культур).

В-третьих, рекламное имя этого вида товара может быть опосредованно связано или с тем районом, в котором находится жилой комплекс, или с теми объектами, которые располагаются недалеко от него. Так возникают метафорические номинации, например, ЖК «Северная корона» (ул. В. Невского, Северный район), ЖК «Сердце города» (ул. Куколкина, центр города), ЖД «Авиатор»

(ул. Туполева, микрорайон ВАИ), ЖК «Чемпион» (ул. Ржевская, рядом с тренировочной базой футбольного клуба «Энергия»).

Местоположением новостройки обусловлен выбор имен собственных и в следующих номинациях: ЖК «Берег» (ул. Суворова), ЖК «Кристалльный» (ул. Спортивная Набережная), ЖК «Лазурный» (ул. Артамонова), ЖД «Волна 1» (ул. Артамонова), ЖК «Прибрежный» (ул. Артамонова).

Если перечисленные имена указывают на близость жилья к водохранилищу, то рекламные номинации следующей группы информируют о наличии рядом зелёной зоны, что тоже выступает преимуществом товара. Это имена ЖК «Лесная поляна» (ул. Ломоносова), ЖК «Сосновый бор» (бульвар Победы), ЖК «Зелёная долина» (пер. Здоровья), ЖК «Грин Парк» (Московский пр-т), ЖК «Дубровский» (посёлок Сомово), ЖК «Воронежские просторы» (ул. Курчатова, поля около пос. Шилово).

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в номинациях коттеджных посёлков, строительство которых в последние годы ведется очень активно. Из 57 имён посёлков, расположенных в радиусе сорока километров от города, более трети повторяет название ближайшего населённого пункта, реки, озера и пр. или использует его часть: «Александровка», «Семилукская дача», «Староживотинное», «Парусное», «Радуга», «Рамонские дачи», «Медовый» (д. Медовка), «Новогудовка», «Гремяченские сады», «Писаревка», «Емань», «Ветряк», «Луч», «Новое Сомово», «Дон», «Тихий Дон», «Задонье», «Петровские озёра», «Тимирязевский парк» (посёлок находится в черте города на ул. Тимирязева), «Шоколатный» (пос. Латное), «Гудленд» (пос. Гудовка).

Две последние лексемы – результат рекламных технологий, в них появляются элементы современной культуры и отходит на второй план или исчезает вовсе местный колорит. В первом случае прилагательное «шоколадный» ассоциируется у носителей языка с устойчивым выражением «быть в шоколаде», что значит жить благополучно, преуспевать. В слове «Гудленд» первая основа представляет собой часть географического названия и, одновременно, по звучанию повторяет немецкое gut – хороший, английское good – добрый, а вторая основа отсылает к английскому land – земля, страна, государство.

Часть названий даёт общую информацию об особенностях расположения коттеджного посёлка или характеризует его: «Речной», «Поречье», «Лесной», «Приозёрный», «Высокий берег», «Зелёный Яр», «Заповедный», «Раздолье», «Северная долина». Последний находится в пос. Подгорное, который является частью Коминтерновского района Воронежа, называемого обычно Северным.

Отдельно хочется остановиться на номинации «Раменки» (Рамонский район, с. Староживотинное). Она может быть производным от слова Рамонь – тогда допустимо ударение и на первом, и на втором слогах. Название, кроме того, отсылает к одноимённому району Москвы – в таком случае ударным оказывается первый слог. Напомним, что известное с древности слово *рамень* (рамень) обозначает темнохвойный, большей частью еловый лес. (Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов // <http://www.gramota.ru/>).

Несколько номинаций позиционируют дома в посёлках как усадьбы, комплекс жилых и хозяйственных построек с парком, по аналогии с владениями русских дворян и зажиточных представителей других сословий: «Усадьба», «Русская усадьба», «Фамильная усадьба».

Остальные названия являются фантазийными географическими («Лесково», «Кольцово», «Дарьино», «Малиновка», «Никольские дворики») или просто красивыми словами и словосочетаниями, создающими образ живописного места с красивой нетронутой природой: «Снегири», «Летний берег», «Серебряный бор», «Радужное», «Альпийская долина», «Белые росы», «Изумрудный». Такие номинации, как рекомендуют руководства по рекламной деятельности, соотносят новостройки с историческими и культурными ценностями нашей страны и зарубежья, но колорита малой родины не содержат. Поэтому, можно предположить, их воздействующая сила и способность пробудить личные ассоциации потенциального покупателя далека от максимума.

Итак, создание рекламного имени собственного новостройки по географическому принципу выступает в многообразии вариантов и оказывается достаточно распространенным в Воронеже приемом номинации товара. Сопоставление топонимов из речи воронежцев и рекламных имен собственных жилых комплексов показывает, что

фактор местоположения никогда не стимулировал жителей города к выделению жилого дома из ряда типовых.

Раздел III. Следующая группа названий обусловлена их связью с внешним видом здания или зданий. Вариантов таких номинации в данный момент три.

Первый вариант. Акцент в номинации сделан на цвете: ЖК «Янтарный» (ул. 45 Стрелковой Дивизии), ЖК «Солнечный» (пр-т Труда) – использован жёлтый и коричневый кирпич, ЖК «Цветной бульвар» (ул. 45 Стрелковой Дивизии) и ЖК «Акварель» (п. Отрадное, ул. 50 лет Октября) – яркая цветовая отделка домов, ЖК «Озерки» (ул. Ильюшина) – бело-бирюзовая гамма, ЖК «Ботанический сад» (ул. Шишкова, Олимпийский бульвар) – сочетание белого с цветом фуксии. Последняя номинация ассоциируется, по задумке застройщика, не только с цветом цветущих яблонь и вишен, но и с расположением: дома находятся на месте бывших полей Воронежской государственной сельскохозяйственной академии.

Второй вариант. Источником названия могут послужить форма зданий или их архитектурный стиль: ЖД «Чайка» (ул. Хользунова), ЖК «Золотое кольцо» (ул. Антонова-Овсеенко) – три дома образуют уютный внутренний дворик, ЖК «Острова» (ул. Хользунова) построен в виде двух островов, т.е. двух незамкнутых овалов, для создания образа важен здесь и песочный цвет отделочного кирпича, ЖК «Белые паруса» (ул. МОПра), находящийся на берегу водохранилища, по форме и цвету напоминает парусники, ЖК «Арка» (Московский пр-т) получил название из-за архитектурного решения: центральный въезд в комплекс представляет собой арку. ЖК «Каскад» (ул. Димитрова) тоже обязан своим названием особенностям архитектуры, поскольку секции комплекса расположены в каскадной последовательности, то есть каждая последующая ниже предыдущей. ЖД «Пароход» (ул. Ростовская) также оправдывает своё имя, это один большой 16-этажный 3-секционный монолитно-кирпичный. ЖК «Скандинавия» (пер. Газовый) оформлен в серо-красной цветовой гамме, характерной для данного стиля. Фасад ЖК «Атлант» (ул. Среднемосковская) оформлен фигурами атлантов – титанов, держащих на плечах небесный свод. Стиль определяет имя собственное ЖК «Русский авангард» (бульвар Олимпийский), так как холлы всех 13-ти секций

будут разными в соответствии с манерой живописи 13 русских художников-авангардистов.

Третий вариант. Немаловажную роль в выборе названия играет этажность и количество зданий, входящих в комплекс. Они легли в основу следующих названий: ЖК «*Квартет*» (ул. Революции 1905 года) – четыре секции разной этажности, ЖК «*Россия. Пять столиц*» (ул. Загоровского) – пять 25-этажных башен, связанных общим первым этажом, ЖК «*Высота*» (ул. Краснознамённая) – шесть 25-этажных корпусов, ЖК «*Две башни*» (ул. 60 Армии) – две 15-этажные башни «Юг» и «Север», ЖК «*Три богатыря*» (ул. Бакунина) – сегодня включает в себя 15 зданий, но название получил от первых объектов – трёх высотных домов, построенных ещё в 2007 году, ЖК «*Пять звёзд*» (ул. Ворошилова) – пять 25-этажных домов. Название ЖК «*Солнечный Олимп*» (ул. Карла Маркса) восходит к горе Олимп – обиталищу богов в древнегреческой мифологии и представляет собой несколько секций разной этажности: от 17 до 24. В последних номинациях присутствует ещё и компонент высокого статуса потенциальных покупателей.

Комплекс зданий как целое представляют: ЖК «*Уютный*» (ул. Урывского), ЖК «*Славный*» (Московский пр-т), ЖК «*Классик*» (пер. Здоровья), ЖК «*Современник*» (ул. 9 Января), ЖК «*Пятый элемент*» (пр-т Патриотов). Последнее наименование повторяет название известного фантастического фильма, тем самым характеризуя квартиры в этих домах как необыкновенные, опережающие своё время.

Представленные группы рекламных имен собственных, в отличие от географических номинаций, продолжают топонимическую традицию бытующих в речи воронежцев номинаций жилых домов. В отличие от сложившихся в устной речи названий, имена товаров фиксируют не только архитектурные особенности строений – они закрепляют в имени цвет, этажность или комфортность жилья.

Правда, в этих неологизмах возрастает количество рекламных клише: использование числа «пять» «*Пять звёзд*», «*Россия. Пять столиц*», «*Пятый элемент*», обращение к мифологемам «*Солнечный Олимп*», «*Атлант*», употребление исторических так называемых прецедентных имен «*Три богатыря*», «*Золотое кольцо*», «*Цветной бульвар*», «*Русский авангард*», «*Современник*». Демонстрируя знание

рекламных технологий своими создателями, эти номинации, отдаляясь от реалий малой родины, трудно формируют потребность покупателя приобрести этот товар как реализацию его собственного желания.

Раздел IV. Технологичными в аспекте рекламной деятельности выступают имена собственные в следующих группах. Их воздействующая сила снижается от того, что подобные номинации можно встретить и в других городах России. А, как известно, важным для покупателя фактором выступает уникальность товара.

1. Указание на высокий уровень строительных технологий, европейское качество продукции и статус будущего владельца: ЖК «Статус» (Московский пр-т), ЖД «De Luxe» («Де Люкс») (ул. Сакко и Ванцетти), ЖК «Адмирал» (ул. Кривошеина), ЖД «Форест Клуб» (ул. Багряная), ЖК «Европейский» (ул. Станкевича), ЖК «Резиденция» (ул. 9 Января). К этому типу названий можно было бы причислить и следующее: ЖК «Интурист» (ул. Ростовская), однако неудачное расположение – близость к Левобережным очистным сооружениям – вступает в противоречие с названием.

2. Часто имя собственное жилого комплекса – это просто красивое слово, создающее приятные ассоциации и никак не связанное с цветом, формой здания или его окружением: ЖК «Жемчужина» (Ленинский пр-т), ЖК «Каштановый» (МКР Подгорное), ЖК «Ромашково» (Семилуки), ЖК «Ласточкино» (ул. Острогжская), ЖК «Звёздный квартал» (ул. Острогжская), МКР «Черёмушки» (п. Отрадное), МКР «Рождественский» (с. Ямное).

3. Номинации, объединенные в этой группе, вообще неинформативны, поскольку не связаны ни с типом товара, ни с его локализацией в пространстве Воронежа: ЖК «Вега» (ул. В. Невского) – Вега – самая яркая звезда в созвездии Лиры, ЖК «Веста» (с. Отрадное) – Веста – богиня, покровительница семейного очага в древнем Риме, ЖК «Аврора» (ул. Антонова-Овсеенко) – Аврора – богиня утренней зари, ЖК «Новый свет» (ул. Ломоносова) – Новый свет – название Америки, данное ей европейскими первооткрывателями в конце XV века, ЖК «Виктория» (Московский пр-т), ЖК «Черноземье» (Новая Усмань), ЖК «Балтийский -2» (ул. 9 Января), ЖК «230 футов» (ул. В. Невского), ЖК «Континент» (ул. Беговая).

Неинформативными можно признать и названия посёлков «*Алфей*» – имя речного бога в древнегреческой мифологии, «*Гардарика*» – нормандское название Киевской Руси (гардь – град – город), «*Колизей*» – амфитеатр в Риме (в этом случае, по-видимому, информативно происхождение слова: от лат. *colosseus* – громадный, колоссальный), «*Зазеркалье*», – сказочная страна, «*Славяноград*», «*Первозванный*», «*На острове сокровищ*», «*Самоцветы*». Встречаются англоязычные номинации и названия, оформленные в смешанной графике: «*Берёзка all season*», «*Holiday*» / «*Холлидей*» – *holiday* – с англ. праздник, отпуск, выходной.

Имена собственные, описанные в последнем разделе, демонстрируют эрудицию неймеров, но покупателю трудно почувствовать мотивированность номинаций, что должно вызвать потребность приобрести именно этот товар. Более того, вряд ли обеспеченные горожане захотят жить в «*Колизее*», ибо он знаменит боями гладиаторов, или «*На острове сокровищ*», оторванном от цивилизации и исторического центра города, или в «*Зазеркалье*», где не соблюдаются законы реальности.

Потенциальных покупателей останавливает и нарушение требования уникальности товарного имени. Прецедентные номинации использовались для индивидуализации жилых домов задолго до внедрения рекламы в эту сферу, однако реклама не только расширила круг номинаций, связанных с национальной культурой, но и постепенно внедряет инокультурные элементы в виде заимствований и латинизированных написаний - «*Берёзка all season*».

Заметим попутно. Как правило, рекламные имена жилых комплексов быстро забываются, поскольку после завершения проекта они теряют свою товарную значимость и перестают использоваться. Однако отмечены случаи, когда названию уготована долгая жизнь. Например, номинация «*жилой массив «Олимпийский»*» (район ул. Шишкова) является в настоящее время частью почтового адреса: г. Воронеж, жил. массив Олимпийский, д.4.

Итак, анализ имен собственных новостроек – названий строящихся или еще не заселенных жилых комплексов (ЖК), жилых домов (ЖД), жилых микрорайонов (МКР) Воронежа и коттеджных поселков (КП) – позволяет сформулировать следующие выводы.

Отмечено три мотивирующих основания для выбора имени собственного такого вида товара, как новостройки: местоположение

(география), особенности архитектуры (внешнего вида), привлечение известных в отечественной и мировой культуре номинаций.

Рекламные функции, т.е. стимуляцию приобретения товара, созданные имена собственные выполняют в разной степени. Наиболее эффективны названия, фиксирующие местоположение и особенности архитектуры строений. Такие имена будят индивидуальные ассоциации, поскольку несут проверяемую информацию об объекте. Высокотехнологичные результаты работы неймеров по привлечению известных в отечественной и мировой культуре номинаций, в силу удаленности от Воронежа самих реалий, далеки от максимума в аспекте ожидаемой от них воздействующей силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Что в имени? : монография / И. П. Лапинская, М. А. Денисова, Д. А. Сорокина и др.; под ред. И.П. Лапинской. – Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 219 с.
2. Стиль рекламы: речевые формы: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, О.В. Гостева и др.; под ред. И.П. Лапинской. – Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 161 с.

Воронежский государственный
технический университет

NAMING UNITS OF NEW BUILDS AS PROPER NAMES OF COMMODITIES

I.P. Lapinskaya, M.A. Denisova

Abstract: Proper names of commodities are being added to by naming units of one of the kinds of commodities, namely new builds. Motivation basis of the marked class of proper names is aspects of space location, visually perceived characteristics of a new build exterior and names of native and world culture-specific elements

Key words: motivation aspect, naming principles, advertising proper name of a commodity, a new build as a commodity, new build location, architectural features, naming units of culture-specific elements

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ В ЯЗЫКЕ: ДИНАМИКА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

И.П. Лапинская, М.А. Денисова

На материале количественных и качественных изменений синонимических рядов жаргонных слов, исследуемых в течение пятнадцати лет, доказывается динамичность, т.е. изменяемость молодежного сленга

Ключевые слова: синонимический ряд, протяженность, многочленность, лексические и синтаксические способы передачи семантики, количественные показатели, сленговая подсистема

Мы не раз публиковали результаты исследований молодежного сленга, которые ведем с 2002 года [1-7]. Настоящая статья анализирует материал последнего анкетирования студентов 1 курса ВГТУ, проведенного осенью 2016 года. Цель неоднократного обращения к носителям сленга – отметить изменения, которые произошли в социальной подсистеме за полтора десятилетия. По этой причине некоторые вопросы дублируются из анкеты в анкету на протяжении нескольких опросов.

Одно из ведущих свойств молодежного сленга – протяженные, многочленные ряды синонимов – сохраняется и в наши дни. Сопоставление некоторых рядов по количеству членов представим таблицей.

Таблица

№ п/п	семантика единиц ряда	2002 г. К-во	2016 г. К-во
1	удивление	50	42
2	восхищение	64	55
3	неудача, провал	58	58
4	равнодушие	33	31
5	сигнал опасности	34	37
6	не придавать серьезного значения	38	46

Продолжение таблицы

7	отрицательные эмоции	40	40
8	договориться о встрече	33	28
9	смеяться	42	22
10	отдыхать	69	44
11	идти	66	52
12	у меня проблема	55	46

Как видно из таблицы, ряды потеряли по несколько синонимических единиц, однако сокращение протяженности не изменяет сущности сленговой подсистемы – вариативность и множественность способов передачи значения сохраняется. При этом наблюдаются качественные изменения в ряду. Во-первых, возрастает частотность употребления отдельных единиц. Во-вторых, исчезает большинство единиц и им на смену приходят совершенно новые лексемы или устойчивые сочетания.

Сопоставление двух одновременных рядов показывает, что в сленге за 15 лет сохранилось всего 13 способов выражения значения «у меня проблема» (приводим с указанием в скобках частотности словоупотреблений): *траблы* (42), *капец* (19), *проблем(с)* или *problems* (6), *тупец* (6), *жесть* (5), *запара / запарка* (5), *попадос / попадалово* (5), *я попал* (3), *завал* (2), *полная засада* (1), *задница* (2), *хреново* (1), *залет* (1), *косяк* (1), *фигово* (1).

Наиболее уязвимыми оказались устойчивые сочетания. Приведем единицы сленга, исчезнувшие из употребления, и распределим материал с учетом структурных особенностей выражений.

1. Двусоставные предложения с субъектом Я: *я вляпалась; я встрял*.

2. Безличные предложения с субъектом, выраженным личным местоимением 1 лица:

а) в Дат. пад.: *мне конец; кирдык мне;*

б) в Вин. пад.: *меня задолбали; меня затеребили; меня замахали;*

в) в Род. пад. с предлогом у: *у меня прокол; у меня облом; у меня напряг; у меня геморрой.*

3. Двусоставные оценочные структуры: *дело труба; болты затянулись; косорезик вышел; депрясники валят; жизнь моя жестянка;*

и более развернутые высказывания: *здравствуй, ужас, я кошмар; пацаны, не бегать мне больше по газону с мячиком.*

4. Словосочетания с определениями:

а) такой: *такая фишка; такая тема; тут такая битва приключилась;*

б) полный: *полная Аляска; полный алес;*

в) иные формы: *обломки от ништяка; темнее, чем в чёрной дыре.*

На смену ушедшему многообразию единиц и их языковых форм пришли одиночные оценочные лексемы: *ужас (3), барагоз (2), головняк (2), лажа (1), приехали (2), блин (2), треш (42), фейл(ы) (2), эюр (2), облажаться (2), ахтунг (1), трагедия (1), печаль (1), непонятки (2), трудности (2), провал (1), траур (1), ерунда (1), крах (1), дно (1), пипец (6), залет (1).*

Перечисленные лексические единицы в разной степени сохраняют дифференцирующую их семантику. Все они объединены передачей высокой отрицательной оценки, что подавляет их различительные признаки и сближает с междометиями, в которых собственно лексическое значение исчезает.

Кстати, в некоторых примерах для передачи значения достаточно междометия: *упс (1), пам-пам (1), омч (1).*

Словосочетаний и предикативных единиц в материале 2016 всего 12.

Назовем синтаксические варианты представления семантики.

1. Двусоставные предложения с субъектом Я: *я влип (3), я в попе (1), я в дерьме (2).*

2. Безличные предложения с субъектом, выраженным личным местоимением 1 лица в Дат. пад.: *(мне) хана (2).*

3. Иные синтаксические структуры: *наконец-таки весело (1), вот это поворот (1), надо выпить(1).*

4. Словосочетания: *сложный случай(1), очко полное (1), потеря потерь (1).*

Сопоставление синтаксических вариантов синонимов 2002 и 2016 гг. обнаруживает следующее. Исчезли безличные предложения с субъектом, выраженным личным местоимением 1 лица в Вин. пад., в

Род. пад. с предлогом *у*, полностью заменились иные синтаксические способы и сами единицы, нет словосочетаний с определениями *полный* и *такой*.

Еще раз охарактеризуем материал количественно. В 2016 опрашивалось 164 человека. Они назвали 46 способов передачи семантики «у меня проблема». С 2002 года появилось 33 новых жаргонизма и сохранилось 13 слов (из 55), что составляет менее 24 % единиц этого ряда. Иными словами, сленг в этом ряду обновился более чем на 75 %, или более чем на две трети. Считаем результат серьезным показателем динамики исследуемой социальной подсистемы языка.

Наши выводы подкрепляют и данные о том, как передается в сленге значение «отдыхать». Количественно, судя по данным приведенной таблицы, синонимический ряд сократился на треть: из 66 единиц теперь функционируют 44. Такую же динамику мы наблюдали и в ряду, передающем значение «у меня проблема».

Сопоставление как прием анализа показательно потому, что сами значения нерядоположны. Ряд со значением «у меня проблема» относится к средствам, передающим оценку того, что произошло; ряд со значением «отдыхать» характеризует состояние.

Как и 15 лет назад, для осуществляющих коммуникацию на сленге «отдыхать» – это «не работать, не учиться, а проводить свободное время определенным образом». Многочисленность конкретных действий, совершаемых при том или ином способе проведения свободного времени и обобщаемых в каждой глагольной номинации, свидетельствует о том, что характерная для устной речи описательность наблюдаемого действия сосуществует в сленге с интерпретациями и оценками. По языковым средствам представления интерпретаций и оценок – лексическим, словообразовательным и конструктивно-синтаксическим – можно выделить три группы глаголов.

1. Непроизводные глаголы: *балдеть*, *бухать*, *дряхнуть*, *куролесить*, *кутить*, *релаксировать*, *тусить*, сохранившиеся в сленге, а также новые: *кемарить*, *деградировать*, *чилить*, *халявить* (было *халявничать*).

Корневые морфемы проявляют разные аспекты отдыха: в это время можно не работать – *халявить*, спать – *дряхнуть*, встречаться с друзьями – *тусить* и пребывать в разной степени опьянения –

балдеть, релаксировать, отчего появляется способность *кутить, куролесить* и т.д. Глаголы в их значениях объединяют компоненты интенсивности и оценки состояния.

В первой группе из 15 лексем сохранилось 8; в целом в группе 9 слов, она практически не обновилась. Сократившись количественно, глаголы этой группы по-прежнему представляют собой 20 % общего числа приемов передачи семантики.

2. Значение «отдыхать» в качестве переносного реализуется в номинациях устойчивыми сочетаниями (их около 20 % против 30 % в 2002). В этом ряду номинации заменились полностью, в целом их стало на 11 меньше: *уход в отрыв, ловить кайф, лайтовый день, я в топе всех чартов, туз в моих картах, змею душить, давить подушку, давить на массу, вечер в хату, наводить кипеш, драть ноги*. Из примеров видно, что устойчивые словосочетания объединены и семантикой интенсивности состояния «отдыхать».

3. У 43 % номинаций значение «отдыхать» обусловлено отнесенностью единицы к одной из словообразовательных моделей. В то же время сами словообразовательные модели, эксплицирующие значение «отдыхать», фиксируют в нем не особенность проведения свободного времени, а интенсивность этого состояния.

На передаче интенсивности состояния специализируется несколько префиксальных, суффиксальных и префиксально-суффиксальных моделей. В нашем материале отмечены 2 префиксальные модели с участием приставок *от-* и *за-*. Примеры первой модели: *отвисать, откисать*; примеры второй модели: *зависать, зажигать, залипать*.

Зафиксирована одна суффиксальная словообразовательная модель – с суффиксом *-ся*: *валяться, куражиться*.

Из префиксально-суффиксальных моделей, которых было две в сленге 2002 г.: *от-* + *-ся* и *рас-* + *-ся*, - осталась только вторая, и то единичным примером *развеяться*.

Примеры других глагольных моделей словообразования единичны: *погулять, проветриться, перекурить*, все они передают значение «отвлечься ненадолго». Можно предположить, что складываются новые словообразовательные подгруппы.

Следует обратить внимание: в перечисленных лексических единицах значение интенсивности, передаваемое словообразовательно, оказывается определяющим.

Во-первых, корневые морфемы без привлечения соответствующих аффиксов затруднительно включить в ряд слов со значением «отдыхать» (*отвисать, откисать; зажигать*).

Во-вторых, сами корневые морфемы в отмеченных производных единицах реализуют не прямые, а переносные значения.

В-третьих, 5 лексем зафиксированы в словообразовательных рядах с одним и тем же лексическим значением: *кайфовать – кайфануть – кайф; расслабляться – расслабон – на расслабоне; релаксировать – релакс – релакснуть – релаксануть; лайтовенько – лайтово – лайтовый день; тусить – тусоваться.*

Приведенные ряды однокоренных вариантов передачи значения делают очевидным не только то, что словообразование внутри жаргонных глаголов становится все более популярным, но и то, что морфемное варьирование выступает способом развития жаргона.

Сопоставительное исследование ряда глаголов со значением «отдыхать» свидетельствует о количественном его сокращении, утрате отдельных словообразовательных моделей и попытке включить новые в образование жаргонизмов, полной замене устойчивых сочетаний названной семантики. Однако если ряд со значением «у меня проблема» сократился на четверть, то ряд со значением «отдыхать» - на треть.

Количественные и качественные изменения в жаргоне, выявленные при анализе семантически сопоставимых единиц, свидетельствуют о высоком темпе динамических процессов в этой социальной подсистеме языка. Одним из объяснений этого феномена может быть смена поколений носителей, тем более что при взрослении говорящих жаргон все больше обретает черты пассивного средства общения.

Выводы статьи оказываются серьезным доказательством системной необходимости нормативного литературного языка. Инерционным сдерживанием потоков неологизмов в разных социальных подсистемах норма обеспечивает адекватность общения всех носителей национального русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапинская И.П. Речевые свойства жаргонизмов (на материале молодежного сленга) / И.П. Лапинская, М.А. Денисова // Вопросы современной лингвистики. Международный сборник научных статей. Воронеж, 2008. – С.18 – 20.
2. Лапинская И.П. Глагольная парадигма в данных устной речи / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, Т.И. Буковшина // Библиотека вуза как информационное поле культурной коммуникации. Материалы 5-й городской научно-практической конференции (г. Воронеж, 28 мая 2008 г.). Воронеж, 2008. – С.50 – 55.
3. Лапинская И.П. О словообразовательной активности суффиксов в молодежном сленге / И.П. Лапинская, М.А. Денисова // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2008 – №3. – С. 174 – 176.
4. Лапинская И.П. Способы выражения эмоций в молодежном сленге / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, Т.И. Буковшина // Библиотека вуза как информационное поле культурной коммуникации: Материалы У1 городской науч.-практ. конф. Воронеж, 2009. – С. 68-73.
5. Лапинская И.П. Динамика социальной подсистемы языка (на примере жаргона вожатых) / И.П. Лапинская, А.К. Затонская // Актуальные проблемы и современные технологии преподавания иностранных языков в неспециальных вузах: материалы 6-ой Всероссийской с международным участием научно-практической конференции неязыковых вузов на базе ВГИФК. – Воронеж, 2013. – С. 101-104.
6. Лапинская И.П. Социальные подсистемы языка как объект лингвистики / И.П. Лапинская, М.А. Денисова // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. Выпуск 11. Воронеж, 2013.– С.10-16.
7. Лапинская И.П. Взаимодействие социальных подсистем в русском языке / И.П. Лапинская, А.К. Затонская // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота. – 2016. – № 3. – Ч.1. – С.139 – 141.

Воронежский государственный
технический университет

SOCIAL SUBSYSTEMS IN THE LANGUAGE THE DYNAMICS OF YOUTH SLANG

I.P. Lapinskaya, M.A. Denisova

The dynamism (i.e. changeability) of youth slang is confirmed on the basis of quantitative and qualitative changes in synonymic rows of slang words, which have been examined throughout the 15-year period

Key words: synonymic row, continuity, polynominality, lexical and syntactic ways of semantic conveyance, quantitative parameters, slang subsystem

THE PECULIARITIES OF RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION OF IMPERSONAL STRUCTURES AND SENTENCES

A.A. Avdeev

The article reviews the basic peculiarities of the Russian-English translation of impersonal structures and sentences. It presents the overview of the concept correlation within oppositions of «subjectivity-non-subjectivity» and «personality-impersonality», the analysis of syntactic and semantic types of impersonal structures in the Russian language and their correspondence to various types of situations of the subjective and objective world in the English language

Key words: impersonality, impersonal structures, lexical and semantic characteristics, subjectivity, actant

The study of the lexical-semantic category of impersonality and impersonal structures in the Russian and English languages has long been and still remains one of the most urgent problems of syntax. The fundamental concept, underlying the analysis of impersonal sentences, is the category of impersonality as a component of the linguistic picture. The category of impersonality is regarded as a specific linguistic feature. Being the basic means of expressing this category, impersonal sentences have always been in the focus of linguistic research.

The causes of the existence of impersonal constructions in different linguistic systems have long been the disputable matter among scholars and experts in syntax and linguistic culture. Due to peculiarities of its structural and substantive organization, the category of impersonality consistently attracts the attention of linguists, which testifies to the complexity of impersonal relations in the language system. The relations of this type are also associated with specific expression of thought and judgement, as well as with the concept of communication by means of language. The problem of national cultural specificity and stylistic background of using impersonal sentences in the English and Russian languages needs further profound investigation, and the conclusions to be made will contribute to the development of skill in two-way translation of impersonal structures and sentences.

In the present article, the attempt is made to reveal the basic features of translating impersonal structures and sentences from Russian into English. The solution of this problem primarily necessitates the general overview of concept correlation within «subjectivity-non-subjectivity» and «personality-impersonality» oppositions, as well as the analysis of syntactic and semantic types of impersonal structures in Russian, and their correspondence to various types of situations occurring in the subjective or objective world.

First of all, let us note that both pairs of conventional terms (i.e. subjectivity/non-subjectivity and personality/impersonality) do not correctly reflect the essence of the underlying grammatical phenomena. In addition, being differently related to each other in various languages, these terms have unequal weight in the sentence typology.

In traditional grammar, the «personality-impersonality» opposition often overlaps with two other oppositions, namely: 1) animateness (sometimes also denoted by the term «personality») / inanimateness (or non-personality); 2) subjectivity / non-subjectivity. Very often, we can observe the mingle of the terms and concepts of these dichotomies. For example, it is claimed that the function of an attribute carrier in an impersonal sentence can be performed by a non-person only. However, this is refuted by the existence of such impersonal sentences like *Ему не спится*. In its turn, the so-called «personal» sentences often include various non-personal agents (both animate and inanimate), e.g. *Ветер сорвал крышу*, etc. The situation is further complicated by overlapping of the concepts mentioned with those of the «person» category. The terms «the 1st, the 2nd and the 3rd person» are used both for characterizing the categorical relevance of actants and denoting the grammatical «person» of the verb. So, speaking about impersonality in such sentences as *Пахнет сеном*, the scholars deny the popular view on the semantics of the «person» category. The verbs used in the 3rd person singular (neuter) form are not actually impersonal, since they express one of the meanings implied by impersonality, that is, non-participation of an actant in the situation of communication.

We propose to specify the sentence as personal or impersonal, proceeding not from the nominal nature of an actant, but from the form of a verb or an auxiliary, which can be personal (indefinitely personal) or impersonal.

The second pair of terms (namely, subjectivity and non-subjectivity), as applied to description of the sentence structure, is also a target of reasonable criticism. The debate mainly concerns the correlation between subjectivity (and non-subjectivity) and personality (and non-personality) within a sentence. The main problem of typology is to clarify the specificity and the reasons for existing subjectless sentences within the framework of certain languages of the nominative system. On the one hand, the distinction of sentences as subjectival or subjectless does not necessarily imply their differentiation in terms of personality and impersonality. In Russian, there are constructions, which, being subjectless by the syntactic structure, are further opposed to each other as «impersonal» (like *Вечерет* and «indefinitely personal» (like *Звонят; Идут*, etc.). On the other hand, the dichotomy of subjectivity / non-subjectivity is not relevant at all for the English language, since the position of a subject in the syntactic structure is always explicit and, therefore, all sentences are subjectival by their structure.

Now let us speak about the syntactic-semantic types of Russian impersonal constructions.

In the Russian language, there are at least four basic syntactic-semantic types of impersonal constructions, namely:

1) One-member sentences with predicates expressed by totally impersonal verbs (e.g. *Светлеет*). These verbs can only be used in the third person singular form (in the present tense), or in the neuter singular form (in the past tense). Their semantics does not presuppose their usage in combination with a noun or a pronoun in the nominal case.

2) The impersonal constructions formed by personal verbs used impersonally (e.g. *В полдень пригревало*). When used so, personal verbs lose their inflection forms and become fixed in the third person singular form, or in the neuter form.

3) The impersonal constructions formed by predicative adverbs. These adverbs have statal meaning and are etymologically linked with short adjectives and certain nouns, expressing various states, (e.g. *легко, весело, уютно, стыдно*, etc.)

4) The impersonal genitive sentences, characterized by using negative words in combination with a noun in the genitive case (e.g. *У него нет времени*).

As the analysis shows, there are nearly ten types of situations that can be described by impersonal structures mentioned above. These kinds

of situations assume the withdrawal of an agent from the sentence meaning. Let us speak about them in more detail and address the problem of their interpretation in English.

The situations of the first type refer to weather and environmental conditions, and they form the centre of the lexical-semantic field of impersonality. They do not only describe various environmental states but also imply a particular attitude to them by people. Most often, such situations are interpreted in English with the use of impersonal structures beginning with *it*-pronoun (e.g. *В это время ещё зябко и земля холодная – It is still chilly and the ground is cold*). It should be noted that all constructions of this type are not only associated with various environmental conditions, but also imply a particular perception of them by a person.

The impersonal constructions of the second type refer to physical or physiological states of people, and are translated into English by sentences containing personal forms, accompanied with the verb *to feel*, for example:

Голод испытывается в тех случаях, когда у людей нет доступа к тому количеству пищевой энергии, которое им необходимо для поддержания нормального уровня активности. - People feel hungry when they do not have access to the amount of dietary energy needed for their normal level of activity.

The third type of impersonal constructions includes the sentences referring to psychological and emotional states of a person. As in the previous case, their English equivalents contain the verb *to feel*, e.g. *Но теперь его вдруг потянуло к людям – But now all at once he felt a desire to be with other people*. The examples under review describe such emotional states as *boredom, sadness, desire, etc.* In most cases, the corresponding English constructions are personal in their form, e.g.

Не хочется наблюдать единообразие. Не вижу вообще ни одной причины, по которой люди с более низким доходом должны быть вынуждены жить в худших, и возможно, стесненных условиях - I've no desire to see uniformity, I see no earthly reason why some people because they have a lower income should be compelled to live in inferior and perhaps crowded conditions.

Another class of impersonal structures includes sentences which convey the meaning of sensual perception. The English translations of such sentences often contain the modal verb *can*, e.g.:

На улицах не видно плакатов и лозунгов – We can see no placards or slogans on the streets.

Special attention must be paid to Russian impersonal sentences describing modal situations expressing the idea of possibility or necessity. As a rule, their English equivalents contain the indefinite-personal pronoun *one*. In this case, the agent is generalized and is referred to as *every person, people, one*, etc., for example:

1) Нужно выполнять свои обещания – One must keep one's promise.

2) Приходится признать, что проблема не имеет однозначного решения – One has to admit that there is no clear answer to the problem.

3) Можно ожидать снижение склонности населения к сбережению и увеличение потребления - One should expect that the population's mood will change from saving to increasing spending.

Other sentence meanings, marked in Russian original texts include mental or spontaneous situations, for example,

Невольно подумалось, что именно является наиболее подходящим подарком для продвижения вашего предприятия - You could not help wondering what exactly is the most appropriate gift to promote your company.

Other types of situations, marked in Russian original texts and expressed by English impersonal constructions, include mental or evaluatory predicates, as well as situations associated with one or another condition, presence, absence, sufficiency or shortage. Let's review the relevant examples:

1) The expression of mental situations, e.g. Его осенило, что возможно поездка в родной город была не таким простым делом для этой женщины. - He suspected that she probably could not leave or return to the city easily without problems.

2) The expression of evaluatory situations, rendered in Russian by the verb «удаваться», e.g. Им удалось сделать это в условиях неустойчивого экономического роста, участившихся экономических кризисов и увеличившегося разрыва в доходах и богатстве между странами и внутри них - They have done so against a backdrop of erratic global growth, an increased incidence of economic crises, and widening income and wealth gaps within and across countries.

3) The expression of a particular state or position, e.g. *Кроме того, было объявлено, что выборы не состоятся, по крайней мере в ближайшее время, в некоторых районах, где проживают этнические меньшинства* - *In addition, they had announced that elections would not take place, at least in the immediate future, in certain ethnic minority areas.*

4) The expression of presence, shortage or sufficiency, e.g. *У меня нет времени, чтобы думать о других вещах, и политике в частности* - *I do not have time to think about other things, in particular politics.*

In conclusion, let us note, that the research related to contrastive linguistics and translation, must consider numerous translations of one (Russian or English) original text. In this case, the original text can be regarded as a record of a particular meaning, expressed with the help of the language system, while a number of translation variants can be investigated from the viewpoint of variation in linguistic means and interpretation of the original meaning.

REFERENCES

1. I.Y.Nedyalkov. English and Russian impersonal constructions: field structures, centre and periphery. 2000. PP.58-59.
2. Ustinova E.V. The functional-semantic field of agentivity and non-agentivity in contemporary Russian literary language of the 20th – the beginning of the 21st century – The Abstract of the Candidate's Dissertation in Philological Science – Rostov-na-Donu, 2007.

Воронежский государственный
технический университет

ОСОБЕННОСТИ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА БЕЗЛИЧНЫХ СТРУКТУР И ПРЕДЛОЖЕНИЙ

А.А. Авдеев

В статье рассматриваются основные особенности перевода безличных структур и предложений с русского на английский язык. Приводится общий обзор соотношения понятий в оппозициях «подлежащность-бесподлежащность» и «личность-безличность», анализ синтаксических и семантических типов

безличных структур в русском языке и их соответствий различным типам ситуаций субъективного и объективного мира в английском языке

Ключевые слова: безличность, безличные конструкции, лексико-семантические характеристики, подлежащность, актанта

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ АВТОРИТЕТНОСТЬ В ТЕКСТАХ СМИ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

А.А. Падурец, Е.В. Сарафанникова

В статье рассматривается категория авторитетности в научном дискурсе и сфере массовой коммуникации. Авторитетность проявляет себя в виде прямых и косвенных маркеров и служит для повышения авторитета как самого сообщаемого, так и его автора. Вместе с тем предлагается рассматривать средство передачи информации в качестве маркера авторитетности. Авторы делают вывод о том, что авторитетность, свойственная любой форме коммуникации, является одновременно и целью, и стратегией, а понимание этого помогает сделать коммуникацию в рассмотренных областях более эффективной

Ключевые слова: прямая и косвенная авторитетность, научный дискурс, массовая коммуникация

Категория авторитетности является неотъемлемой составляющей любой коммуникации. Какую бы сферу мы ни взяли, везде будет прослеживаться ее влияние. Прежде всего это связано с диалогическим характером коммуникации, а именно с тем фактом, что роли участников коммуникации неравны. Одним из них верят больше, другим меньше, что можно проиллюстрировать с помощью такого примера. В. Б. Кашкин, профессор Воронежского государственного университета, на своих лекциях спрашивал студентов, кому бы они больше поверили, услышав информацию, что лекции завтра не будет, - декану, уборщице или просто случайному человеку? Перевес, разумеется, всегда оказывался на стороне декана, поскольку «...сила воздействия не столько в самих словах, сколько в степени авторитетности отправителя этих слов» [Кашкин, 2008: 10].

Итак, авторитетность (личности, группы людей, социального института) – это объективно существующее явление социальной действительности. Она возникает как следствие социальных потребностей и призвана обеспечить эффективную деятельность по их удовлетворению. Авторитетность - это и способность управлять без обращения к силе поведением и мышлением людей теми, кто облечен властью. Во многом успешность этого (намеренного или

ненамеренного управления другими) будет зависеть от того, как воспринимается носитель этой власти, обладатель авторитетности.

Если рассматривать многочисленные определения авторитета и авторитетности как на русском, так и на английском языках, то можно выявить грани представления об этих категориях в нашем понимании. Авторитет можно завоевать и потерять, а тот, кто пользуется авторитетом, скорее всего, будет авторитетным лицом, например, ученым. Авторитетность какой-либо информации зависит от того, насколько авторитетным будет источник, откуда она получена. По словам В.Б. Кашкина, бытовой уровень понимания авторитетности охватывает такие сферы, как политика, общественное влияние, семья, научная деятельность, культура и искусство, образование. «Авторитет – это и сама абстрактная идея власти, и личностный ее источник, а также процесс и результат дискурсивного поведения носителя авторитета» [Кашкин, 2008: 14]. В данной статье предлагается проанализировать функционирование категории авторитетности в сферах массовой и научной коммуникации.

СМИ традиционно и совершенно справедливо считают 4-ой властью. Меньшинство, наделенное властью (авторитетностью), в состоянии влиять на большие массы людей, контролируя их мысли и направляя их действия. Телевидение, в частности, дает такую возможность, так как обладает весомым авторитетом. Несмотря на возрастающую конкуренцию с Интернетом (об этом речь пойдет позднее), ТВ до сих пор остается одним из самых влиятельных средств массовой информации. ТВ вместе с тем еще и посредник между властью и народом. Неограниченный потенциал влияния телевизионной информации на зрительскую аудиторию обусловлен централизованным характером телевидения. Это позволяет выражать общее мнение, объяснять и оправдывать те или иные действия представителей общества, разоблачать любые общественные отклонения от нормы и давать им объяснение, поддерживать уверенность людей в защите их собственной индивидуальности и внушать чувство включенности в жизнь общества.

Мы склонны верить тому, что видим «своими собственными глазами», а телевидение, с его всепоглощающей аудиовизуальностью, как нельзя лучше это демонстрирует, причем в прямом смысле слова. Например, в телевизионных новостях, где одним из жанровых требований является объективность, она тесно связана с визуальным

компонентом сообщения. Репортажи с места событий, прямые включения создают достоверность того, что нам сообщают.

На языковом уровне категория авторитетности выражается, как правило, с помощью различных дискурсивных маркеров: вводные фразы, ссылки, вставные тексты, цитаты и т.п. Так, в текстах СМИ есть прямые ссылки на авторитетность (как правило, на авторитетность источника), цитаты, ссылки на слова авторитетных людей: *«Президент России Владимир Путин отказался от комментариев по поводу возмущенной реакции своего украинского коллеги Петра Порошенко, который воспринял поездку Путина в Крым не иначе как вызов. По словам главы российского государства, крымчане сами сделали свой осознанный выбор и тем самым окончательно поставили точку в вопросе о будущем полуострова, передаёт «Интерфакс»»*.

Но часто мы не замечаем и даже не подозреваем о существовании скрытой авторитетности. В связи с этим хотелось бы вспомнить парадоксальную на первый взгляд фразу: «The medium is the message» (дословно: средство и есть сообщение), которая принадлежит известному канадскому исследователю Маршаллу Маклюэну (Marshall McLuhan). Предполагается, что само средство передачи (в нашем случае телевидение) имеет большую власть и может оказывать более сильное влияние, чем сама информация, которую оно транслирует. Следует отдать должное дальновидности этого ученого, который осознал этот факт в самом начале эпохи перехода от печатного кода к аудиовизуальному. Сегодня, когда доверие многих к телевидению подорвано, а информационное пространство активно захватывает Интернет, цитата Маклюэна звучит как нельзя актуально. Интернет действительно меняет медийную среду. Впрочем, появление каждого нового технического средства сопровождается изменениями. Оказавшись в ситуации конкурентного за аудиторию, телевидение, со своей стороны, вынуждено меняться. В результате существенно изменяется и характер информирования на ТВ, и мы становимся этому свидетелями.

Ярким примером можно считать политику и ее представление в СМИ. Многие передачи похожи на ток-шоу, зачастую полные агрессивной риторики и попыток что-либо доказать любой ценой. Информирование подменяется открытым воздействием авторитетных

коммуникантов на менее авторитетных. В телевизионной политике на первый план выходит имидж самого политика, его личность часто становится поводом для новостей. Так, в освещении предвыборной кампании в США в 2016 году, СМИ много внимания уделяли именно личностям самих кандидатов в президенты: Дональда Трампа и Хилари Клинтон. Во время вторых телевизионных дебатов на лицо Хилари Клинтон случайно села муха, и это стало информационным поводом. Все СМИ так или иначе отреагировали на это, сопроводив новость ироничным комментарием. Например, «*Was fly sending message when it landed on Hillary Clinton's face?*» (CBS News). Можно сказать, что в данном случае форма стала содержанием. Потребляя новостной продукт, мы, как зрители, не осознаем того факта, что средство информирования создает свою невидимую среду и погружает нас в нее, в то время как мы по-прежнему ищем авторитетность в самом сообщении. При более внимательном и глубоком рассмотрении текстов медиа дискурса следует учитывать, что наряду с прямыми маркерами авторитетности (авторитетностью сообщаемого), есть и косвенные – само средство передачи сообщения.

Рассмотрим, как ведет себя категория авторитетности в научной сфере, поскольку авторитет науки в современном мире очевиден. Можно сказать, что гипноз авторитета в науке настолько велик, что многие люди, не задумываясь, следуют за ним.

Одним из необходимых качеств современного ученого является умение эффективно участвовать в научной коммуникации, правильно пользоваться научным дискурсом как в устной, так и в письменной его форме. Поэтому для каждого автора научной работы важно, чтобы его исследование было изложено в ясной, полной и краткой манере так, чтобы его работа могла быть изучена другими исследователями и в результате оценена в научном сообществе. Более того, авторитетность ученого часто является определяющим фактором в его исследованиях и их признании коллегами.

В научно-популярных журналах и телекоммуникационной сети Internet можно часто встретить эмоциональные статьи о невозможности авторитета в научной сфере общения. Их авторы приходят примерно к следующему выводу: «наука имеет свою автономию и свой генезис; свободная, она не зависит от авторитетов; освобождающая, она не подчиняется авторитетам» [Гайденко, 1980].

Однако от авторитета того или иного ученого напрямую зависит восприятие его научной деятельности коллегами, Научные публикации различного уровня и жанра: библиографический и научный обзор, диссертация, реферат и автореферат, отзыв и рецензия, научный доклад, тезисы доклада, аннотация и резюме, заметка, сообщение, научная статья, тематический и проблемный сборник статей, научный журнал, монография, план-проспект сборника статей или монографии – дают ученым возможность представить свои исследования и их результаты, указать на практическую ценность или теоретическую значимость проделанной работы и тем самым завоевать симпатии и уважение коллег, повысить свою авторитетность в научном сообществе.

Авторитетность в научной сфере одновременно является и средством оказания воздействия на адресата в процессе научной коммуникации, и желаемым результатом этого воздействия. Используя определенные стратегии речевого поведения (в том числе и ссылку на собственный авторитет, авторитет других ученых, научных школ и/или социальных институтов), исследователи пытаются укрепить свое влияние на адресата, добиться от него как признания их авторитетности, так и соответствующих этому признанию действий. Следовательно, повышение авторитетности научного дискурса (а как следствие и повышение авторитета его автора) является одной из стратегий современного научного общения.

Так, например, в диссертационных англоязычных работах, которые представляют собой разновидность научного дискурса, были выявлены определенные приемы, к которым прибегают соискатели ученой степени, чтобы создать и повысить авторитетность своего текста. Среди них ссылки на авторитет автора работы, общественное мнение, точку зрения признанных специалистов данной сферы науки, специфическое выражения авторского «я», которое, с одной стороны, проявляется в обезличенности изложения, а с другой - акцентируется внимание на достижениях автора. Данные приемы относятся к прямой авторитетности. Однако в научном дискурсе можно выявить и косвенные (непрямые) способы выражения авторитетности. Наиболее частые из них это:

– Необычное название работы (*Borrowed or Stolen? A Study of Plagiarism in Religion with an Emphasis on Contemporary Religious*

*Media*¹), ее оригинальное начало (*In the interest of intellectual honesty, it is fitting that I begin this work with my story.*²), наличие эпиграфа (*The Theory in question has in fact been independently discovered 3 or 4 times over & must be true. Believe me. W.S. Jevons in a letter to H.S. Foxwell, 1878*³);

– Частое использование профессиональных терминов и их аббревиатур (*Uniform Resource Identifiers (URI) are both the simplest element of the Web architecture and the most important. URI have been known by many names: WWW addresses, Universal Document Identifiers, Universal Resource Identifiers, and finally the combination of Uniform Resource Locators (URL) and Names (URN).*⁴);

– Систематизация информации в диаграммах и графиках (в 28 из 50 проанализированных диссертациях), таблицах (в 47 диссертациях из 50);

– Использование примеров (*Looking beyond the hands, one might also apply the Kinematic Chain model to reason about multiple effect or systems ranging from the hands and voice (playing a piano and singing), the hands and feet (operating a car's clutch and stick shift), or the multiple fingers of the hand (grasping a pen).*⁵), статистических (*Smoking causes lung cancer; over 80% of lung cancers are attributable to smoking.*⁶) и других числовых данных (*However, 19200 baud is about 2000 bytes per second, and 2000 interrupts per second are a lot for any processor.*⁷);

---

¹ Alnor W. Borrowed or Stolen? A Study of Plagiarism in Religion, with an Emphasis on Contemporary Religious Media : PhD dissertation abstract / W. Alnor. – 2004.

² Fisher J. Making a Transition between Elective Ascetism and Secular Life : a Life-Narrative Study of Former Roman Catholic Nuns : PhD dissertation / J. Fisher. – San Francisco, California, 1998.

³ Cariappa Ch.A. The Political Origins Of Neoclassical Economics : PhD dissertation proposal / Ch.A. Cariappa. – Texas, 1996.

⁴ Fielding R.T. Architectural Styles and the Design of Network-based Software Architecture : PhD dissertation / R.T. Fielding. – Irvine, California, 2000.

⁵ Hinckley K. Haptic Issues for Virtual Manipulation : PhD dissertation / K. Hinckley. – Virginia, 1998.

⁶ Roberts, W. Lung Cancer : PhD dissertation / W. Roberts. – Leicester, 2000.

⁷ Cheshire S. An Experiment in Real-Time Networking : PhD dissertation / S. Cheshire. – Sydney, Sussex, 1989.

– Визуализация текстовой информации при помощи фотографий (Рис. 1), рисунков (Рис. 2), схем (Рис. 3) и даже неприемлемых в русскоязычном научном дискурсе мотиваторов (Рис. 4), т.е. картинок, побуждающий к определенному действию или изменению⁶:

– Образность (*Cyberspace is liquid, liquid cyberspace, liquid architecture, liquid cities.*⁸) и ирония (*The new machines promise to help us limited human beings to organize our memory and our communications with other people.*).

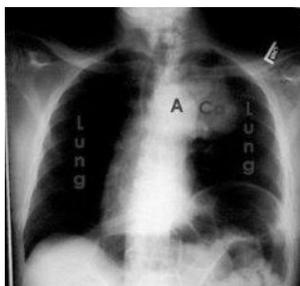

Рис. 1

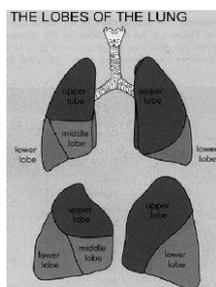

Рис. 2

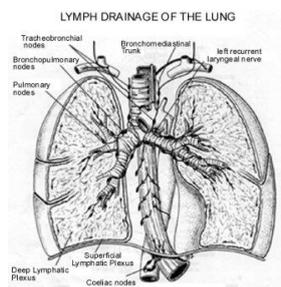

Рис. 3

Рис. 4

Итак, авторитетность может проявляться прямо и/или косвенно; она проникает и в массовую коммуникацию, и в научный дискурс. Формирование авторитетности и ее укрепление возможно только в процессе межличностной коммуникации, в ходе которой все участники общения одновременно и воздействуют, и подвергаются воздействию. При этом действие авторитетности может выражаться как в преднамеренном воздействии, так и в непреднамеренном, произвольном внушении. Маркеры авторитетности одновременно выполняют функции передачи информации и воздействия на адресата. Успех и результат этого воздействия в большой степени зависит от авторитета адресанта в глазах адресата. Как следствие, важнейшей стратегией современной профессиональной коммуникации считается повышение авторитета автора, а изучение медиатекстов показывает, что авторитетность является основополагающей характеристикой массовой коммуникации.

⁸ Bell J. Architecture of the Virtual Community : PhD dissertation / J. Bell. – 1996

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки / П.П. Гайденко. М. : Наука, 1987. – 447 с.
2. Кашкин В. Б. Авторитетность как коммуникативная категория / В. Б. Кашкин // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография. Сер. Аспекты языка и коммуникации / под общ. ред. В.Б. Кашкина. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2008. – Вып. 4. – С. 7-23.
3. McLuhan M. Understanding Media. The extensions of man / M. McLuhan. – London : First Sphere Books edition, 1967. – 270 p.

Воронежский государственный
технический университет

DIRECT AND INDIRECT AUTHORITATIVENESS IN MEDIA TEXTS AND SCIENTIFIC DISCOURSE

A.A. Paduretz, E.V. Sarafannikova

This article considers the category of authoritativeness in scientific and media discourse. It is assumed that authority manifests itself in the form of direct and indirect markers and increases the authority of the message and its author. It is also proposed to treat the medium as one of authority markers. The authors conclude that authority is an integral characteristic of any kind of communication. Taking into account the fact that authority is both the goal and the strategy can make communication in given spheres more effective

Key words: direct and indirect authoritativeness, scientific discourse, media discourse

ТИПОЛОГИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА АССЕРТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ГОРОСКОПОВ)

Е.Р. Савицкайте, А.А. Макарова

В статье представлены определение, характеристика и типология ассертивных речевых актов, включенных в тексты русских и немецких гороскопов

Ключевые слова: гороскоп, адресант, адресат, ассертивные речевые акты (ассертивы), иллюкутивные акты, пресуппозиция, ментальный модус (эпистемический модус), пропозиция, прагматическая пресуппозиция, прогностический ассертив

Ассертивные речевые акты (ассертивы) – это акты, основной функцией которых является сообщение адресату (слушающему или читающему) о некотором положении дел в действительности [Комина, 1983, 95; Почепцов, 1975, 16; Кобозева, 1995, 7 – 21]. Как правило, ассертивные речевые акты производятся преимущественно не ради сообщения информации, а ради её формулирования [Вахтель, 2004, 32]. Поэтому ассертивы ещё иногда называют актами утверждения [Богданов, 1990, 53], актами констатации или констативами [Гак, 1987, 27; Комина, 1983, 99], аффирмативами, если адресату сообщается неизвестная информация, или экспозитивами [Остин, 1986, 119; Вержбицка, 1986, 272], репрезентативами [Сёрль, 1986, 181], актами выражения мнения и веры. Ю.Д. Апресян считает их специализированными сообщениями, утверждениями и предсказаниями.

Под ассерцией понимают то, что утверждается в высказывании, именно поэтому в ассертивной части речевого акта содержится толкование его пропозиционного содержания. В информирующих констативных речевых актах ассертивная часть представлена таким образом, что соответствует следующему виду: говорящий или пишущий что-то сообщает [Вахтель, 2004, 32].

Отметим, что многочисленные исследователи по-разному трактуют назначение ассертивных речевых актов. Мо мнению Т.В.

Шмелёвой, цель информативных речевых актов – «произвести некоторую операцию со знаниями» [Шмелёва, 1990, 25]. Если опираться на высказывание Дж. Остина, то экспозитивы используются для разъяснения аргументов, а также логических высказываний [Остин, 1986, 119]. Присоединив к ассертивам часть вердиктивов, он увидел их назначение в «вынесении оценки, мнения, которые трудно вынести с полной уверенностью» [Остин, 1986, 119]. Е.В. Падучева считает утверждения такими речевыми актами, которыми служат для «расширения информационного фонда, единого для говорящего (пишущего) и слушающего (читающего) – общего фонда их знания о мире», «введения» высказывания в общее поле зрения коммуникантов [Падучева, 2002, 134]. Согласно Дж. Сёрлю, основным назначением речевых актов утверждения является выражение обстоятельств, принимаемых говорящим в отношении истинности определённого положения дел [Комина, 1983, 95].

Вследствие отсутствия единства в трактовке назначения ассертивов у разных лингвистов выделяются различные подтипы данного типа речевых актов. Такие ученые, как Дж. Остин, Дж. Сёрль и Д. Вундерлих выделяют следующие подтипы ассертивов: сообщение, утверждение, констатация, описание, объяснение, заверение, отчёт [Комина, 1983, 99], в то время как Ю.Д. Апресян относит к ним специализированные сообщения, утверждения, предупреждения и предсказания [Богданов, 1989, 32]. Н.В. Вахтель подразделяет ассертивные речевые акты, которые формируются на основе повествовательных высказываний, на три основных типа: речевые акты знания и мнения, речевые акты эмоционального воздействия и социальные речевые акты, среди которых выделяются другие частные подтипы [Вахтель, 2004, 41]. Другие лингвисты (Дж. Сёрль, Д. Вундерлих) не относят речевые акты эмоционального воздействия к актам ассерции, а выделяют их в качестве самостоятельных типов и называют их соответственно экспрессивами, декларативами и вокативами [Комина, 1983, 99 – 100].

На основе вышеприведённого анализа подходов к выявлению различных типов ассертивных речевых актов можно выделить следующие их подтипы: утверждение, сообщение информации, констатация, описание, объяснение, заверение, отчёт, качественная характеристика (фазисность пропозиционального содержания),

обвинение, утверждение логического вывода, разъяснение, успокаивание, опровержение, заверение, оспаривание, предположение, умолчание, намёк, разоблачение, убеждение, призывание, намерение, решение, гипотеза, прогноз. Именно на последнем подтипе мы и остановимся применительно к такому виду прогностических текстов, т.е. на гороскопе. Однако внутри данного подтипа выделяются специфические ассертивы, о которых далее и пойдет речь.

Ассертив является вторым типом речевого акта (наряду с директивом), который несет в себе констативную коммуникативную функцию [Austin, 1963], и довольно часто встречается в текстах гороскопов. Он представляет собой утверждение, сообщение об истинности определенного суждения и убежденность в ней [Сёрль (1), 1986, 158], относясь одновременно к подтипу прогноза в целом. В ассертивном речевом акте, применительно к данному виду прогностического текста, может быть также отражен фрагмент действительности, который, в свою очередь, может рассматриваться как одна ситуация или совокупность ситуаций. Объем ситуации зависит от выбранного масштаба рассмотрения и включает предметы и отношения между ними, т.е. это могут быть объектно-объектные отношения, а если речь идет об отношениях между человеком и предметами, то это – субъектно-объектные отношения, когда же в поле зрения попадают только взаимоотношения между людьми – это субъектно-субъектные отношения. Будучи включенными в той или иной форме в состав коммуникативной ситуации, т.е. непосредственно в речевую деятельность, ассертивные речевые акты проходят через призму человеческого сознания, что способствует оформлению субъективного понимания объективно существующей ситуации.

Как уже отмечалось ранее, для ассертива характерно «направление приспособления – «слова – реальность», а выражаемое им психологическое состояние – убеждение» [Сёрль (1), 1986, 181], что как нельзя лучше иллюстрирует цель гороскопа (убедить в правильности прогноза). Семантической пресуппозицией ассертивных речевых актов является наличие у адресанта определенного знания о референтной ситуации, которое отражает степень познания им отношений и связей объективной действительности [Падучева, 1985; Зализняк, Падучева, 1987].

Полнота этого знания бывает различной, что может находить отражение в модальных характеристиках, выражающих констативное значение предложений.

По полноте выражаемого знания ассертивы можно классифицировать на «утвердительные¹, выражающие полное и истинное, с точки зрения адресанта, знание о предмете сообщения, и предположительные, выражающие неполное, вероятностное знание адресанта о референтной ситуации» [Цурикова, 2001, 74], т.е. эксплицирующие такие ментальные (эпистемические модусы), как модус сомнения, возможности, допущения [Арутюнова, 1988; 1999]. По нашим наблюдениям, оба вида ассертивных речевых актов включены в текст гороскопа. Что касается ассертивов, не содержащих вышеперечисленные модусы, то их можно по праву считать утвердительными, даже при отсутствии возможности их верификации.

Sie haben eine schöne Woche vor sich. Ein romantisches Essen am 15. mit Kaviar und Kerzschein belebt Ihre langjährige Beziehung mit neuer Erotik (утвердительные ассертивы).

У вас прекрасная неделя для себя. Романтический ужин 15-го с икрой и при свечах оживит ваши многолетние отношения новой эротикой (утвердительные ассертивы).

Четверг – удачный день для новшеств на работе. В выходные дни вами вдруг овладеет «охота к перемене мест» (утвердительные ассертивы).

Vielleicht treffen Sie jetzt einen interessanten Mann an Ihrem Arbeitsplatz.

Aller Wahrscheinlichkeit nach bahnt sich ein kleines Gewitter in Ihren Liebesbeziehungen (предположительные ассертивы).

Вероятно, теперь вы встретите интересного мужчину на своем рабочем месте. По всей вероятности, начинается небольшая гроза в ваших любовных отношениях (предположительные ассертивы).

С точки зрения выражаемого содержания ассертивы, включенные в текст гороскопа, можно разделить «на информативные и оценочные» (по аналогии с классификацией констативов, выполненной Л.В. Цуриковой) [Цурикова, 2001, 74]. Информативные

---

¹ Утвердительность здесь понимается широко, как сообщение о наличии или отсутствии в объективной действительности определенных связей между предметами (явлениями) и их признаками

высказывания, выражая пропозиции, «которые соотносятся с настоящим, прошлым и будущим положением дел в мире» [Дмитровская, 1988, 9], информируют адресата о некоторых событиях, о его психологических состояниях, а также о состояниях действительности, касающихся как окружающих, так и его самого. Получается, что прагматическая пресуппозиция информативных ассертивов предполагает отсутствие у адресата некоторого знания о предмете сообщения, явлении и т.д.

In den Sachen Finanzen treffen Sie spontane Entscheidung und können sich gleich ein großes Stück von Kuchen abschneiden.

В сфере финансов вы примете спонтанное решение и сможете отрезать большой кусок от пирога.

Удача будет сопутствовать вам во всем с середины до конца недели.

Оценочные ассертивные высказывания эксплицируют аксиологическую оценку в терминах «хорошо/плохо» (ментальный модус общей оценки) [Арутюнова, 1988; 1999]. При этом выражаемые ими различные виды оценочных суждений, как правило, не поддаются верификации, т.к. для адресанта «его собственная оценка является аналогом истины, хотя он осознает (скорее, всегда должен осознавать), что оценка того же объекта другим человеком может быть иной» [Дмитровская, 1988, 13]. Как показывает проведенный нами анализ, отрицательная оценка действий, рекомендуемых адресату, встречается крайне редко.

Прагматическая пресуппозиция оценочных ассертивов предполагает, что при наличии у адресата определенного представления о предмете сообщения, у него отсутствует знание об оценке адресантом этого предмета, либо адресату необходимо дополнительное подтверждение (оценка) правильности излагаемого мнения.

Es ist nicht gut, dass Sie sich vor der Realität verschließen, wenn sie noch so unangenehm ist.

Это не хорошо, что вы замыкаетесь в себе перед реальностью, если она ещё так неприятна.

Es ist schön, dass Sie in dieser Woche Ihre Nerven schonen und Ihren Seelenfrieden sichern.

Это хорошо, что вы на этой неделе щадите свои нервы и обеспечиваете себе душевный покой.

Подобного рода ассертивы могут иногда образовывать текстовый акт, состоящий из двух независимых оценочных ассертивов. Образуемое смысловое единство неразрывно, т.к. не может существовать одно без другого.

Schön, dass Sie tolle Strategie haben und Kollegen davon überzeugen möchten. Leider kann es sein, dass manche ein wenig schwerfällig im Geiste sind oder – im Juni – anderer Meinung.

Прекрасно, что у вас блестящая стратегия и вы хотели бы убедить в этом коллег. К сожалению, может быть, что некоторые немного медлительны (долго соображают) или – в июне – другого мнения.

Утвердительность здесь понимается широко, как сообщение о наличии или отсутствии в объективной действительности определенных связей между предметами (явлениями) и их признаками

Упомянутые выше ассертивы, как и все остальные, включенные в тексты гороскопов, представляют особый род ассертивов – это прогностические ассертивы, содержащие утверждения (констатации, а также установки), которые направлены на воздействие, поэтому как следствие предполагаются определенные поступки, действия со стороны адресата. В сущности, их можно рассматривать как завуалированные приказания (рекомендации к совершению/несовершению определенных действий), что роднит их с суггестивными директивами (с его подвидом – советом). В то же время они предлагают определенный сценарий развития событий (прогноз). Необходимым условием пропозиционального содержания прогностического ассертива является отнесенность предсказываемого действия к будущему.

Семантическая характеристика по шкале «истинность/ложность» [Сёрль, 1986, 240] не является существенной для прогностического ассертива, т.к. речь идет о гипотетическом утверждении, предполагающем возможность для адресата претворения в жизнь содержания гороскопа, куда включены вышеназванные иллокутивные акты.

В данных ассертивах, в зависимости от контекста, под оболочкой настоящего времени может скрываться будущее (формы немецких и некоторых русских глаголов выражают будущее временное значение), т.е. в них заложена определенная программа действий (деятельности), которую, в дальнейшем, будет реализовывать

адресат. Между тем некоторое количество прогностических ассертивов представлено в форме будущего времени. Считается, что некорректно говорить о будущем (о грядущих событиях), если они не заданы изначально. Однако это замечание не относится к гороскопам, т.к. восприятие будущего во многом определяется восприятием настоящего и отношением к нему. Поэтому будущее в гороскопах – «это такой момент времени, который, в отличие от настоящего, не дан нам в чувственном восприятии и является лишь психическим (когнитивным) конструктом, содержание которого имеет вид потенции, прогноза и легко подвергается изменению и корректировке» [Уитроу, 1964, 378]. Произойдет или нет данная корректировка – находится в руках адресата, который в большей или меньшей степени находится под влиянием создателя гороскопа. Соответственно для передачи информации о будущем нужны определенные «оболочки». Поэтому в них используется чаще всего, как уже указывалось выше, настоящее время.

Таким образом, мы видим, что в лингвистической литературе не существует четкого деления на подтипы ассертивных речевых актов. Анализируемый нами прогноз является особым подтипом, включённым только в текст гороскопа, прогностическим ассертивом, а их классификация осуществляется в рамках полноты выражаемого знания и содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М., 1988. – 338 С.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999 – I – XV. – 896 С.
3. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю.Д. Апресян. // Избр. тр.: Т.2, Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 199 – 218.
4. Богданов В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: КГУ, 1989. – С. 25 – 37.
5. Вахтель Н.М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика / Н.М. Вахтель. – Воронеж: РИЦ УФ ВГУ, 2004. – 204 С.
6. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1986. – С. 251 – 275.

7. Гак В.Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста / В.Г. Гак // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С. 37 – 48.
8. Дмитриовская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Дмитриовская // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988. – С. 6 – 18.
9. Зализняк А.А. О семантике вводного употребления глаголов / А.А. Зализняк, Е.В. Падучева // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. – М., 1987. – С. 28 – 39.
10. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1995. Вып. XVII: Теория речевых актов. – С. 7 – 21.
11. Комина Н.А. Семантика коммуникативно-прагматических типов высказывания / Н.А. Комина // Прагматические аспекты функционирования языка. – Барнаул: АлтГУ, 1983. – С. 93 – 101.
12. Остин Дж. Л. Слово как действие. /Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII.: Теория речевых актов. М.: Прогресс. 1986. – С. 22 – 129.
13. Почепцов Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения / Г.Г. Почепцов // иностранные языки в школе. – 1975. – № 6. – С. 15 – 25.
14. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. – С. 151 – 169 (1).
15. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. – С. 170 – 194. (2)
16. Уитроу Дж. Естественная философия времени / Дж. Уитроу. – М.: Наука, 1964. – 431 С.
17. Цурикова Л.В. Коммуникативный диапазон вопросительных предложений в дискурсе (на материале английского и русского языков) / Л.В. Цурикова. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 144 С.
18. Austin J.L. Performative-Constative / J.L. Austin // *Philosophy and Ordinary Language*. – Urbana, 1963. – P. 22 – 33.

Воронежский государственный
технический университет

THE TYPOLOGY AND CHARACTERISTICS OF ASSERTIVE
SPEECH ACTS, USING THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND GERMAN
HOROSCOPES

E.R. Savitskaite, A.A. Makarova

The article presents the definition, characteristics and classification of assertive speech acts, embedded in texts of Russian and German horoscopes

Key words: horoscope, addresser, addressee, assertive speech acts (assertives), illocutive acts, presupposition, mental mode (epistemic mode), proposition, pragmatic presupposition, prognostic assertive

АВТОРСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ СМИ

Г.В. Романова

Рассматриваются такие образные языковые средства современного русского языка, как устойчивые выражения и фразеологизмы в трансформированном виде

Ключевые слова: устойчивое выражение, фразеологизм, трансформация, переносное значение, образность

Изучив видоизменения устойчивых выражений в классической русской литературе, мы заинтересовались, как и в каком виде подобные единицы функционируют в современных текстах. Был проведён сбор примеров из современных публицистических текстов, в которых угадывались переоформленные устойчивые сочетания.

В свете теории языка устойчивые выражения в современных текстах выполняют функцию прецедентных текстов и являются показателем интертекстуальности. Напомним, что сам термин «прецедентный текст» ввёл в теорию языка Ю.Н. Караулов. Так названы «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2; 216]. В качестве таковых и выступают устойчивые выражения.

Использование устойчивых выражений в современных текстах в трансформированном виде – это подтекстовая информация автора, которая требует от читателя как умения «видеть между строк», так и владения самими прецедентными текстами. В этом, собственно говоря, и состоит понятие интертекстуальности: в нашем случае – известное устойчивое выражение получает новое звучание в

современном тексте с помощью актуализации и трансформации этого выражения автором.

Интертекстуальность – это текстовая категория, которая выражается в способности текста накапливать информацию не только за счет отображения действительности, но и черпая ее из других текстов и обеспечивая смысловую многомерность текста [1; 7]. Именно для придания многомерности тексту, символического «двойного дна», более уместной категории, чем устойчивые выражения, пожалуй, не найти.

Сам интертекст (в нашем случае – устойчивые выражения) различные учёные (Ю.М. Лотман, Ю.Н. Караулов, В.М. Мокиенко и др.) называют по-разному: «прецедентное поле», «источник», «цитата», «аллюзия», «реминисценция» и проч. В связи с трансформацией исходного устойчивого выражения выделяют три основные проблемы: первая – установление источника чужого текста, вторая – определение способа «встраивания в текст» устойчивого сочетания, третья – выявление его функций (т.е. ответ на вопрос, зачем было использовано именно это устойчивое выражение и именно в этом контексте).

В нашей работе собраны примеры из средств массовой информации с трансформированными устойчивыми выражениями – ошибочными и намеренными. О проведении подобного исследования устойчивых выражений мы писали ранее [3; 88-94]. Нами установлено, что основными способами встраивания устойчивых выражений в современный текст являются: замена слов, форм; компрессия (сжатие); изменение под влиянием распространенных устойчивых выражений или образование по модели фразеологизмов.

Анализ языкового материала привёл нас к выводам о значении функционирования устойчивых выражений в СМИ. Они состоят в следующем: во-первых, устойчивое выражение, в т.ч. и трансформированное – это, прежде всего образное средство. С помощью этого и достигается основная цель публицистики – воздействие на читателя (слушателя), ради чего и используется первооснова устойчивого выражения.

Во-вторых, намеренно трансформированные устойчивые выражения, являясь полифункциональными, несут возможность переработки исходного текста (смысла) и наполнения текста новым смыслом (причем авторским!) и в конечном счёте играют

смыслоформирующую роль, поскольку являются дополнительным языковым образным приёмом актуализации новых смыслов.

Анализ языкового материала последних лет привёл нас к мысли о том, что обращение к такому виду прецедентных текстов, как устойчивые выражения, активизировалось. По-видимому, это представляется языковым способом найти общие для всех темы, отыскать точки единения, создать свой понятный для всех «язык», а возможно, и разделить на своих и чужих, что является обычной функцией всех прецедентных текстов. В целом, как отмечают исследователи современного языка, подобное употребление устойчивых выражений (так называемое «цитатное письмо») в настоящее время стало одним из главных приёмов публицистических и литературных произведений.

Устойчивые выражения в нашей речи служат для выражения эмоций, чувств, оценок, и всё это в краткой, ёмкой и образной языковой форме. Трансформированные устойчивые выражения выступают в качестве персональных личностных авторских характеристик. Иной уровень организации фразеологизмов и устойчивых выражений, их переносное значение, образность привлекают нас более всего и буквально заставляют активизировать их употребление.

И порой именно здесь возникают проблемы, поскольку, как известно, существует практически негласное правило, действующее при употреблении устойчивых выражений, фразеологизмов и крылатых слов. Оно гласит: чтобы не нарушить лексическую сочетаемость (лексическая сочетаемость - это способность одних слов соединяться в речи с другими словами в устойчивые выражения) при использовании в собственной речи устойчивого выражения или фразеологизма, нужно воспроизводить его полностью, не заменять слова, входящие в его состав, на другие и не менять их грамматические формы. В противном случае возникает речевая ошибка. Приведём некоторые подобные примеры с нарушениями лексической сочетаемости, подмеченные нами.

«Надо уметь логически думать (речь идёт об игре в кёрлинг)». Надо: логически мыслить. ТВ 1 канал. Новости. 07.02.17.

«Это приятно, когда фильм оставляет осадок (о фильме, употреблено в положительном значении)». Надо:

1) вариант (если отрицательное значение) – «неприятный осадок»;

2) вариант (если положительное значение) – «приятное впечатление»;

3) вариант - «оставляет послевкусие»; ТВ Россия 1. Новости. 02.02.17.

«Я словил себя на мысли, что...». Надо: я поймал себя на мысли... ТВ 1 канал. Программа «Время покажет». 06.04.17.

«... Антон Гараничев держится рядом с лидером, который очень обожает контактные гонки». Пример плеоназма. ТВ 1 канал. Из репортажа по биатлону (масстарт). 19.02.17.

«Резкое потепление погоды привело в приэльбрусье к сходу лавин». Надо: или «резкое потепление», или «изменение погоды». ТВ 1 канал. Новости. 21. 02.17.

(Фраза из статьи о пенсионерке-воровке поневоле «Беззащитная») «Воровке Шокуровой приговор вступил в силу..., и теперь я могу ее так назвать. А ведь язык не поднимается». Надо: «язык не поворачивается», т.к. употреблено в значении «не могу сказать». Контаминация с устойчивым выражением «рука не поднимается» в значении «не могу делать». «Российская газета». № 55 (7221) 16-22 марта 2017. С. 29.

Существует особый стилистический приём, который заключается в намеренной трансформации структуры фразеологизма, в замене слов, входящих в его состав, другими. Это делается преднамеренно, чтобы хорошо всем известную истину, заключённую в устойчивом выражении, использовать для передачи актуального нового смысла.

Активно используется этот приём в публицистике. Условно все собранные примеры демонстрируют три вида трансформаций: замена слов, форм; компрессия (сжатие); изменение под влиянием распространенных устойчивых выражений или образование по модели фразеологизмов. Обратимся к примерам.

1. Замена слов, форм. В современных текстах самым частотным приемом выступает переоформление устойчивых выражений с заменой слов. Такой способ обращения к хорошо известному фразеологизму с целью его трансформации является ярчайшим стилистическим приёмом. Исходная форма фразеологизма в этом случае служит смысловой основой, а новое слово или слова –

содержанием, с помощью которого в старую форму «вдохнули» новую жизнь.

Поскольку фразеологизм или устойчивое выражение имеет эмоциональную, оценочную или экспрессивную нагрузку, постольку названный способ переоформления устойчивых сочетаний в публицистике используется прежде всего. Подобные трансформированные фразеологизмы в современных текстах чаще всего выступают в качестве заголовка или иного способа рубрикации. Обратимся к примерам.

«На шаг позади». Надо: На шаг впереди. Название репортажа о неэффективном внедрении интернет-технологий в госуслуги. «Россия 24». Новости. 15.01.17.

«Киевскому хвосту долго удавалось вилять собакой». Из названия кинофильма режиссёра Барри Левинсона «Хвост виляет собакой», снятого по книге Бейнхарда Ларри «Американский герой», которая посвящена «тайным пружинам» американских предвыборных кампаний. ТВ «Россия 24». Новости. 15.01.17.

«Гаишников с большой дороги обещают оборудовать в рыцарей без страха и упрёка». Из УВ «бандиты, разбойники с большой дороги». ТВ «Звезда». Новости. 25.03.17.

«Красивым росчерком крыла» (надо:...пера). Название репортажа об участии наших лётчиков в открытии авиасалона в Индии. ТВ 1 канал. Новости. 20.02.17.

«Любви все должности покорны» (фраза из репортажа о поздравлении женщин). Первооснова – крылатое выражение «любви все возрасты покорны» из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». ТВ 1 канал. Вечерние новости. 08.03.17.

«Кокорин, нажми на тормоза!» Название репортажа о гонках на автомобиле по встречной полосе российского футболиста Кокорина. Первооснова – крылатая фраза из песни, прозвучавшей в кинофильме «Операция Ы и другие приключения Шурика»: «Кондуктор, нажми на тормоза». ТВ «Россия». Новости. 03.03.17.

«Яхтовый метод». Из терминологического устойчивого выражения «вахтовый метод». Использован приём субституции паронима. Название статьи о новой яхте (самой большой парусной лодке в мире) миллиардера Мельниченко, которая арестована за долги. «Новая газета» № 19 (2596) 22.02.17, С. 2.

«**Завтра** аристократа». Название статьи о 90-летию последнего аристократа мира моды Юбера де Живанши. Также использован приём субституции паронима из названия картины П.А. Федорова «**Завтрак** аристократа». Газета «Культура» № 6 (17 февр.-2 марта 2017), С.12.

«Этюд в **кровавых** тонах». Название статьи о фотографии Мевлюты Алтынташа (снимке года) турецкого полицейского, стоящего над телом застреленного им российского посла в Турции Андрея Карлова. Из назв. произведения Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах». Газета «Культура» № 6 (17 февр.-2 марта 2017), С.7.

«Хижина дяди **Трампа**». Название статьи о собственности президента США. Из названия романа 1852 г. Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», направленного против рабовладения в Америке. Газета «Культура» № 6 (17 февр.-2 марта 2017), С.7.

«Невероятная **пляска** итальянцев в России». Название статьи о постановке в Вахтанговском театре итальянским режиссёром Луки Ронкони пьесы «Пляска смерти». Фраза из названия кинофильма Э. Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России». Газета «Культура» №6 (17 февр.-2 марта 2017), С.8.

Кстати, больше всего примеров намеренной трансформации УВ нами отмечено в газете «Культура». Видимо, так газета доказывает, что для восприятия и использования «языка устойчивых выражений» необходимо у языковой личности наличие мощного культурологического базиса.

«Огонь, вода и **ржавые** трубы». Название телесериала. Из УВ: пройти огонь и воду, и медные трубы. ТВ «Россия 1». 19.04.17.

«Осторожно, оборотни в **палатах**» (имеется в виду в «больничных палатах»). Название репортажа о больничных мошенниках. Из УВ: оборотни в погонах. ТВ «Россия». Новости. 26.04.17.

«**Пикниковый** период». Название майской акции «Авторадио». Из названия телевизионной передачи «Ледниковый период». Апрель 2017.

«Порошенко с Роджерсом в **одной подтопленной лодке**». Из УВ «в одной лодке». При образовании трансформы использован нечастотный приём расширения исходного фразеологизма путем включения дополнительного слова. ТВ Россия 24. Новости. 15.01.17.2.

2. Компрессия (сжатие). В современной публицистике примеров с компрессией компонентов крайне мало, пожалуй, эта форма трансформации фразеологизмов в настоящее время представляется малоэффективной для выражения собственных мыслей, а поэтому малопривлекательна. Например, «и **первые** могут стать **последними**, а последние...». Из рекламы шоу «Танцуй». Образование по модели библеизма: и последние станут первыми. ТВ «Россия 1». 14.04.17.

3. Изменение под влиянием устойчивых выражений, ставших широко известными, или образование по модели фразеологизмов. В этом виде трансформации идёт игра слов и смыслов, благодаря чему создаются яркие образные средства на основе известных фразеологизмов. Этот способ образования собственных высказываний по моделям устойчивых выражений очень привлекателен для современных публицистов. При такой трансформации исходных единиц их творческое переосмысление представляется максимальным.

«**Посол** в России больше, чем **посол**». Фраза из репортажа о назначении нового посла США в России. Из стихотворения Е. Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт». НТВ, «Сегодня». 09.03.17.

«Родители сами попробовали, так ли страшен **единый экзамен**, как о нём **рассказывают**» (о ЕГЭ)». Из пословицы: не так страшен чёрт, как его малюют. ТВ канал. Новости. 21.02.17.

Таким образом, эффективный художественный приём авторской трансформации устойчивых выражений нашёл своё продолжение в современной публицистике. Всё чаще в СМИ используются трансформированные устойчивые выражения в трех вариантах: замена слов, форм; компрессия (сжатие); образование словосочетаний по модели фразеологизмов. Все сказанное свидетельствует об активном развитии этого образного средства.

ЛИТЕРАТУРА

19. Жаева Р.Р. Способы актуализации прецедентных феноменов в публицистических текстах Ю.Д. Поминова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Р.Жаева. – Кемерово: КГУ, 2012. - 25 с.
20. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов – изд.7 – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
21. Романова Г.В. Трансформация устойчивых выражений в современных текстах/ Г.В. Романова // Интернационализация современного русского

образования: материалы VI науч.-практ. конф. - Воронеж: ВГУИТ, 2015. – С.88-94.

Воронежский государственный
технический университет

THE AUTHOR'S TRANSFORMATION OF FIXED
EXPRESSIONS AS AN INDICATOR OF INTER-TEXTUALITY
IN THE LANGUAGE OF THE MEDIA

G.V. Romanova

Such figurative language means the modern Russian language, as stable expression and idiom in a transformed

Key words: fixed expression, idiom, transformation, figurative sense, imagery

ПОНЯТИЕ «КАРТИНА МИРА» И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ЧАСТНЫХ МОДИФИКАЦИЙ

Е.А. Ядрихинская

В статье подробно рассмотрено понятие «картина мира», представлены разнообразные определения данного понятия и выявлены специфические особенности разных типов картин мира в современной лингвистике

Ключевые слова: картина мира, язык, лингвокогнитология, эстетика, философия, художественный текст, семантическое пространство, концепт

Понятие «картина мира» относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшее условие его существования в мире.

На формирование картины мира влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание и обучение, и другие социальные факторы. Разные народы обладают одними и теми же ценностями, но в разной степени.

Картина мира – это философская категория, представляющая собой идеальную модель самого широкого реального объекта – целостного мира. Картина же не просто модель, она возникает потому, что ее функция в процессе познания – показать, каким предстает мир перед нашим сознанием. При этом особо акцентируется то, с помощью каких средств создается эта картина, какова технология ее создания.

Термин «картина мира» был выдвинут в рамках физики в конце XIX начале XX веков. Одним из первых этот термин стал употреблять Г. Герц применительно к физической картине мира, трактуемой им как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путём можно получать сведения относительно поведения этих предметов. По Герцу, «создаваемые образы не должны противоречить законам нашего мышления (допустимость образа); они должны отображать существенные средства вещей ...» [Герц, 1959, с. 154].

Термин «картина мира» (образ мира, видение мира) трактуется

разными учеными (отечественными и зарубежными философами и лингвистами) по-разному.

В представлении философа Карла Ясперса понятие «картина мира» определяется как система мировоззренческих знаний о мире, совокупность предметного содержания, которым обладает человек [Ясперс, 1996, с. 9].

Немецкий философ М. Хайдеггер понимает под картиной мира не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины [Хайдеггер, 1993, с. 49].

В основе любого языка лежит «картина мира». Как полагает отечественный лингвист Г.В. Колшанский, «язык на определённом этапе своего развития не выступает в качестве самостоятельной креативной силы и не создаёт своей собственной картины мира, он лишь фиксирует концептуальный мир, первоначальным источником которого является реальный мир» [Колшанский, 1990, с. 56].

Таким образом, понятие «картина мира» соотносится с обобщенным (научным) представлением человечества о сущности окружающего мира на определенном этапе его развития, т.е. выражение «картина мира» синонимично выражению «совокупность знаний о мире» [Колшанский, 1990, с. 20].

Подход Ю.Н. Караулова, Й. Трира, В. Гумбольдта основывается на конструировании «картины мира» с точки зрения ее языкового содержания, на выделении интегрального и дифференциального в семантике языка [Караулов, 2002, с. 246].

Антропоморфность картины мира дает возможность языку выступать в качестве средства общения, а с другой стороны, язык, эксплицируя содержание концептуальной картины мира, делает возможным процесс передачи культурных знаний, накопленных этносом. «Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры» [Попова, 2007, с. 11].

Понятие «картина мира» предполагает или отождествление понятийного и языкового уровня отражения реального мира, или понимание под «картиной мира» исключительно научных знаний о

мире.

В современной лингвокогнитологии понятие «картина мира» соотносимо с содержанием сознания и описывается как система представлений человека об окружающей действительности, своего рода «встроенный в сознание концептуальный каркас, включающий как невербальные, так и вербализованные модели» [Колшанский, 1990, с. 48].

Так, «под картиной мира – пишет, Ю.А. Рылов в своей книге «Аспекты языковой картины мира», – следует в самом общем виде понимать объективную действительность, постоянно меняющуюся и развивающуюся» [Рылов, 2003, с. 3].

Картина мира (образ мира) понимается как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности» [А.А. Леонтьев, 1993; В.В. Красных, 2003; Попова, 2006, с. 38].

Картину мира в самом общем виде З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании». Они различают «непосредственную» картину мира (результат «отражения мира органами чувств и мышлением человека», «познания и изучения мира общественным или индивидуальным сознанием») и «опосредованную» картину мира («результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира») [Попова, 2006, с. 36-37].

Таким образом, в лингвистике под «картиной мира» понимают: во-первых, совокупность знаний о мире, которые приобретаются в деятельности человека; во-вторых, способы и механизмы интерпретации новых знаний. При таком понимании термина «картина мира» язык рассматривают как определённую концептуальную систему или, иначе можно сказать, что картина мира, как мозаика, составлена из концептов.

Существуют разные *типы картины мира*: языковая, философская, вербально-эстетическая, эстетическая, индивидуально-авторская.

Понятие *языковой картины мира* восходит к идеям В. фон Гумбольда, в научных трудах которого проводится мысль о

деятельностной природе языка и его непосредственной связи с внутренним миром человека. Он определяет язык как «работу духа, считая его существенным признаком движения, прогресса» [Гумбольдт, 1984, с. 69].

Язык, по мнению В. Гумбольдта, — «это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека. ... посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы и все многообразие мира» [Гумбольдт, 1984, с. 70].

Ученый также отмечал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Маслова, 2004, с. 53].

Иными словами, в высказываниях В. фон Гумбольда о том, что представление о мире каждого человека детерминировано его языком, представлен «каркас того, что позже будут называть языковой картиной мира» [Фесенко, 1999, с. 7].

По мнению Е.С. Кубряковой, «языковая картина мира – важная составная часть общей концептуальной модели мира» [Кубрякова, 1991, с. 139].

Языковая картина мира (ЯКМ) представляет собой перевод констант сознания (концептов) на уровень вербального мышления через семантические категории, которые направляют и регулируют мыслительную деятельность и систему языковых норм. Она «опосредована языковыми знаками, знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [Кубрякова, 1991, с. 144].

По мнению лингвиста Б.А. Серебrenникова, основные функции языковой картины мира – означивание основных элементов и экспликация средствами языка концептуальной картины мира. Язык, связанный с действительностью через знаковую соотнесенность, отображает ее знаковым способом [Постовалова, 1988, с. 106].

ЯКМ – часть концептосферы, получившая выражение (объективацию) в системе языковых знаков (слов, фразеосочетаний, синтаксических структур) и образуемая значениями языковых единиц.

Когнитивной единицей ЯКМ, которой оперирует сознание человека при контакте с миром во всех его проявлениях, является концепт. Он имеет сложную и многомерную структуру, что отличает его от литературного образа в художественных произведениях и многозначного слова в лингвистике. С одной стороны, к ней

принадлежит все, что принадлежит к строению понятия, с другой – в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания, история, современные ассоциации, оценки и многое другое.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации / концептуализации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, «своего рода коллективную философию», по словам Ю.Д. Апресяна, которая навязывается в качестве обязательной для всех носителей языка. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен. Носители разных языков могут иметь отличия в восприятии мира, поскольку видят его через призму национального языка [Апресян, 1995, с. 31].

Изучение языковой картины мира само по себе имеет чисто лингвистический смысл — для описания языка как системы, для выявления того, что есть в языке и как составляющие язык элементы в нем упорядочены. При этом если исследователь интерпретирует полученные результаты для выявления обозначенных языком когнитивных структур сознания, описание языковой картины мира выходит за пределы чисто лингвистического исследования и становится частью лингвокогнитивного исследования – используется для моделирования и описания концептосферы, концептуальной картины мира. Языковые знаки, слова, по мнению А.А. Залевской, выступают в этом случае средством доступа к единой информационной базе человека – его концептосфере, являются методом выявления когнитивных структур [Залевская, 2000, с. 48].

Исследователь Ю.Н. Караулов определяет языковую картину мира как «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов, 2002, с. 246].

Таким образом, исследование системных отношений в языке, а также исследование его национального семантического пространства – это моделирование вторичной, опосредованной, языковой картины мира. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками.

Предельно общую картину мира дает философия. Создаваемая в рамках онтологии *философская картина мира* (ФКМ) определяет

основное содержание мировоззрения индивида, социальной группы, общества. Будучи рационально-теоретическим способом познания мира, философское мировоззрение носит абстрактный характер и отражает мир в предельно общих понятиях и категориях. Следовательно, ФКМ есть совокупность обобщенных, системноорганизованных и теоретически обоснованных представлений о мире в целостном его единстве и месте в нем человека. Каждая ступень развивающейся ФКМ выдвигает перед наукой и философией задачу осмысления тех или иных понятий, углубления, уточнения или принципиально нового определения содержания фундаментальных философских категорий, посредством которых и выстраивается ФКМ. Философская картина мира составляет наиболее устойчивый компонент лингвистической картины мира.

Эстетическая картина мира, созданная художественным творчеством, допускает не только существование области непознанного, но и пытается смоделировать ее возможный образ. В художественном творчестве то, что возможно, приобретает статус существующего, стимулируя осознанное вычленение его признаков или черт в реальной жизни [Михайлов, 2006, с. 92].

В художественной деятельности эстетическое оказывается доминирующим и выдвигается на первый план. Сфера эстетического представляет собой одну из практик, наиболее адекватных опыту в его духовном измерении. Там, где невозможны доказательства, вступают в силу репрезентации.

Художественное произведение и является таким образно-ментальным пространством, где истина не предьявлена в готовом к употреблению виде, но указан путь к ней. Из артефакта не следует никаких выводов, напротив, он выводит нас в особое измерение, где становится возможным не обладать истиной, не постигать ее и даже не созерцать, но оказаться затронутым ею [Михайлов, 2006, с. 40].

Современные лингвистические исследования эстетического освоения мира в основном ведутся в рамках изучения индивидуальных стилей писателей, отражающих их мировидение (Е.Г. Малышева, Ю.Д. Тильман, Л.А. Исаева, Н.Н. Михайлов, О.В. Великородных, Л.А. Ерофеева, С.М. Богатова и др.).

Акцентирование особенностей восприятия мира различными авторами приводит к мысли о том, что «искусство не может

претендовать на создание общей картины мира вследствие своего субъективного характера. Оно скорее создает адекватную картину внутренней духовной жизни человека во всей ее целостности и полноте» [Попова, 2003, с. 138].

Каждое художественное высказывание взаимодействует одновременно с культурно-эстетической информацией прошлого, настоящего и будущего. *Вербально-эстетическая картина мира* служит эстетической базой художественной коммуникации и состоит из специфических интенциональных структур, представленных в индивидуальном сознании и коллективном бессознательном.

Вербально-эстетическая картина мира, отражающая специфику национальной ментальности, рассматривается как концептуализированное художественное пространство.

Как справедливо полагает С.В. Моташкова, в эстетическом и, в частности, в лингвоэстетическом дискурсе содержится не просто оформленная смылосодержащая информация, а картина мира, создаваемая затекстовым автором произведения [Моташкова, 2002, с. 122].

Вербально-эстетическая картина мира – это вторичная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании зрителя, слушателя – при восприятии других произведений искусства).

В современных исследованиях, связанных с генерацией и рецепцией вербально-эстетических феноменов, существует тенденция рассматривать произведение не только как результат коммуникации между автором и реципиентом, но и как следствие бытия этого произведения в особой оболочке наслоений культурных эпох, традиций, философских концепций и эстетических направлений [Миллер, 2000, с. 40].

Персональная и неповторимая *индивидуально-авторская картина мира* адекватно являет себя лишь в частных моделях отдельных отрезков действительности, конструируемых автором, в создаваемых им художественных текстах.

Надо полагать, что общая авторская картина мира, воплощаемая в тексте, не существует в полностью готовом виде до текста — она сама достраивается и уточняется в процессе построения частной модели (текста), подобно тому как концепция ученого достраивается

и уточняется, по мере того как он излагает ее в статье или монографии. Личностный характер художественного текста имеет важное следствие на уровне стиля: тенденцию к словесной образности.

В свете когнитивной парадигмы художественный текст осмысливается, по замечанию Л.Г. Бабенко, как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира [Бабенко, 2005, с. 24].

Следовательно, художественный текст, по определению В.П. Беянина, «представляет собой личностную интерпретацию действительности. Писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом. <...> картина мира, отображенная в художественном тексте, является структуризацией и вербализацией картины мира автора как личности, обладающей акцентуированными характеристиками» [Беянин, 1988, с. 55].

По мнению Л.Г. Бабенко, «текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей» [Бабенко, 2004, с. 13].

Другой исследователь, Ю.А. Сорокин, высказывает мысль о том, что художественный текст – это текст, в котором наличествует индивидуальное авторское ощущение. В художественном тексте выявляется объективное содержание или взаимосвязь вещей, явлений с личностью; он создан по закону красоты и характеризуется художественной правдой и гармонией; обладает неповторимой формой; художественный текст оригинален, своеобразен, субъективен; он существует как эстетическое отношение к действительности [Сорокин, 1988, с. 16].

Индивидуально-авторская картина мира имеет в тексте отраженный характер, она в большей степени субъективна и, как полагает В.И. Постовалова, «несет на себе черты своего создателя» [Постовалова, 1988, с. 48].

Продуктивным способом описания индивидуально-авторской

картины мира является концептуальный анализ, который заключается в выведении из содержания всего текста базового концепта, а также сведений, знаний о концепте, составляющих его концептосферу. В литературно-художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира, проявляющаяся и в том, что автор как творческая личность, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представления о мире и свои частные, индивидуальные знания [Бабенко, 2005, с. 84].

Как правило, исследование семантического пространства художественного текста обязательно включает следующие текстовые универсалии: «человек», «время», «пространство». При этом особенно подчеркивается универсалия «человек»: «Все без исключения единицы художественного текста и формально-смысловые отношения между ними как основа его структурности и концептуальности подчинены человеконаправленности» [Золотова, 1997, с. 41].

Кроме того, особенно подчеркивается в формировании семантики литературного произведения роль автора и персонажа как основных репрезентантов категории персональности в художественном тексте. Так, Е.А. Гончарова отмечает, что «в макроструктуре художественного текста присутствуют выражаемые с помощью средств прямой и опосредованной номинации антропоцентры автора и персонажа» [Гончарова, 1984, с. 26].

Это обусловлено тем, что художественный текст имеет абсолютно антропоцентрический характер, т.к. «искусство в состоянии скорее создать адекватную картину не внешнего мира..., а картину субъективных миров – внутренней духовной жизни человека во всей ее целостности и полноте» [Постовалова, 1988, с. 39].

Следствием этого является то, что «каждый подлинно великий писатель – это открытие нового человека» [Гинзбург, 1992, с. 7].

Именно человек, его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения.

Особую трудность для декодирования, интерпретации и вербализации представляют собой такие специфические тексты, в которых художественная форма литературного произведения содержит в себе не совокупный, а сознательно эстетически закодированный, априорный философский смысл, или, точнее,

системную философскую концепцию. При этом происходит смещение, сдвиг, не только в жанровой природе художественного текста, но и во всех его системах и структурах, сказываясь, прежде всего, на формах и принципах взаимодействия автора и читателя, в основу коммуникативно-дискурсивного взаимодействия которых закладывается интенсивный обмен генерализированной концептуально-философской информацией в художественных формах.

Если говорить о вербальном пространстве такого философско-эстетического феномена, то, оно, в принципе, отличается от «чисто» художественного, явной или скрытой, доминирующей денотативностью своей семантической системы и структуры.

Итак, каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, т.е. частный вариант концептуализации мира. Выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире являются системой представлений, направленных адресату. В этой системе наряду с универсальными общечеловеческими знаниями существуют уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления автора. Концептуализация мира в художественном тексте, с одной стороны, отражает универсальные законы мироустройства, а с другой – индивидуальные, даже уникальные мироощущения, воображаемые идеи. Степень соответствия универсальных и индивидуально-авторских знаний в вербально-эстетической картине мира текста может быть различна: от полного совпадения, тождества – до полного расхождения [Бабенко, 2005, с. 58-59].

Концептуальное пространство художественного текста является постоянно развивающейся информационной системой. Концептуальные смыслы, формирующие концепты, входящие в концептуальное пространство, представлены квантами соответствующих знаний, представлений и образной системы художественного текста.

Концептуальные признаки пронизывают индивидуально-авторскую, философско-онтологическую, вербально-эстетическую картины мира, которые соотносятся как части целого. Так, вербально-эстетическая картина мира отражает особенности философско-онтологической картины мира, которая в свою очередь делится на составляющие, то есть на индивидуально-авторские картины мира.

Художественные образы подаются в русле определенной философской позиции, но они распадаются на отдельные, специфические образы для каждого представителя данной философской мысли. Таким образом, вербально-эстетическая картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира.

Описание индивидуально-авторских картин мира необходимо дополнять исследованием общих особенностей поэтического мировосприятия. Следовательно, можно говорить о разных уровнях абстракции в восприятии вербально-эстетической картины мира, включающих как общие особенности постижения и интерпретации действительности искусством на определенном этапе, так и индивидуальные картины мира, созданные одним художником. И.П. Смирнов отмечает, что «на каждой фазе художественной эволюции персональные варианты смысловых трансформаций объединяются в межиндивидуальные семантические системы – из частных моделей мира вырастает общая картина реальности, свойственная той или иной литературной эпохе» [Смирнов, 1977, с. 203].

Говоря о специфике вербально-эстетической картины мира, необходимо отметить, что она есть «часть общеязыковой в той мере, в какой творческое сознание является частью общенародного сознания. Степень совпадения в каждом случае разная и зависит от творческой манеры автора» [Гаспаров, 1996, с. 94].

Свое выражение вербально-эстетическая картина мира находит в текстах автора, в зависимости от целей исследования это может быть один или несколько текстов, а также их совокупность, рассмотренная как единое целое, поэтому вербально-эстетическая картина мира заимствует большинство качеств не только менталитета своего автора, но и его творческой манеры. Так, все творчество автора едино и динамично одновременно, эти признаки характеризуют и вербально-эстетическую картину мира: в ней есть устойчивые черты, но в то же время она способна изменяться и развиваться [Гаспаров, 1996, с. 101].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 29–34.

2. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 496с.
3. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М. : Академический проект, 2004. – 464 с.
4. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – М. : МГУ, 1988. – 121 с.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
6. Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи / Г. Герц; издание подгот. А.Т. Григорьян, Л.С. Полак; общ. ред. И.И. Артоболевского ; пер. : В. Ф. Котова, А. В. Сулимо-Самуйло. – М. : Изд-во акад. наук СССР, 1959. – 386 с. – (Классики науки).
7. Гинзбург Ю. Бунт и рабство / Ю. Гинзбург // Вопросы литературы. – 1992. – № 1 – С. 206–225.
8. Гончарова Е.А. Пути лингвистического выражения категорий автор-персонаж в художественном тексте / Е.А. Гончарова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. — 149 с.
9. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
10. Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / А.А. Залевская // Языковое сознание и образ мира. – М. : Прогресс, 2000. – С. 39–54.
11. Золотова Г.А. Время в мире и в тексте / Г. А. Золотова // Категоризация мира : пространство и время. – М. : Высшая школа, 1997. – 196 с.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2002. – 264 с.
13. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский ; отв. ред. А.М. Шахнарович ; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1990. – 107 с.
14. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке : Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный ; отв. ред. Е. С. Кубрякова ; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1991. – 238 с.
15. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
16. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
17. Михайлов Н.Н. Теория художественного текста / Н.Н. Михайлов. – М. : АCADEMIA, 2006. – 218 с.
18. Моташкова С.В. Художественный текст : методология и методика лингвоэстетического анализа : учебное пособие / С.В. Моташкова. – Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2002. – 152 с.

19. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 3. – Воронеж : Истоки, 2003. – 190 с.
20. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.
21. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
22. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 8–69.
23. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов ; науч. ред. В.Б. Кашкин ; Воронеж. гос. ун-т, каф. роман. филологии. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2003. – 272 с.
24. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И.П. Смирнов. – М. : Наука, 1977. – 310 с.
25. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М. : Наука, 1988. – 267 с.
26. Фесенко Т.А. Реальный мир и ментальная реальность: парадигмы взаимоотношений: монография / Т.А. Фесенко. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – 247 с.
27. Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
28. Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии / К. Ясперс. – М. : Изд. центр Академия ; СПб : Белый кролик, 1996. – 1 т. – 349 с.

Воронежский государственный
университет инженерных технологий

THE NOTION «PICTURE OF THE WORLD» AND SPECIFIC CHARACTERISTICS OF ITS PARTICULAR TYPES

E.A. Yadrikhinskaya

The article is devoted to the notion «picture of the world» in detail, is represented different definitions of this notion and is identified specific characteristics of different types of pictures of the world in modern linguistics

Key words: picture of the world, language, lingvocognitology, aesthetics, philosophy, artistic text, semantic space, concept

СТАТУС СОЦИОЛЕКТНОЙ ОНОМАТОПЕИ В ИЕРАРХИИ ИКОНА-СИМВОЛ

О.Г. Нехаева

В статье рассматривается трансформация одного типа языковых знаков в другой. На примере звукоподражательных лексем русского языка предпринята попытка показать роль социолекта в приобретении знаком, обладающим иконической природой (ономатопея), статуса знака-символа

Ключевые слова: языковой знак, икона, символ, метафора, ономатопея, социолект, сленг

Типология знаков американского философа, логика и математика Ч.С. Пирса (1839-1914), построенная на способе связи между означающим, имеющим материальные качества, и означаемым знаком, является одной из наиболее авторитетных и представляет собой деление знаков на «иконны», «индексы» и «символы».

По мнению Ч.С. Пирса, «икона» – это знак, основанный на подобии означаемого и означающего. Любой знак может служить иконой просто потому, что похож на свой объект [Пирс 2000: 202-205].

«Индексальные» знаки предполагают реальную связь со своими объектами. Флюгер, указывающий направление ветра, стук в дверь, низкие показания барометра, удар грома – все, что фокусирует наше внимание, есть индекс. В языке это междометия, указательные и притяжательные местоимения, предлоги и предложные фразы [Пирс 2000: 206-211].

К «символам» Ч.С. Пирс относит любые знаки, которые отсылают к обозначаемому им объекту в «силу закона», то есть определенной естественной или конвенциональной привычки. «Символ связан со своим объектом через идею пользующегося символом ума – идею, без которой не существовало бы никакой такой связи» [Пирс 2000: 217].

Ч.С. Пирс отмечал тот факт, что символы растут, возникая из других знаков, в особенности из икон или из смешанных знаков, имеющих природу как икон, так и символов [Пирс 2000: 213], то есть

в процессе эволюции языка иконические знаки могут приобретать признаки знаков-символов, которые не были свойственны им изначально.

Наиболее глубокое лингвистическое осмысление идеи Ч.С. Пирса получили в работах российского, позже – американского лингвиста Р.О. Якобсона (1896 – 1982). Именно Р.О. Якобсон был первым ученым, который обратил внимание на высказанную Ч.С. Пирсом идею о том, что различия трех основных видов знаков – это лишь относительные различия в их иерархии. В основе этих различий лежит только преобладание одного из факторов над другим [Якобсон 1983: 106].

Последующее развитие знаковой теории Пирса-Якобсона сопряжено с когнитивным подходом к семиотическим феноменам, инициатором которого в нашей стране стала Е.С. Кубрякова.

Для Е.С. Кубряковой материальность, субстанциональный характер знака, наличие у него собственного «тела» – это такое же неотъемлемое свойство знака, как передаваемое им содержание, и этой стороне знака надо уделять не меньшее внимание, чем его значению [Кубрякова 2004: 495-496].

По мнению Е.С. Кубряковой, типология Ч.С. Пирса дает возможность понять не только особенности языковых знаков, но также их интенциональную природу – языковые знаки специально используются для передачи значения, в то время как естественные знаки (например, следы на песке) такого назначения не имеют. Анализируя вклад в проблему типологии знаков Р.О. Якобсона, Е.С. Кубрякова обращает внимание на то, что классификация знаков характеризуется им как зависимая исключительно от того, как «тело» знака определенной природы репрезентирует свое содержание [Кубрякова 2004: 498].

Ранее уже было отмечено, что звукоподражательные глагольные лексемы, обладающие иконической природой, полностью утратившие мотивированность, являются знаками-символами [Бабушкин 2005: 6; Нехаева 2014: 3].

Цель данного исследования заключается в том, чтобы на материале звукоподражательных отглагольных существительных русского языка (в нашем понимании, иконы) проследить семантическое развитие языкового знака и показать роль социолекта в приобретении ими статуса знака-символа.

Согласно Толковому словарю иностранных слов под редакцией Л.П. Крысина, социолект – это совокупность языковых особенностей какой-нибудь социальной группы [Крысин 2008]. В данную совокупность входят язык арго и сленг.

В качестве примера, способного проиллюстрировать нашу идею, рассмотрим существительное «шелест», означающее *глухой, приглушенный звук* и являющееся звукоподражательным [Фасмер М.: 1986]. Приведем литературный пример употребления лексемы «шелест» в прямом значении. Так, «шелест» могут производить листья:

Фантазия, быть может, не менее реальна, чем шелест листвы (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976).

Шелестеть могут и бумажные денежные купюры:

Впрочем, даже если бы кто-то стал завлекать того же Коби Брайанта в Россию самым банальным методом экономического воздействия, дав баскетболисту послушать приятный шелест пачек стодолларовых купюр, то все равно далеко не обязательно он согласился бы сюда приехать [Ромуальд Шидловский. Шкурный интерес. Почему Коби Брайант не приезжает в Россию (2001) // «Известия», 2001.08.14].

Для нас интересным является то, что согласно Толковому словарю русского жаргона М.А. Грачева (далее – ТСРЖ), данное прямое значение в языке арго переросло в новое, когда «шелестом» называют *деньги* [Грачев М.А. 2006: 644]. В словаре представлена следующая иллюстрация:

Шелесту у меня полны карманы (там же).

Однако производное употребление исследуемой лексемы представляет собой не что иное, как метафорический перенос, мотивированность которого легко объяснима. Связь означающего, имеющего звукоподражательную основу, и означаемого в данном случае основана на реальном подобии.

По другому обстоит дело с отглагольным существительным «кукушка». Словарное определение данной лексемы следующее: *лесная перелетная птица, обычно не вьющая своего гнезда и кладущая яйцо в чужое гнездо* [Ожегов О.И., Шведова Н.Ю.: 1994] Словарь Фасмера отмечает слово «кукушка» как звукоподражательное [Фасмер М.: 1986]. Это подтверждает и представление человека о том звуке, который издает кукушка,

заключенное в глагольной лексеме «куковать», то есть «издавать характерный крик кукушки (ку-ку)» [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.: 1994]:

Уже давно село солнце, но лес не успел еще стихнуть: горлинки журчали где-то вблизи, кукушка куковала в отдаленье... (И.А. Бунин. Мелитон).

Помимо прямого значения существительного «кукушка», есть и иначе осмысливаемые употребления. Метафорическое употребление, связанное с образом жизни и поведением птицы, может быть проиллюстрировано следующим примером:

... это ее великолепно скрываемые боль и ужас матери, которая... сидела с ним, когда у него были кори и ветрянки, не то, что я, кукушка, бросила Наську на мамыны руки, чтобы выживать без опоры на мужские плечи (Мария Голованиевская. Я люблю тебя).

Толковый словарь русского жаргона М. А. Грачева дает разнообразные формы употребления существительного «кукушка», некоторые из которых, на наш взгляд, связаны с боем часов, из которых регулярно выскакивает металлическая кукушка: «кукушка» – *осведомитель в ИТУ, часовой, постовой милиционер, контролер в ИТУ, сторож* [Грачев М.А. 2006: 292]. Думается, что это связано с тем, что вышеперечисленные исполнители по роду деятельности обязаны «быть на чеку» и систематически осуществлять отчет перед вышестоящими инстанциями. Отсюда и жаргонное употребление данной лексемы. То есть любое лицо, обязанное доносить на кого-либо (не только в ИТУ) может быть названо «кукушкой»:

Поскольку вам тут все слышать, о чем говорят немцы, то надо посадить «кукушку» (Н.М. Растрепин, А.С. Коновалов, П.А. Стародубцев. Подвиг Новороссийска).

Заслуживает внимания и сленговое употребление лексемы «кукушка» времен советско-финской войны 1939–1940 годов, которым советские солдаты именовали финского снайпера. Как пишет Е. Жирнов в статье «Самая холодная война», ими являлись *женщины, сидевшие на густых елях с автоматами:*

Сидит она, ждет, когда наша колонна поближе подойдет... Когда середина колонны с «кукушкой» поравняется, она начинает бить длинными очередями. Пока ее засекут и обезвредят, 15-20 человек она уже уложила (Коммерсант-Власть. 30 ноября 1999, № 47).

«Кукушкой» многие годы назывались и *небольшие маневренные паровозы, а также поезда местного назначения на железнодорожных ветках.*

Когда в середине 1930х годов на болоте появился первый паровоз «кукушка», деревянные брусья были заменены металлическими рельсами (Н. Михайлов. Переславская узкоколейка // Наука и жизнь, 2009).

Малый Академический Словарь дает следующее толкование: поезда назывались «кукушками» от буквенного обозначения «К» [<http://mas-dict.narod.ru>].

Выдвинутую нами идею подтверждает и пример употребления звукоподражательной лексемы «свист» – отглагольного образования, означающего *резкий, высокий звук, производимый движением воздуха через сжатые губы или при помощи свистка, дудочки и т.п.* [Ожегов О.И., Шведова Н.Ю.: 1994]:

Они подали друг другу сигнал тихим свистом и в секунду преградили нам дорогу (Сати Спивакова. Не все).

По ТСРЖ, одним из метафорических употреблений данного слова является значение *постовой милиционер* [Грачев М.А. 2006: 522], что вполне объяснимо, так как человек данной профессии использует свисток для подачи определенных сигналов:

Сегодня видела, как тачка на свиста наехала (там же).

Однако отмечаются и такие значения анализируемого слова, которые довольно сложно понять носителю языка, не принадлежащему к определенной социальной группе людей.

На языке карточных игроков «свист» означает *как один из шулерских приемов, так и способ пометки игральных карт (тупым ножом с торцевой стороны)* [Грачев М.А., там же]:

Исполнитель хорошо знал свист (там же).

Кроме того, в определенных кругах рассматриваемая лексема используется в значении *ложь* [Грачев М.А., там же]. В примере ниже словосочетание «художественный свист» понимается как «изысканное вранье»:

Оперативники подключились к телефонной линии и мобильнику Петрова, слушают его разговоры, но пока ничего интересного: так, пустой треп и художественный свист (А. Троицкий. Шпион особого назначения).

В значении *лгун* употребляется и производное от существительного «свист» – «свистун» [Грачев М.А., там же]:

– *Ну и силен врать!.. Свистун. – А что я наврал?* (И. Меттер. Алексей Иваныч)

Интерес вызывает и еще одна производная лексема – «свистулька», которая в разговорной речи означает *девушка* [Грачев М.А., там же]:

Невесте должно быть не больше тридцати лет. То есть не девочка-свистулька и не дама в возрасте, так как бабушка хочет, чтобы у меня было много детей (Татьяна Луганцева. Та ещё штучка!).

Таким образом, примеры употребления лексем в «теле» которых заключено подражание тому или иному звуку, издаваемому птицей, человеком или объектом, наглядно демонстрируют переход от «чистых» иконических знаков, где проявляется эффект звукоподражания к метафоре, имеющей более слабую степень иконичности, основанную лишь на ассоциации. В то же время мы наблюдаем и такое употребление рассматриваемых лексем, которое позволяет отнести их к разряду знаков-символов, когда знак полностью теряет свою изобразительность и звукоподражательная основа остается лишь в «теле» знака. Смысл, несомый «телом» знака, становится ясен только благодаря серьезному этимологическому анализу, что свидетельствует о приобретении проанализированными языковыми знаками статуса знака-символа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А.П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте / А.П. Бабушкин // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. №2. С. 5 – 11.
2. Грачев М.А. Толковый словарь русского жаргона. Серия «Словарная классика» / М.А. Грачев.- М.: ЮНВЕС. 2006. – 704 с.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. М.: Эксмо, 2008. 944 с. [Электронная версия] URL: <https://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 09.02.2017).
4. Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания, № 4, 1993. С. 18 – 28.
5. Нехаева О.Г. Языковые знаки «первичной» и «вторичной» иконичности в процессе их семантического развития: автореф. дис. ...канд. филол. наук. / О.Г. Нехаева. - Воронеж, 2014.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская АН; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп.- М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
7. Пирс Ч.С. Учение о знаках / Ч.С. Пирс // Избранные философские произведения. Перевод с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. С. 176 – 233.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. [Электронная версия] URL: <http://mas-dict.narod.ru/> (дата обращения: 12.12.2016).
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. [Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва]. 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. Т. 2 (Е – Муж). 676 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. [Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва]. 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. Т. 4 (Т – Ящур). 860 с.
11. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка / Р.О. Якобсон // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. С. 102 – 117.

Воронежский государственный
технический университет

THE STATUS OF SOCIOLECT ONOMATOPOEIA IN THE HIERARCHY ICON-SYMBOL

O.G. Nekhaeva

The article considers the transformation of one type of language sign into the other. On the example of Russian language onomatopoeic lexeme, an attempt is made to demonstrate the role of sociolect in getting the status of symbolic sign by language sign that has iconic nature (onomatopoeia)

Key words: language sign, icon, symbol, metaphor, onomatopoeia, sociolect, slang

КАРТИНА МИРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Т.А. Жданова

В статье рассматривается динамика картины мира людей на примере изменения их представления об орудиях трудах посредством анализа письменных источников различных лет

Ключевые слова: картина мира, орудия труда, лексикографические определения, контекстные употребления

По определению Р. Редфильда, картина мира - это видение мироздания, характерное для того или иного народа, представление членов общества о самих себе и своих действиях, своей активности в мире. Она подразумевает знания человека об окружающем мире, соответствующие тому или иному этапу развития общества (Редфильд, 1955).

При этом картина мира большинства людей не относится к числу устойчивых репрезентаций имеющегося опыта. С течением времени, в различных периодах культурно-исторического становления общества существенно меняется уровень его развития: объем имеющихся знаний, производство материальных ценностей, наука, культура, вследствие чего преобразуются и сами картины мира, трансформируясь и изменяясь в том или ином направлении в соответствии с увеличением потребностей людей. Их преемственность строится во многом на передаче опыта и знаний, получаемых по наследству.

Картина мира освобождается от неактуальных, социально незначимых смыслов, не востребованных более в практической деятельности. Некоторые устаревшие вещи переходят в своего рода «пассивный запас» современной культуры, а затем грозят вовсе уйти в небытие. В связи с этим М. Хальбвакс отмечает такой феномен, как «социальное забвение», то есть утрата тех или иных сведений о минувшем. Память сохраняет из прошлого лишь то, что является жизненно важным, что поддерживается и продолжает жить в сознании той или иной группы (Хальбвакс, 2007: 168). Каждое новое поколение постоянно находится перед выбором: что из «наследия

отцов», утратившего свою непосредственную практическую ценность, необходимо удерживать в памяти, и что из сохраненного можно использовать (Илизаров, 1995: 520-522).

Картина мира, таким образом, включает в себя реалии как прошлого, так и настоящего, строясь на основе достигнутых и переданных знаний различных поколений.

Что именно хранится в памяти людей, а что утрачивается, можно проследить, сопоставив письменные источники различных лет – данные толковых словарей и художественных текстов, поскольку лексикографические источники фиксируют картину мира именно той эпохи, в которую они создавались. Ю.Н. Караулов отмечал, что каждая эпоха обладает своими собственными знаниями о мире, и как только мы начинаем объяснять значение слова и прибегаем для этих целей к другим словам, мы неизбежно обращаемся к этим знаниям, учитываем внеязыковой опыт (Караулов, 1987: 168).

В.В. Морковкин, в свою очередь, полагал, что «если мы наложим друг на друга тематически организованную лексику одного и того же языка разных эпох, то нашим глазам откроется объективная картина движения человеческого познания. Мы увидим, как растет одна тема и «сжимается» другая, как происходит переоценка ценностей внутри самих тем, как появляются и уходят в небытие слова и множество других любопытнейших и интереснейших фактов. Являясь в какой-то мере зеркалом эпохи, словарный состав языка отражает уровень представлений людей о тех или иных явлениях, а иногда характеризует и сами явления» (Морковкин, 1970: 10).

В качестве примера можно рассмотреть определения сельскохозяйственных орудий труда, использовавшихся в XIX – начале XX вв. и вышедших к настоящему времени из активного употребления, - *борона, соха и плуг*. Нас интересовало, какие изменения претерпевают их дефиниции с течением времени, что из былых сведений о них утрачивается, а что оказывается актуальным в наши дни.

Так, наиболее полное представление о *бороне*, древнем примитивном пахотном орудии, отражает словарное толкование В.И. Даля: *«земледельческое орудие для скороженья, бороньбы, для разбивки комьев после вспашки, для выравнивания вспаханного поля и зарытия посева; крестьянская борона, из двойных продольных и тройных поперечных грядок, решеткою в 15 клеток, связана вязками,*

витнями, в кои заклинены зубья. Самая простая борона у нас, по легкой, северной почве - суковатка: еловые жерди, на коих покидаются сучья в две четверти длиною (смычьё), или расколотые для этого суковатые лесины связываются вицами, закрутками и ими же привертываются к оглоблям. На глубокой, плужной пахне употребляют тяжелую борону, с железными зубьями; на неровной, кочковатой или твердой - коленчатую, которая перегибается во все стороны звеньями» (Даль, 1956, т.1: 116-117).

В словаре Д.Н. Ушакова, впервые вышедшем в 30-х годах прошлого века, отдельные детали бороны выпадают из дефиниции слов. Хотя некоторые подробности устройства этого сельскохозяйственного орудия, которое продолжает использоваться, еще сохраняются: *«земледельческое орудие, состоящее из рамы с вертикально направленными зубьями, служащее для мелкого рыхления почвы» (Ушаков, 2005: 136).*

В современном крестьянском хозяйстве борона вышла из повсеместного употребления, и в лексикографических источниках она трактуется как *«сельскохозяйственное орудие для рыхления вспаханной земли» (Евгеньева, 1999, т. 1:108).*

Соху, являющуюся главным почвообрабатывающим орудием русских крестьян до 30-х годов XX века, В.И. Даль описывал следующим образом: *«самое простое крестьянское орудие пахны; основа сохи колодка, поперечный чурбан, в колодку вделываются наглухо спереди обжи (оглобли), сзади рукояти, разного вида, рассохой (рогаль) или поперечным брусом (казачка); под колодкой полоз, подошва или рассоха, на развилке которой насаживаются сошники, лемехи; над ними полица, железная лопаточка, которой ручка закручена под (при) тужинами (веревкою накрест), перекадывается по обе стороны и служит для отвалу земли» (Даль 1956, т.4: 283).*

Как и в дефиниции бороны, словарь содержит подробную информацию об устройстве и дизайне данного орудия труда с употреблением слов - архаизмов для наших дней.

Из числа характеристик, упомянутых ранее, в современных толкованиях фиксируется лишь предназначение инструмента: *«примитивное сельскохозяйственное орудие для вспашки земли» (Ожегов, 1981: 669).*

По В.И. Далю, *плуг - это «самое тяжелое пахотное орудие, сабан, употреблявшееся на юге и юго-востоке для оранья под пшеницу, волами. Лемех, отрез и большую часть столб в плуге железные, грядиль, чапина и др. части деревянные. Отрез или нож - основное отличие плуга от сохи; косуля или сохи с отрезами представляют уже переход к плугу, который не роет только землю бороздой, а подымает отрезанный пласт и переворачивает его»* (Даль, 1956, т. 3: 130). Древность плуга как сельскохозяйственного орудия труда подтверждается и употреблением таких архаичных лексем, как «сыбан», «грядиль» и «чапина».

В словаре Д.Н. Ушакова *плуг* описывается по-другому. В дефиниции не упоминаются элементы дизайна, функциональной предназначенности: *«сельскохозяйственное орудие с широким изогнутым металлическим лемехом для вспашки, разрыхления почвы перед посевом»* (Ушаков, 2005: 533).

Лексикографические толкования современных авторов еще менее подробны: *«сельскохозяйственное орудие с широким металлическим лемехом или диском для вспашки земли»* (Евгеньева, 1999, т.3: 146).

Сведения толковых словарей определенным образом дублируются в литературных контекстах. Нас интересовало, в какой мере сохраняется при описании *бороны, сохи и плуга* данная закономерность – сокращение объема информации о реалиях по мере выхода их из активного использования. Уточним, что контексты с начала XX-го столетия до 80-х годов были включены в первую рассматриваемую группу, а сочинения современных авторов - во вторую.

В произведениях первой группы отмечается точное описание конструктивных элементов заявленных орудий труда, а также характера их эксплуатации: *«Устинов не сразу, но догадался - на дороге под снежком, под веточками положена была кверху зубьями борона»* (С. Залыгин. Комиссия). *«Прошлогодня трава забивала зубья, и борона все время тащилась поверху, то и дело ее приходилось переворачивать и чистить»* (В. Распутин. Последний срок). А вот произведение современного автора, в котором устаревшие орудия труда лишь упоминаются: *«Во дворе громоздилась разное хозяйственное старье: и плуг, и борона, и косилка»* (А. Иличевский. Горло Ушулука // «Октябрь», 2007).

Соха в середине прошлого столетия описана со знанием ее дизайна и особенностей применения: *«Я видел, как он стоял на телеге, на которой соха торчала вверх сошниками»* (Ф.В. Гладков. Повесть о детстве). *«Вот иду и дрожу, не дай бог соха на камень наедет да из земли выскочит»* (В. Белов. Плотницкие рассказы). Приведем отрывок произведения недавних лет, в котором соха лишена деталей: *«Ни одного механизма, облегчающего труд, лишь соха универсального типа»* (А. Азольский. Лопушок // «Новый мир», 1998).

Обратим внимание на конструктивные элементы, а также функцию плуга в произведениях 70-х годов прошлого века: *«Они распирала плуг, лезли на раму»* (Ч. Айтматов. Верблюжий глаз). *«Когда запряженный тремя, четырьмя парами круторогих быков тяжелый плуг режет в бескрайней степи борозду, отбеленный лемех отваливает жирную, маслянистую землю»* (А. С. Серафимович. Железный поток). Нижеследующий отрывок не выявляет подробного представления о плуге: *«В какой-то момент травы стали немножко заворачиваться, и я увидела плуг, который перекапывал землю»* (Т.М. Буюкас. Национальный путь развития личности // «Вопросы психологии», 2003).

Приведенные примеры описания орудий служат подтверждением тому, что картина мира сохраняет не все знания из прошлого, не весь накопленный багаж старших поколений. Мы видим, как лексикографические источники и литературные произведения трактуют орудия труда в соответствии с их востребованностью обществом.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. По мере выхода орудий труда из повсеместного употребления, их образы становятся все более схематичными и упрощенными, сокращается объем имеющихся сведений о них. Поэтому многие слова, номинирующие детали ушедших в прошлое артефактов, предаются забвению. Добавим, что функциональные знания об орудиях труда оказываются более устойчивыми к воздействию времени, чем присущие им внешние характеристики.

Наше исследование подтверждает изменчивость языковой картины мира в динамике истории и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Redfield R. The Little Community. Viewpoints for the Study of a Human Whole. – Uppsala and Stockholm: Almqvist and Wiksells, 1955. – (URL: <http://ethnopsyhology.narod.ru/study/history/worldview.htm>).
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
3. Илизаров Б.С. Память социальная / Б.С. Илизаров // Энциклопедический социологический словарь. Общая ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1995. С. 520-522.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
5. Морковкин В.В. Идеографические словари / В.В. Морковкин. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1970. – 71 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах (под ред. В.И. Даля). Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – М. – 1956.
2. Толковый словарь русского языка (под ред. Д.Н. Ушакова). – М.: Альта - Принт, 2005. – 1216 с.
3. Словарь русского языка в 4 томах (под ред. А.П. Евгеньевой). – М.: Русский язык, 1988.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка (под ред. Н.Ю. Шведовой). – 13 изд., – М.: Русский язык, 1981. – 816 с.

Воронежский государственный
технический университет

WORLD PICTURE IN HISTORICAL DYNAMICS

T.A. Zhdanova

The article describes the dynamics of people's world picture on the example of changing their understanding of working tools through the analysis of written sources of different years

Key words: world picture, tools, lexicographic definitions, contexts

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ANYBODY, ANYONE

У.В. Богданова

В статье рассматриваются типы семантического субъекта в неопределенно-личных конструкциях с anybody, anyone и его особенности. Анализ конструкций выявляет имплицитный смысл «незамещённых» синтаксических позиций субъекта, которые можно представить в виде различных типов семантического субъекта

Ключевые слова: пропозиция, семантический субъект, агенс, конструкция, местоимения, anybody, anyone

В лингвистических исследованиях широкое развитие получило понимание знаковой природы синтаксического построения. Вслед за В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, З.Д. Поповой, В.А. Федоровым мы признаем статус структурной схемы простого предложения как основной синтаксической единицы. Под структурной схемой простого предложения понимаются знаки пропозиции, которые представляют собой ментальное представление события [1; 2]. Пропозиции зафиксированы конкретными словоформами, обозначающими субъект и предикат мысли, между которыми устанавливаются предикативные отношения. В пропозиции особый интерес для нашего исследования представляет позиция субъекта. Г.А. Золотова считает, что категория языкового субъекта относится к модели предложения с точки зрения системной организации синтаксиса. Различия в форме и значениях главных компонентов определяют понятие типов предложения [3, с. 99-100]. В плане выражения субъект может быть представлен не только подлежащим; он может быть вставлен в форму сказуемого; субъект может быть и неопределённым. Исследование неопределённого субъекта, его семантических типов представляется перспективным в современной лингвистике.

Следует отметить, что в предложениях неопределенно-личной семантики позиция субъекта присутствует, но остается не

заполненной. В связи с этим возникает возможность заполнить ее понятием «подразумеваемый агент», так как оно соответствует целям практического анализа семантического содержания структурных схем.

Субъект с неопределенным значением имеет свои средства выражения – местоименные, глагольные, структурно-семантические. Г.А. Золотова уделяет особое внимание роли местоимений в предложениях, отмечая, что значения неопределенно-личности и обобщенно-личности могут быть выражены с помощью местоимений [4, с. 56]. Интересны работы К.Е. Майтинской, которая провела типологические исследования местоимений в индоевропейских языках [5].

В английском языке имеются конструкции, в которых значение субъекта является неопределенным. Помимо пассивных к ним относятся и конструкции с местоимениями *one, you, they*, в которых нам удалось выявить достаточно большой спектр значений подразумеваемого агента [6, с. 68-76]. Однако вопросам определения семантики неопределенного субъекта (агента) и его типов в конструкциях с *somebody, someone, anybody, anyone* уделяется незаслуженно мало внимания в лингвистических исследованиях. В связи с этим представляется интересным провести исследовательскую работу в этом направлении.

Целью нашего исследования является определение и анализ типов семантического субъекта (агента) в конструкциях с *anybody* и *anyone*. Проведенный анализ со сплошной выборкой примеров позволил выделить следующие типы подразумеваемого агента (ПА).

1. *Агент известный, но не существенный для высказывания.*

Агент известный, но не существенный для высказывания был выявлен нами в конструкциях как с *anybody*, так и с *anyone*. Отмечается употребление данного типа агента в ситуациях, когда и без конкретного обозначения лица вполне ясно из контекста, о ком идет речь, или когда не хотят называть того, о ком идет речь.

Now these were fair words and true, if proudly and grimly spoken, and Bilbo thought that Thorin would at once admit what justice was in them. He did not, of course, expect that *anyone would remember* that it was he who discovered all by himself the dragon's weak spot; and that was just as well, for no one ever did. (Tolkien p. 246) Сейчас это были справедливые слова (Барда), сказанные гордо и сурово, и Бильбо

решил, что Торин сразу же с ними согласиться. Он не ожидал, что *кто-то вспомнит*, что именно он нашел уязвимое местечко у дракона; но вряд ли, им не до того. ПА – кто-то из двух: Торин или Бард. Вспомнить подвиги Бильбо должен был не какой-то любой абстрактный человек, а именно любой из двух конкретных людей. Недостаток информации о реальном деятеле компенсирует предыдущий контекст, в котором конкретизируется семантический субъект (агенс).

Под агенсом может подразумеваться кто-то из известных говорящему людей, кто-то из окружающих, присутствующих неподалеку. Bilbo got up, and found that he did not know in what direction to turn. «Now I wonder what on earth Smaug is playing at,» he said. «He is not at home today (or tonight, or whatever it is), I do believe. If Oin and Gloin have not lost their tinder-boxes, perhaps we can make a little light, and have look round before the luck turns». ‘Light!’ he cried. ‘Can *anybody* make a light?’ The dwarves, of course, were very alarmed when Bilbo fell forward down the step with a bump into the hall, and they sat huddled just where he had left them at the end of the tunnel (Tolkien p. 223-224). Бильбо встал и понял, что не знает, где повернуть. – Знать бы, что затеял Смауг, – сказал он сам себе. – Похоже, его нет дома (сегодня вечером или что там сейчас). Если бы Оин и Глоин не потеряли огниво, мы бы зажгли какой-нибудь огонь и огляделись вокруг. – Огня, – крикнул он. – *Кто-нибудь может зажечь огонь?* Гномы, конечно, были очень испуганы, когда Бильбо упал вперед с шумом, они собрались в том месте, где он их покинул в конце туннеля. ПА – кто-то из гномов, спутников. Агенс в этом примере можно выявить из последующего контекста: именно к гномам, которые путешествуют с ним, Бильбо обращается с просьбой.

Критерием выявления агенса известного, но не существенного для высказывания является контекст как последующий, так и предыдущий. Использование *anybody*, *anyone* для выражения данного типа агенса обусловлено прежде всего, очевидностью действующего лица.

2. Агенс обобщенный всеобщий.

Агенс обобщенный всеобщий относится ко всем людям вообще, без выделения их особенных профессиональных, социальных или возрастных характеристик. Семантическое значение этого типа агенса – «все; не важно кто; любой».

‘Common sense, indeed!’ said the Rocket indignantly; ‘you forget that I am very uncommon, and very remarkable. Why, *anybody can have common sense*, provided that they have no imagination (Wild p. 116). – Просто здравый смысл! – Возмущенно фыркнула Ракета. – Вы забываете, что я совсем не простая, а весьма замечательная. *Здравым смыслом может обладать любой* при условии отсутствия воображения. ПА – любые люди. Учитывая тот факт, что речевая ситуация приведенного примера – общепринятое мнение, становится понятным, почему действующий субъект этого высказывания объединяется с неким множеством других действующих лиц, что выражается в дальнейшем местоимением «*they*». В английских конструкциях с агенсом обобщенным, всеобщим возможно определить деятеля как «все», «любые люди».

But the portcullis was often open, for a good deal of traffic went out and in by the water-gate. If *anyone had come in that way*, he would have found himself in a dark rough tunnel leading deep into the heart of the hill (Tolkien p. 170). Но эту решетку часто поднимали, так как эльфы предпочитали не возить грузы через лес. Если *кто-то прошел* этой дорогой, он бы обнаружил себя в темном подземном коридоре, который ведет вглубь холма. ПА – любой человек. Говорящий представляет реального деятеля как любое лицо, каждого, к которому можно отнести называемое в высказывании действие *come in that way*. В дальнейшем деятель обозначается личным местоимением единственного лица «*he*».

‘My own garden is my own garden,’ said the Giant; ‘*any one can understand* that, and I will allow nobody to play in it but myself.’ (Wild p. 60) – Мой сад-это мой сад, сказал Великан, – и всем это должно быть ясно, и никому, кроме себя, я не позволю здесь играть. ПА – любой, каждый. Подчеркивается, что понять некий факт совсем не трудно, это способен сделать любой человек. В ситуациях объяснения, обращения к слушателям (с агенсом обобщенным всеобщим) достаточно часто наблюдается использование модальных глаголов *can, could, may, have to* со значением *следует, желательно, должно, можно*. Реальный деятель выводится из высказывания, а действие и его оценка описываются с точки зрения говорящего.

3. Агнс, конкретизируемый в ситуации речи.

‘For the Arkenstone of my father,’ he said, ‘is worth more than a river of gold in itself, and to me it is beyond price. That stone of all the

treasure I name unto myself, and I will be avenged on *anyone who finds it and withholds it.*' (Tolkien p. 252) – Завет-камень моего отца, – сказал он, – стоит дороже реки золота, а для меня вообще бесценен. Этот камень из сокровища я возьму себе. И горе *кому-то, кто найдет его и возьмет себе.* ПА – тот, кто находится в этой ситуации. Агенса, конкретизируемый в ситуации речи, относится не к любым людям, а только к участникам конкретной речевой ситуации. Этот тип агенса обнаружен только в конструкциях с *anyone*.

Следует отметить, что местоимения *anybody* и *anyone* традиционно рассматриваются как неопределенные обобщенные и совершенно идентичные, взаимозаменяемые. Однако анализ материала показал, что в конструкциях с этими местоимениями выявляются разные типы агенса.

Агенса известный, но не существенный для высказывания определяется в конструкциях с *anybody* и *anyone*.

Агенса обобщенный всеобщий характерен для конструкций с *anybody* и *anyone*.

Агенса, конкретизируемый в ситуации речи был выявлен нами только в конструкциях с *anyone*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209с.
2. Федоров В.А. Национальная специфика синтаксических концептов / В. А. Федоров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2013. – 36 с.
3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
4. Золотова Г.А. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики Г.А. Золотова // Вопр. языкознания. 1988. -№4 С.52-58.
5. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем / К.Е. Майтинская. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
6. Богданова У.В. Семантические типы субъекта в английских предложениях с обобщенно-личными местоимениями *one, you, they* / У.В. Богданова // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. научн. тр. – Воронеж, 2015. Вып.13. – С. 68-76.

ИСТОЧНИКИ

1. Tolkien J.R.R. The Hobbit or there and back again. Penguin books, 1994. – 285p.
2. Wild O. The happy prince and other stories. Pan books, 1997. – 134 p.

Воронежский государственный
технический университет
TYPES OF SEMANTIC SUBJECT IN INDEFINITE
CONSTRUCTIONS WITH ANYBODY, ANYONE

U.V. Bogdanova

This article deals with types of semantic subject in indefinite constructions with anybody, anyone and its special features. Analyses of constructions reveal the implicit meaning of «not substituted» syntactic positions of subject that can be represented in the form of various kinds of semantic subject

Key words: proposition, semantic subject, agent, construction, pronouns, anybody, anyone

ДИНАМИКА СИСТЕМЫ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ БИЗНЕС-ОБЪЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НОМИНАЦИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИТАНИЯ Г. ВОРОНЕЖА)

О.В. Гостева

Система имен собственных бизнес-объектов характеризуется динамичностью. На материале названий предприятий общественного питания г. Воронежа выявлены непрерывность и системность динамических процессов в сфере ИСБО

Ключевые слова: имя собственное бизнес-объекта (ИСБО), модель коммерческой номинации, динамичность системы, тематическая группа, имя собственное предприятия питания

Имена собственные бизнес-объектов (ИСБО) все чаще привлекают внимание исследователей [5, 6]. В работах лингвистов ВГТУ сформулирован и на материале отдельных групп номинаций проиллюстрирован тезис о присущей подобным номинативным единицам динамичности. Класс имен собственных бизнес-объектов предстает как динамичная часть ономастического пространства.

Поскольку класс ИСБО состоит из подклассов, которые образованы видами названий бизнес-объектов разных типов, например, парикмахерских, салонов красоты и т.д., динамичность класса (системы) ИСБО предстает как результат динамичности его подклассов (подсистем).

Рассмотрим основные причины динамичности ИСБО. Так, динамика системы обусловлена необходимостью *избегать дублирующих номинаций*. Создавая номинацию коммерческого предприятия, адресант ориентируется на систему уже существующих ИСБО прежде всего в том населенном пункте, где находится объект, для которого разрабатывают название.

Поскольку наименование бизнес-объекта призвано выделять его на фоне других подобных объектов, постольку оказывается необходимым для адресанта поиск *свежих номинативных решений*. Появление новых номинативных тенденций способствует динамичности системы ИСБО.

Как представляется, к системе ИСБО применимо понятие «эффект «предела насыщения»» [7, с. 159] - снижение готовности к дальнейшему восприятию у аудитории, получившей множество сходных сообщений [Там же]. Однотипные ИСБО перестают не только привлекать внимание аудитории, но и вызывать потребность обратиться к товарам или услугам рекламируемого объекта. Таким образом, смена номинативных тенденций в сфере ИСБО вполне объяснима.

Обновление тенденций осуществляется еще и в силу *сменяемости самих объектов*, вызванной не языковыми, а экономическими причинами.

Как видно, для динамичности системы номинаций бизнес-объектов существуют объективные основания. Мы опробовали следующую методику доказательства тезиса. ИСБО одного класса – названия предприятий общественного питания в г. Воронеже – описываются в ходе их количественного и качественного сопоставления.

Для этого фактический материал фиксировался трижды, в 2010, 2014 и 2017 годах. Так предполагалось выявить характер и темп происходящих изменений. Успешность исследования будет способствовать распространению методики анализа на другие классы ИСБО, что позволит приблизиться к описанию масштабов процесса.

Первая попытка зафиксировать проявления динамичности системы ИСБО была предпринята нами в 2014 году. Был проведен сопоставительный анализ материала названий предприятий питания 2010 года (112 ИСБО) и 2014 года (включены названия заведений общественного питания, открывшихся в Воронеже с 2010 года - 74 единицы). Некоторые результаты проведенного сопоставления отражены в наших работах [1; 2].

В феврале 2017 нами был проведен новый сбор материала ИСБО. Методом сплошной выборки из интернет-ресурсов, вывесок бизнес-объектов было выявлено 30 наименований предприятий общественного питания, открывшихся в г. Воронеже после предшествующего сбора материала в 2014 году. Представим результаты сопоставления данных 2010, 2014 и 2017 годов, выявляющие динамичность номинативных тенденций в данном классе имен собственных.

Как показывает материал, во всех трех выборках сохраняется распределение ИСБО в соответствии с компонентами предложенной нами [3] модели коммерческой номинации «кто-что-кому продает». Таким образом, динамические процессы в системе названий предприятий питания г. Воронежа подтверждают инвариантность, универсальность модели «кто-что-кому продает».

Во всех трех выборках отмечено, что каждый из компонентов модели может быть реализован в лексемах нескольких тематических групп ИСБО, следовательно, он получает разные варианты выражения. Сравним, например, названия «*Biscuit*» и «*Farfor*», принадлежащие к разным тематическим группам компонента «что продают». Первое название представляет компонент «что продают» посредством номинации продукта питания, второе – посредством указания на предметы, сопутствующие процессу приема пищи.

При распределенности номинаций по компонентам модели «кто-что-кому продает» проявляется такая характеризующая черта ИСБО, как ассоциативность. ИСБО, являясь реализацией рекламы, призвано оказывать влияние на адресата, т. е. подводить его к совершению нужных адресанту действий. Высокая ассоциативность ИСБО объясняется тем, что в стремлении воздействовать на адресата наименования бизнес-объектов в первую очередь направлены на эмоциональное, а не рациональное восприятие.

Материал показывает, что побуждение к действию (покупке товаров или услуг) в ИСБО, как правило, имплицитно. Таким образом, номинация бизнес-объекта выступает в качестве косвенного речевого акта.

Если ассоциативность ИСБО, способствующая формированию привлекательного образа бизнес-объекта, обусловлена стремлением воздействовать на адресата номинации, то обратной стороной высокой ассоциативности ИСБО является не поддающееся прогнозированию индивидуальное в ассоциативном восприятии.

Иными словами, адресант не может с точностью предсказать пути развития ассоциаций каждого конкретного адресата. Одна и та же номинация может получить противоположную оценку у двух разных адресатов. На различия в ассоциативном восприятии воздействует пол, возраст, социальный статус адресата и т.д. Индивидуальное в восприятии означает субъективность, а иногда и полярность вызываемых названием ассоциаций.

Учитывая высокую ассоциативность ИСБО, отметим: распределение номинаций в соответствии с компонентами модели «кто-что-кому продает» не означает, что название, соответствующее одному компоненту, полностью исключает ассоциации, связанные с двумя другими компонентами. ИСБО характеризуются сложностью, многокомпонентностью создаваемого ассоциативного образа.

Рассмотрим в качестве примера название предприятия питания г. Воронежа «Апраксин». Антропоним призван индивидуализировать предприятие в рамках того типа бизнес-объектов, к которому оно относится. Более того, именем собственным лица может быть представлен и компонент *кто*, и компонент *кому продают* [4].

Для индивидуализации в рассматриваемом названии выбран антропоним-фамилия. Апраксины – русский дворянский род, включающий достаточно много выдающихся представителей. Ассоциации с конкретной исторической личностью, принадлежащей к данному роду, будут различаться у разных адресатов. На сайте ресторана «Апраксин» не указано, почему в качестве номинации был выбран данный антропоним и на какую историческую личность он призван указывать.

Представляется, что данная номинация воздействует на адресата посредством «историчности» и статусности используемой фамилии, а не указанием на ее отдельного носителя. Подобная номинативная тенденция отмечена И.П.Лапинской в названии магазина мужской одежды «Георг» [4].

«Историчность» антропонима означает, что наименование «Апраксин» актуализирует компонент «кто продает», позволяя адресату достаточно определенно представить, в какой стилистике оформлено заведение. Действительно, на сайте ресторана размещены фотографии, представляющие классический интерьер с хрустальными элементами и статусной мебелью. Оформление интерьера определяется адресантом, т.е. характеризует его как личность и бизнесмена (указывает на то, *кто* продает).

При этом номинация «Апраксин» вслед за информированием о стилистике заведения позволяет строить предположения об особенностях его меню (компонент «что продают»). Однако они уже будут менее точными (русская, европейская или интернациональная кухня), чем предположения об особенностях интерьера, но будут ориентированы на высокое качество блюд и напитков.

В названии «*Апраксин*» проявляется отношение к компоненту «кому продают», которое предполагает в посетителе заведения человека высокого социального статуса. Вместе с тем компонент «кому продают» в номинации «*Апраксин*» не является ведущим (сравним с номинацией «*Status*», акцентирующей характеристики предполагаемого посетителя).

Таким образом, в ИСБО, характеризующихся ассоциативностью, могут проявляться все компоненты модели «кто-что-кому продает», однако их интенсивность в каждом конкретном случае различается. В данной статье ИСБО распределяется нами по наиболее четко выраженному компоненту модели.

Возвращаясь к рассмотрению динамичности в номинации предприятий питания г. Воронежа, отметим, что анализ материала 2010, 2014 и 2017 годов выявил как количественные, так и качественные изменения.

Так, количественная динамика системы проявляется в том, что с момента первого сбора материала в 2010 году появилось значительное количество новых ИСБО. Новые наименования предприятий питания г. Воронежа вошли в выборки 2014 года (74 единицы) и 2017 года (30 единиц). Их общее количество составило 104 единицы, что сопоставимо с полной выборкой 2010 года, которая включала почти столько же номинативных единиц (112 ИСБО).

Можно констатировать высокий темп обновления системы, другое дело, что причины этого явления лежат не в языковой, а экономической составляющей номинаций и предприятий общественного питания.

Динамические процессы не ограничиваются количественными показателями. Отмечены качественные изменения в номинации предприятий питания г. Воронежа, что проявляется в нескольких вариантах.

При анализе материала отмечены тематические группы, выявленные только в выборке одного года из трех. Наличие соответствующих групп зафиксировано для всех компонентов модели «кто-что-кому продает». При этом в рамках конкретного компонента можно выделить названия, представляющие определенную тематическую подгруппу, которая присутствует только в одной выборке. Подобные подгруппы показывают, что адресантом

определялись разные способы представления компонента, «пробовались» разные ассоциативные ряды.

Перечислим данные группы для компонента «кто продает». Так, например, одна из групп, выявленная только в материале 2010 года, актуализировала музыкальную тематику («Гармошка»), вторая представляла морскую тематику («Регата»). В 2014 году к ним добавилась группа с тематикой «ткани» («Тартан») и группа, указывающая на исторический период («Время Ше»), в 2017 году – группа с тематикой пути («Route 66»). Отметим, что группа с тематикой пути, не фиксировавшаяся в выборках 2010 и 2014 годов, становится одной из двух наиболее крупных групп компонента «кто продает» в выборке 2017 года.

Приведем группы, представленные только в одной выборке из трех, которые соответствуют компоненту «что продают». Например, группа 2010 года, характеризующая кухню («Украинская кухня»), а также название, указывающее на качество продукции («Эксклюзив»), в выборке 2014 года, название, использующее меру объема («1 Литр»), номинация в материале 2017 года, использующая меру веса («16 оз»).

Среди ИСБО, соответствующих компоненту «кому продают», также отмечена группа, представленная только в одной выборке. В 2010 году одна из групп актуализировала тематику «период времени» («Пятница»). В выборках 2014 и 2017 годов группа с тематикой времени не отмечена.

Динамика номинативных тенденций проявляется не только в наличии групп единичной представленности, рассмотренных выше. Второй вариант ее проявления – отсутствие в выборке 2017 года некоторых тематических групп, которые присутствовали в выборках 2010 и 2014 годов. Присутствие групп в двух последовательно идущих выборках указывает на то, что они не являлись случайным элементом в номинации предприятий питания. Однако в выборке 2017 года они не отмечены.

Представляется, что подобные группы рассматриваются адресантом как традиционные, устоявшиеся и недостаточно проявляющие элемент новизны способы именования. Перечислим данные группы: первая включает наименования, характеристику человека («Авиатор»), вторая использует прецедентные имена собственные («Алиса и Базилио»), третья связана с тематикой охоты

(«Сафари.ru»), четвертая включает антропонимы-личные имена («Линда»), пятая указывает на результат посещения предприятия питания («Smile»).

Еще одним проявлением динамики номинативных тенденций являются изменения в наиболее крупных группах компонентов «кто продает» и «кому продают». Отметим, что в данном отношении компонент «что продают» характеризуется большей стабильностью: тематика наиболее крупной группы компонента не меняется во всех трех выборках.

Самой крупной группой компонента «кто продает» в 2010 и 2014 годах была группа ИСБО, указывавших на пространство («Оазис», «Гараж»). Материал 2017 года фиксирует смену наиболее крупной группы. К этому времени две наиболее крупные тематические группы (по 10 % от общего числа ИСБО) иные: одна из них использует топонимы (««#Москва»), другая представляет тематику дороги, пути («Route 66»).

Компонент «кому продают» так же, как и компонент «кто продает», проявляет изменения в наиболее крупных группах. В материале 2010 года наиболее крупных групп, представляющих этот компонент, зафиксировано две: первая обозначала адресата-посетителя предприятия питания («Лакомка»), вторая актуализировала тематику «период времени» («ПятниZZа»). Группа, обозначающая адресата, остается одной из двух самых крупных и в 2014 году. В 2017 году группу с тематикой времени сменяет группа, указывающая на результат посещения предприятия питания («Сытый боцман»). Поэтому вместо двух наиболее крупных групп, указывающих на адресата, остается одна.

Анализ выборок ИСБО 2010, 2014, 2017 годов показал: динамичность системы названий предприятий питания г. Воронежа проявляется не только в появлении или исчезновении ряда тематических подгрупп, но и смене наиболее крупных групп, что указывает на переориентацию адресанта в плане предпочитаемых приемов именованья.

Однако этим проявления динамичности номинативных тенденций не ограничиваются. Наиболее четкое ее проявление – смена преобладающего количественно компонента модели «кто-что-кому продает», зафиксированная в выборке 2017 года. В материале 2010 и 2014 годов наиболее частотным был компонент «кто

продает». Данный компонент становится вторым по представленности в выборке 2017 года (70 % и 44 % ИСБО в 2010 и 2017 годах).

В материале 2017 года вместо компонента «кто продает» наиболее частотным становится компонент «что продают». Данный компонент характеризуется значительным ростом представленности (от 20 % ИСБО в 2010 году до 51 % ИСБО в 2017 году).

Итак, сопоставление данных 2010, 2014 и 2017 годов выявляет количественные и качественные проявления динамики в классе ИСБО. Количественная динамика выражается в появлении большого числа новых номинаций предприятий питания г. Воронежа, качественная – в частичном изменении в системе приемов номинации.

Во всех трех выборках сохраняется распределение ИСБО в соответствии с тремя компонентами модели коммерческой номинации «кто-что-кому продает». Также во всех выборках сохраняется большинство тематических групп.

Отмечены колебания в количественном выражении практически всех тематических групп. Кроме того, наблюдается появление или исчезновение ряда групп, смена наиболее крупной группы компонента «кто продает» и частичная смена наиболее крупных групп компонента «кому продают», а также тенденция к возрастанию частотности компонента «что продают», т.е. смена наиболее часто актуализировавшегося ранее компонента модели «кто-что-кому продает» в выборке 2017 года.

Сопоставительный анализ ИСБО предприятий питания г. Воронежа показывает, что система номинаций одного типа денотата характеризуется непрерывным развитием. Изменения, что произошли за относительно небольшой период (около семи лет), подтверждают тезис о динамичности системы имен собственных бизнес-объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гостева О.В. Динамичность мотивирующих признаков в коммерческой номинации / О.В. Гостева // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности : мат-лы II-ой Междунар., научно-практ. конф. – Воронеж, 2015. – В 2-х ч. Ч. 1. – С. 130.
2. Гостева О.В. Имена собственные бизнес-объектов как динамичная составляющая ономастического пространства (на материале названий кафе г.

- Воронежа) / О.В. Гостева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. – С. 67-69.
3. Гостева О.В. Семантическая модель коммерческой номинации (на материале названий цветочных магазинов г. Воронежа и г. Бирмингема) / О.В. Гостева // Актуальные проблемы и современные технологии преподавания иностранных языков в неспециальных вузах : мат-лы 6-ой Всеросс. с междунар. участием научно-практ. конф. неязыковых вузов на базе ВГИФК. – Воронеж, 2013. – С. 97- 99.
4. Лапинская, И.П. Антропонимы как названия бизнес-объектов / И. П. Лапинская // Русская речь. – 2016. – № 1. – С. 76-81.
5. Стил ь рекламы: речевые формы: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, О.В. Гостева и др. ; под ред. И. П. Лапинской. – Воронеж : ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 161 с.
6. Что в имени? : монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, Д.А. Сорокина и др. ; под ред. И.П. Лапинской]. – Воронеж : ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 219 с.
7. Шерковин Ю.А. Предиспозиционные факторы и смысловое восприятие сообщений массовой коммуникации / Ю.А. Шерковин // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976. – С. 159-168.

Воронежский государственный
технический университет

**DYNAMICS OF THE SYSTEM OF PROPER NAMES OF BUSINESS
OBJECTS (A CASE STUDY OF NAMING UNITS OF FOOD SERVICE
COMPANIES IN VORONEZH)**

O.V. Gosteva

The system of proper names of business objects is characterized by dynamism. The analysis of proper names of public catering enterprises in Voronezh reveals continuity and consistency of dynamic processes in the sphere of proper names of business objects

Key words: proper name of a business object, commercial naming model, system dynamism, lexical set, proper name of a public catering enterprise

МОТИВИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ БИЗНЕС-ОБЪЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ АПТЕК Г. ВОРОНЕЖА)

М.А. Мануковская

Воздействующая сила номинаций на вывесках во многом определяется их мотивированностью, или «внутренней формой слова». В статье показаны разные основания для мотивации имен собственных аптек, приведены примеры неудачных в этой точки зрения номинаций

Ключевые слова: номинация на вывеске, имена собственные бизнес-объектов, имплицитное содержание, стилистическое функционирование, внутренняя форма слова, мотивирующий признак, экспрессия слова, положительные ассоциации, оценочная характеристика, целевая аудитория

В последние десятилетия отечественные языковеды – и среди них творческая группа лингвистов ВГТУ под руководством проф. И.П. Лапинской - проявляют интерес к названиям коммерческих учреждений. Стало очевидно, что основой выбора рекламного имени для любого вида коммерческих учреждений выступает один из компонентов триады продавец – товар – покупатель [5: 11-14]. При этом номинативные и системные свойства неологизмов как лексических единиц класса в настоящее время остаются предметом изучения.

Данная статья описывает свойства номинаций на вывесках, получивших в исследованиях лингвистов ВГТУ название **имена собственные бизнес – объектов (ИСБО)** [6]. В качестве ИСБО для анализа в нашем исследовании было отобрано 100 номинаций аптек г. Воронежа.

Имена собственные бизнес-объектов с точки зрения структуры представляют собой одиночные лексемы в именительном падеже, номинативные словосочетания или свободные синтаксические формы в косвенных падежах. Обладающие имплицитным содержанием, они влияют на подсознание воспринимающего и формируют у него конкретное представление о данном коммерческом предприятии, поскольку ИСБО сочетает в себе вербальную и невербальную

информацию. В нем присутствует речевая составляющая, выраженная при помощи языковых средств, а также необходимое в рекламе соотношение визуальной, звуковой и другой воспринимаемой органами чувств информации [5: 11-14].

Номинации на вывесках по своим функциям тождественны заголовку или названию какого-либо произведения [4: 69-72], поскольку они служат введением в текст и в краткой форме отражают суть описываемых объектов [5: 10]. Так, номинации на вывесках, представляя второй компонент триады продавец – товар – покупатель, дают потенциальному покупателю представление об ассортименте товаров или услуг, которые реализует именуемое торговое предприятие, и формируют у него желание приобрести товары или воспользоваться сервисом. Часто только по названию предприятия потребитель решает, представляет ли оно для него интерес.

Как единица рекламного стиля, задача которого преобразовать потребность продавца в потребность потребителя и представить потребность покупателя в качестве его (покупателя) собственного желания, номинация на вывеске оказывает не прямое воздействие на потребителя и в конечном итоге стимулирует процесс осуществления торговли.

Для создания имени собственного торгового предприятия языковые и речевые средства отбираются из предлагаемых языковой системой, поскольку у слова есть способности к образованию нового лексического значения за счёт использования в новых для него контекстах и, тем самым, к расширению сферы своего стилистического функционирования. Теоретическое осмысление этого факта содержит ключевое понятие лингвистики – *внутренняя форма слова* [7], которое в XIX веке ввел А.А. Потебня.

При этом важно, что внутренняя форма слова, или *мотивирующий признак*, передает не только «толкование действительности», но и оценку. В.В. Виноградов не раз обращал внимание лингвистов на то, что слово обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями и в то же время выражает оценку субъекта – положительную или отрицательную, иначе именуемую экспрессией слова [1].

Следует отметить, что мотивирующий признак слов и словосочетаний, положенный в основу номинации, не обязательно

является существенным. Он должен быть отличительным, бросающимся в глаза, являющимся как бы «представителем предмета», характеризуя его с той или иной стороны. Именно в таких лексических единицах могут развиваться черты, присущие ИСБО, а сами лексические единицы перейти таким образом в стиль рекламы.

В этом процессе могут быть задействованы не только словоформы и словосочетания, входящие в состав современной активной лексики, но и устаревшие слова, сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своем понятные носителям языка – архаизмы, историзмы, а также заимствования и даже слова, «построенные» из элементов словообразования. Основное условие образования ИСБО, развития у слова новых значений и оценочных характеристик - изменение сферы их функционирования.

Однако к межстилевому переходу способны далеко не все номинативные единицы языка. Кроме того, выбор той или иной лексической единицы в качестве составляющей ИСБО зачастую зависит от эксперта-рекламиста, а также от уровня владения культурными кодами и знания языковых законов творца имени.

Главная задача неймера заключается в том, чтобы в слове, выбранном для создания ИСБО и перехода в стиль рекламы, он сумел выявить тот мотивирующий признак или мельчайший семантический нюанс, что скорее всего не является основным для обозначения нового предмета - в данном случае бизнес объекта, но, во-первых, сможет выделить его из всей совокупности объектов такого же типа и, во-вторых, индивидуализировать само имя.

Другими словами, специалист в области рекламы отвечает за то, станет ли выделенный им семантический нюанс исходного слова надежным связующим звеном между предлагаемым неологизмом (второстепенным, переносным) в функции ИСБО и собственно предприятием, которое номинация выделяет из ряда подобных.

Укажем мотивирующий признак в ИСБО на примере наименований аптек г. Воронежа.

Многие коммерческие номинации аптек являются производными от медицинских терминов, входящих в состав врачебной лексики, а также наименований лекарственных препаратов, обозначений профессии врача и т.д. Поэтому их мотивирующий признак выделяется без усилий.

Наиболее частотными в названиях аптек Воронежа можно считать слова «фармация» и «фармацевтика». Первоначально данные лексические единицы появились в греческом языке и обозначали «лекарства и применение лекарств». В современном электронном словаре Википедия этим терминам дается такое определение:

Фарма́ция – комплекс научно-практических дисциплин, изучающих проблемы создания, безопасности, исследования, хранения, изготовления, отпуска и маркетинга лекарственных средств, а также поиска природных источников лекарственных субстанций [8].

Фармаце́втика – часть фармации, связанная непосредственно с производственно-технологическими проблемами процесса изготовления лекарственных средств и субстанций [8].

Таким образом, 22 % наименований аптек, в которых присутствуют вышеупомянутые слова в полной и в сокращенных формах, а также других возможных вариациях с использованием приемов словообразования можно с уверенностью считать мотивированными. Приведем примеры таких ИСБО: «Фармация», «Фармацевтика», «Власта Фарма Плюс», «Надежда-Фарм», «Желдорфармация», «Воронежфармация», «Визит-Фарм», «Фарм-нега», «Спорт-фарм», «Фармаком», «Фармацевт-сити», «Фармсервис», «Фармстиль», «Химфарм», Аптека ООО «ДаФарм», «Логос-Фарм», «Мелисса-Фарм», «Союз-фарма», «Фармакор», «Фармия», «Фармоникс», «Экофарм».

Следует отметить, что с данными сокращениями и производными словами неймеры обращаются, как с обычными нарицательными существительными: прибавляют к ним суффиксы и окончания («Фармаком», «Фармоникс», «Фармакор»), а также образуют сложные слова путем прибавления другого корня или отдельного слова («Экофарм», «Фармстиль», «Химфарм», «Логос-Фарм», «Мелисса-Фарм», «Союз-фарма»).

В 1 % наименований аптек в Воронеже присутствует широкое понятие - «Медицина». Данная лексическая единица образована от латинского словосочетания, которое обозначает «лечебное искусство, искусство исцеления» [8] и имеет тот же корень, что и глагол «исцеляю». Значит, мотивировка коммерческих наименований г. Воронежа, которые включают в себя данное слово, совершенно ясна и «прозрачна».

Более многочисленна группа аптек, имеющих в своих названиях наименование профессии врача (5%). Например, «Семейный доктор». Заметим, что первоначальным значением латинского по происхождению слова «доктор» было «учитель» [8]. Однако это значение осталось только в именовании ученой степени, поэтому мотивационный признак – «обеспечивающий лечение и выздоровление» можно признать удачным.

Встречается аллюзия на художественное произведение для детей: аптека «Айболит». Данная коммерческая номинация является мотивированной и сочетает в себе два мотивирующих признака: а) «ай» - это звукоподражание используется человеком в том случае, если его что-то беспокоит; б) «болит» - это производное от «боль» - ощущение физического страдания [3]. Кроме того, номинация отсылает к впечатлениям детства, когда больной ребенок был в центре заботы близких.

Иногда в названиях аптек может быть использована устаревшая лексика: «Целитель», «Воронежский Лекарь». В словаре Ефремовой данные слова представлены синонимами и имеют следующие значения:

1. устар. врач; тот, кто исцеляет, врачует от чего-л. 2. перен. тот, кто способен утешить, успокоить, облегчить физические и душевные страдания [3]. В основу данных архаизмов был положен один выделенный признак - «лечить, исцелять», закрепился за ними и вызывает в сознании представление о предмете в целом. Следовательно, данные коммерческие номинации обладают мотивирующим признаком для индивидуализации аптек.

В Воронеже также присутствует название аптеки, в котором задействовано ставшее символом имя собственное – «Авиценна». По данным электронного словаря Википедия, Авицѐнна – это средневековый персидский учёный, философ и врач [8]. Сейчас это имя стало нарицательным. Этот пример показывает, от какого слова образовано данное ИСБО, обладающее реальным мотивирующим признаком.

В 9 % аптек в Воронеже указано наименование популярных лекарственных средств и препаратов либо обобщающее их название. Одни из них немотивированные: «Максавит», «Магнум». Другие сохраняют мотивирующий признак: например, «Таблетка». Изначально таблеткой называлась тонкая пластинка, обычно из

слоновой кости, для записи чего-л. на память [2], в памяти современников - это форма лечебного препарата. Коммерческая номинация «Vitaminka» (в названии используется прием транслитерации) образована от лексической единицы «витамин», полученной путем сложения лат. Vita «жизнь» и хим. amin (суф. производного от сокращенной основы слова ammiak - аммиак, аминокислоты [8]. По-видимому, в слове «витамин» в качестве мотивирующего признака было использовано значение «вещество, необходимое для жизни». Значит, ИСБО с одноименной лексической единицей является мотивированным. Наименования аптек в Воронеже «Фармацевтические препараты», ООО «Русские фармацевтические препараты» также можно считать мотивированными, поскольку основное слово в номинации имеет в толковом словаре Ефремовой значение - «химический или фармацевтический продукт лабораторного или фабричного изготовления» [3].

Коммерческие номинации «Фитоаптека», «Био-аптека», «Натурпродукт» образованы способом сложения двух основ и считаются мотивированными, поскольку сокращения «фито», «био» и «натур» связаны с растениями и природой, что используется в лечении.

Все представленные выше имена собственные соотносятся с центральным компонентом номинативной триады – товаром.

Названия, о которых пойдет речь в следующей части статьи, апеллируют к тому положительному эффекту, который будет достигнут потребителем в результате использования товара. Этот технологически оправданный рекламный ход представлен большим количеством номинаций.

В Воронеже встречаются ИСБО, которые имеют мотивировку, связанную с эмоциональными коннотациями. Это проявляется в сознательном употреблении слов, обладающих «положительными» ассоциациями. Так, 11 % аптек привлекают своим названием, поскольку они пробуждают позитивные образы в сознании людей, «обещают», что покупатели обретут при помощи их лекарственных средств здоровье и красоту. Основное средство языка в этих номинациях слово «здоровье».

Среди таких аптек: «Мелодия Здоровья», «Радуга здоровья», «Здоровый Город», «Здоровые Люди», Аптека «Медицина. Красота.

Здоровье», «Виток здоровья», «Здоровый образ», «Здоровье», «Здравница», «Мир здоровья», «Формула здоровья». Кроме того, в Воронеже есть аптека, в названии которой присутствует числительное: «36,6». Оно порождает ассоциацию с нормальной температурой здорового человека и, таким образом, привлекает потенциальных покупателей. Хорошие ассоциации пробуждает и аптека: «Забота».

Однако следует заметить: физическое состояние человека – сфера щепетильная, поэтому трудно воспринять метафорические способы его характеристики, которые передаются метафорами «мелодия» или «радуга». Привычные ассоциации выбранных неймерами слов, обладающих необходимой в данном случае положительной оценкой, не совсем соответствуют серьезности ситуации нарушения в здоровье.

4 % аптек в Воронеже включают в номинацию третьего компонента номинативной триады - напрямую называют целевую аудиторию, которой будут предлагать свои товары и услуги: «Семейная аптека», «Детская аптека», «Аптечная сеть для всей семьи», «Здоровая семья». Некоторые аптеки (3 %) в своих наименованиях используют притяжательные местоимения, чтобы быть ближе к потребителю: «Ваша помощь», «Ваша Аптека», «Моя и твоя аптека».

Небольшое количество аптек в Воронеже, а именно 2 %, имеют в своих названиях глагол в повелительном наклонении: «Не болей», «Будь Здоров!» Прямым призывом продавца рекламисты пытаются воздействовать на покупателя и привлечь в свой медицинский пункт. Так в рекламном имени социальными параметрами фиксируется третий компонент номинативной триады продавец – товар – покупатель.

Обратимся к номинациям, образованным словосочетаниями. Преобладающее большинство наименований аптек в Воронеже, а именно 14 %, строится по принципу: относительное прилагательное, обозначающее определенную характеристику + существительное «аптека». Такие характеристики можно распределить по следующим группам:

а) принадлежность нации как статус аптеки: «Русская аптека», «Международная аптека»; подтверждается ассортиментом и уровнем обслуживания, иначе становится немотивированным;

б) местоположение: «Остужевская аптека», «Невская аптека», «Городская дежурная аптека», «Губернская аптека»; в этом ряду немотивированным выступает второе название;

в) отношение покупателя: «Знакомая аптека», «Любимая аптека»; требует постоянного подтверждения или становится немотивированным;

г) значимость: «Центральная Аптека», «Первая аптека», «Клиническая аптека»; как и в предшествующем материале, требует постоянного подтверждения или становится немотивированным;

д) ценовая характеристика: «Социальная аптека»; название часто не соответствует заявленному, поскольку многие лекарства в ней дороже, чем в других;

е) применение метафорических обозначений: «Солнечная аптека», «Цветная аптека», метафоры, как мы уже писали, в этих номинациях пока воспринимаются трудно.

Ряд аптек в городе Воронеже (а именно 2 %) содержат в своих наименованиях ценовое описание продаваемого товара: «Аптека отличных цен», «Дисконт», (использование заимствованного английского слова, обозначающего «скидку»). Мотивация выбранного имени очевидна, но, как нам представляется, не уместна, поскольку при выборе средств, обеспечивающих здоровье, вопрос цены не является определяющим.

В некоторых аптеках Воронежа имена собственные складываются из элементов, уточняющих тип организации. Помимо слова «аптека» в 4 % наименований магазинов, предлагающих лекарственные средства и препараты, встречаются слова «дом», «пункт», «холдинг»: «Аптечный пункт Радуга», «Аптечный пункт Любимый», «ООО Аптечный дом», «Аптека-Холдинг».

Перечисленные лексемы могут вступать в синонимические отношения, особенно в сочетании с прилагательным *аптечный*. Однако образованные с их участием имена собственные переключают внимание на тип предприятия, что в большей мере присуще названиям магазинов или фирм.

В ходе нашего исследования выявлены аптеки, в названии которых использованы имена собственные: «Витавера», «Младлена», «Русь» (ср. Авиценна). Таких аптек насчитывается примерно 3 %. Данные ИСБО, как и многие другие, являются немотивированными,

потому что за ними в отечественной культуре не закрепились ассоциации, связанные с обретением здоровья.

2 % названий аптек написаны латиницей: «Express аптека» или используют прием транслитерации: Аптека ЗАО «Интернейшнл-Воронеж». Согласно словарю мультитран, express значит «срочный, быстрый» [9]: думаю, название намекает на тип обслуживания, а «интернейшнл» значит «международный» [9], что уже зафиксировано в названии «Международная аптека». При наличии такого мотивирующего признака причина, по которой данные лексические единицы были задействованы, становится понятной и оправданной. Правда, использование этого приема образования ИСБО аптек пока выступает своего рода пилотным проектом.

Исследование показало, что в Воронеже насчитывается 18 % аптек, названия которых не связаны с медициной. Поэтому трудно определить мотивационные основания для включения их в число имен собственных аптек. Среди них: «Ригла», «Картинки», «Ладушка», «Добряна», «Линия Жизни», «Перспектива», «Весна», «Гармония», «Жемчужина», «Зодиак», «Ирби», «Реон», «Сана», «Крона», «Три-О», «Леко», «Девма».

Наше исследование наименований аптек в Воронеже подтверждает, что лингвистам, а также экспертам в области рекламы, занимающимся созданием названий различных торговых предприятий, следует помнить о том, что главная задача ИСБО – это пробуждать в потенциальном покупателе положительные ассоциации, доверие к предприятию и желание именно у этого продавца приобрести необходимые препараты. В подавляющем большинстве имен собственных аптек эта задача выполняется, однако около 20 % номинаций от выполнения рекламной цели пока далеки. Основное условие выбора номинации - обращение к внутренней форме, мотивирующему признаку исходного слова, что способно перевести потребности продавца в потребности покупателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. - М.: Высшая школа, 1972. - 601с.
2. Елишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Елишкин. – М.: Словарное издательство ЭТС, 2010.

3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. М.: Наука, 1973. - 351 с.
5. Лапинская И.П. Что в имени? : монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, Сорокина и др., Воронеж, 2016. – 219 с.
6. Мануковская М.А. Имена собственные бизнес-объектов: названия магазинов детских товаров в Воронеже / М.А. Мануковская, И.П. Лапинская // Филологические науки: вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. - Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч.2. С. 111-113
7. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. Подготовка текста Ю.С. Рассказова и О.А. Сычева / А.А. Потребня. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 270с.
8. Электронная энциклопедия. Википедия. – (<https://www.wikipedia.org/>)
9. Электронный словарь Multitran. (<http://www.multitran.ru/>)

Воронежский государственный
технический университет

MOTIVATING CHARACTERISTIC REPESENTED IN THE PROPER
NAMES OF BUSINESS OBJECTS (WITH EXAMPLES GIVEN ON
PROPER NAMES OF PHARMACIES IN VORONEZH)

М.А. Manukovskaya

The impact force of nominations which are located on signboards is mostly determined by their motivation or "the inner form of the word." The article shows different reasons for motivation of proper names of pharmacies. It also gives examples of nominations which can be considered unsuitable from this point of view

Key words: nomination on the signboard, proper names of business objects, implicit content, stylistic functioning, the inner form of the word, motivating characteristic, expression of the word, positive associations, evaluation characteristic, target audience

РАЗДЕЛ 2. АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

ББК 74.261.7

ПОЛИРИТМИЯ КАК ОСНОВА ЦЕЛОСТНОСТИ ТЕКСТА

И.П. Лапинская

Целостность текста обусловлена наложением и взаимодействием разноуровневых и разнообъемных единиц текста. Теоретически важно, что объемы и типы взаимодействующих единиц в текстах варьируются, но принцип их обязательной совместности оказывается универсальным

Ключевые слова: уровни текста, жанр, фрагмент, описание, повествование, синтаксические структуры, метрические единицы

В учебной и справочной литературе по лингвистике текста основными признаками этого объекта научного анализа называют связность и целостность. Содержательно указанные характеристики раскрываются по-разному. Как правило, в зависимости от того, какой уровень текста исследуется в конкретном описании.

Разнонаправленность научных описаний обуславливается еще и тем, что отдельные уровни организации текста давно стали предметом или самостоятельных наук, или выделяющихся со времен Античности аспектов филологии.

Организацию текста изучают риторика, метрика, теория литературы, теория жанров, стилистика текста, искусствоведение и др. Список теоретически осмысленных подходов лингвистов и исследователей литературы можно только продолжать. При этом все еще остается открытым принципиальный вопрос: как воспринимающий догадывается, что перед ним целостный текст.

Безусловно, все выделенные и «разведенные» по разным наукам свойства действуют в тексте одновременно и во взаимном дополнении. Основой создания и понимания текста выступают единые культурные коды носителей языка. Такие коды транслирует и национальная культура, и общечеловеческие цивилизационные обретения.

Следует сказать, что различия в жанрах и объемах текстов не нарушают их сущностного (речевого) единства, поскольку увеличение объемов и транслирование информации «из жанра в жанр» сочетаются с усложнением системы взаимодействия распределенных по уровням компонентов.

Сами компоненты относятся к числу универсалий – культурных, языковых, композиционных и т.д. Важны для каждого текста их отбор и то, что лингвисты называют «группировкой» или комбинацией.

Материалом для анализа полиметрии текста избрана сказка – тысячелетия бытующий в устной форме фольклорный жанр. Малый объем и классическая выстроенность «Курочки Рябы» выступают достаточным основанием для демонстрации не только взаимодействия уровней, но и фольклорной основы текстовой системы русской речи. Продолжение и развитие свое она получает в речевых воплощениях национальной литературы, на что будем обращать внимание по мере изложения информации.

В целях исследования текст сказки расположен в условной, что называется экспериментальной форме, удобной для обнаружения разных уровней системы ритмов произведения.

Курочка Ряба

(1)	Жили-были дед и баба.	(8 сл., 4 уд.)	┘ - ┘ - ┘ - ┘ -
(2)	И была у них курочка Ряба.	(10 сл., 3 уд.)	- - ┘ - - ┘ - - ┘ -
(3)	Снесла курочка яичко.	(8 сл., 3 уд.)	- ┘ ┘ - - - ┘ -
(4)	Не простое, а золотое.	(9 сл., 2 уд.)	- - ┘ - - - - ┘ -
(5)	Дед бил, бил – не разбил.	(7 сл., 4 уд.)	┘ ┘ ┘ - - ┘
(6)	Баба била, била – не разбила.	(10 сл., 4 уд.)	┘ - ┘ - ┘ - - - ┘ -
(7)	А мышка бежала,	(6 сл., 2 уд.)	- ┘ - - ┘ -
(8)	хвостиком махнула	(6 сл., 2 уд.)	┘ - - - ┘ -
(9)	яичко упало и разбилось.	(10 сл., 4 уд.)	- ┘ - - ┘ - - - ┘ -
(10)	Дед плачет. Баба плачет.	(7 сл., 4 уд.)	┘ ┘ - ┘ - ┘ -
(11)	А курочка кудахчет:	(7 сл., 2 уд.)	- ┘ - - - ┘ -
(12)	«Не плачь, дед! Не плачь, баба!»	(7 сл., 4 уд.)	- ┘ ┘ - ┘ ┘ -

- (13) Я снесу вам новое яичко. (10 сл., 3 уд.) -- ⊥ - ⊥ - - - ⊥ -
 (14) Не золотое, а простое». (9 сл., 2 уд.) - - - ⊥ - - - ⊥ -

Устное бытование сказки в первую очередь соотносится с ее метрической организацией. Именно чередование ударности / безударности слогов в словах и объем метрических единиц - от слога до синтагмы, от строки до фрагмента - создают основу для «наложения» содержательных параметров.

Каждая из условно выделенных строк соответствует возможностям дыхания человека и содержит от 6 до 10 слогов. Глубже всех уходящие в историю европейской цивилизации античные тексты ритмической единицей признавали гекзаметр, состоящий из 12 слогов, разделенных на полустрочия по 6 слогов. Другими словами, шестисложная единица речи оказывается не просто национальной особенностью метра, а лингвистической универсалией.

В сказке именно такие строки (7 и 8) используются в динамически активном фрагменте. Их знаковость очевидна на фоне более протяженных строк, организующих весь остальной текст.

Примеры русской литературы XVIII века – стихи А.А. Ржевского, А.П. Сумарокова, М.В. Ломоносова, В.П. Петрова и многих других - показывают, что эта определившаяся в фольклоре единица ритма успешно использовалась и в авторских текстах.

Строки в 8 и 10 слогов и, как их варианты, в 7 и 9 слогов тоже отражают привычные для фольклора и древней русской литературы объемы дыхания. Так, «Слово о полку Игореве» написано 10-тисложной строкой. Осваивались литературой такая протяженность строки в XIX веке, и в частности А.С. Пушкиным. Поэт, который ввел восьмисложную строку в русскую литературу, в годы зрелости уже шутил: «Четырехстопный ямб мне надоел». А роман в стихах «Евгений Онегин» создан на основе пятистопного ямба.

Десятисложная строка в XIX веке стала национальным открытием русской литературы, поскольку пришедшие из западноевропейской поэзии классицистические образцы, например, сонетные формы, содержали от 12 до 14, а иногда и до 16 слогов в строке.

Слоговая структура поэтической строки или прозаической синтагмы всегда сосуществует с организацией словесных ударений. В

тексте сказки условно выделенные строки содержат от 2 до 4 ударений. Схема делает очевидной их неравномерность - то, что специалисты по метрике стиха назвали бы отсутствием колонов.

В литературных текстах XVIII – XX веков, особенно в поэтических, неравномерность в расположении ударений, привычная для фольклора и силлабики, осваивалась в силлабо-тонических вариантах пиррихия и спондея, и то в пределах двусложных размеров. Серебряный век и последующая русская литература стали обращаться к размерам, открытым для авторского использования Н.С. Гумилевым; в их ряду самым значимым оказался трехиктный дольник. Этот ритмический рисунок сочетал регулярность ударных слогов, присущую классическим размерам, и свободное преодоление схемы. При этом соблюдалось основное условие - трехударность (трехиктность) строки.

«Курочка Ряба» варьирует трехударность на протяжении всего текста, соотнося ее с типом информации. Содержательно трехударные строки связаны с заглавным субъектом курочкой. При этом двухударные выявляют сюжетно или по смыслу значимые строки, четырехударные соотношены с иными субъектами – дедом и бабой. Так что метрические характеристики текста оказываются содержательными; это доказывает наложение содержательных и метрических (разноуровневых) ритмов в фольклорной сказке.

Главное, что выявляет единство метрической организации, - это его основополагающий статус, поскольку именно оно выступает основным условием целостности и связности текста

Условная запись обнаружила в сказке 14 строк. Такая текстовая протяженность оказалась востребованной в европейской – западноевропейской и русской – литературе. Сложившийся в эпоху Возрождения и пришедший в XVIII веке в русскую литературу сонет одним из условий жанра, или твердой поэтической формы, избирает 14-строчную форму, в которой соблюдаются требования рифмовки, членившие целое на строфы по принципу 4 + 4 + 3 + 3 (в сонетах Шекспира 4 + 4 + 4 + 2). Рифмовка была обусловлена композицией: антитезой катренов и синтезом терцетов.

В отечественной литературе 14 строк стали не только знаком европейского сонета, к которому обращались на протяжении трех веков, - они выступили обращением к фольклорной традиции при создании «онегинской» строфы, поскольку рифмовались

пятистопным ямбом и композиционно не опирались на сонетную форму.

Так что метрически русская сказка, аккумулируя характеристики, которые с течением веков станут обязательными свойствами разных форм, представляет собой ритмизованную прозу, рассчитанную на устное воплощение – рассказывание – и в невысоком темпе.

Ритмически организован текст на разных его уровнях. В Виноградовских традициях аналитического движения по тексту от целого к все более мелким его единицам обратим внимание на такие самые крупные единицы стиля, как фрагменты. Во фрагментах отмечается их левая и правая границы. В сказке ритмы фрагментов соотносимы с пространственно-временной организацией информации.

Левая граница – начало фрагмента – представляет субъектов текста как компонентов пространства, правая граница – конец фрагмента – фиксирует в формах совершенного вида глагола завершенность действий, в которых разворачивается сюжет. Как видим, ритмы пространства и времени, акцентируя разные составляющие текста, своим не-наложением «расцвечивают» ритмы фрагментов.

В сказке три субъекта действия: дед, баба и курочка. Единство фрагментов поддерживается одинаковой последовательностью представления этих субъектов. Завершение фрагментов тоже совпадает – это во всех случаях исчерпанность ситуации и переход к новому этапу развития содержания. При этом событийная основа текста связана с яйцом. В первом фрагменте – курочка снесла яичко, во втором – мышка его разбила, в третьем – курочка обещает снести новое яичко.

Как мы уже сказали, ритм фрагментов налагается на два подчиненных ему ритмических рисунка – ритм субъектов, что воплощается в чередовании именных форм, и ритм действий, воплощающихся в глаголе.

Обратим внимание на количество самих фрагментов, их три. Не только сама возможность выделить в тексте более мелкие структурно-содержательные единицы, но и их повторяемость свидетельствует о присутствии ритма на этом уровне.

Выступая основой фольклорного текста, тройственность не раз будет воплощаться в сказках и других жанрах народного творчества. Более того, именно тройственность ляжет в основу малых прозаических (и не только прозаических) жанров в литературе. При этом будут варьироваться объемы фрагментов. Так, преобладание третьего фрагмента в фольклорной сказке будет сосуществовать с резким его сокращением в литературе (М.Ю. Лермонтов «Фаталист», И.А. Бунин, «Темные аллеи»).

Следующий этап анализа - определение ритма синтаксических структур. В частности, отметим предложения с союзом «а», включающим в повествование описательный компонент. Локализуются все они в конце фрагментов, после указания на законченность действия, и принимают на себя читательские ожидания. Так подготавливается развитие действия в первом случае и необходимость самостоятельного осмысления того, что прочитал или услышал, во втором.

Все структуры с союзом «а», если так можно выразиться, перетягивают на себя внимание читателя несколькими способами. Они обладают признаками не повествовательности, что значимо для развития сюжета, а описательности, что подчеркивает их особую роль в тексте.

Сочетание нескольких форм совершенного вида *махнула, упало, разбилось* представляет описание наблюдаемой динамической картины, что в XX веке мы встретим, например, у М.А. Булгакова в «Мастере и Маргарите» в главе о цирковом представлении.

Многопризнаковые структуры *не простое, а золотое; не золотое, а простое* всегда характеризовались в лингвистике текста как примета описания, а не повествования.

Так ритмизованными, упорядоченно чередующимися, оказываются повествовательные и описательные структуры.

Текстовая функция союза, четырежды употребленного в короткой сказке, в том, что он вводит самую важную по сюжету и по смыслу информацию. Во-первых, так дважды отмечаются сюжетные повороты *а мышка бежала, а курочка кудахчет*, и тем самым подготавливается выведение текста на смысловый уровень.

Во-вторых, с участием этого союза и при поддержке инверсионного порядка слов дважды обращается внимание воспринимающего на главное в тексте *не простое, а золотое; не*

золотое, а простое. Заметим, что эти синтаксические единицы не единожды акцентированы в тексте – они вынесены в постпозицию к определяемому предмету и представляют собой неполные предложения.

Так, останавливая повествование, сказка доверяет читателю или слушателю открытие смысла текста. В фольклоре это принято: «Сказка – ложь, да в ней *намек* . . .».

Итак, основой единства текста выступает полиритмия, которая проявляет себя на уровнях фрагментов, представления субъектов, действий, а также синтаксических структур и их составляющих. Полиритмия безусловно исходит из единства метрических единиц. Наложением ритмов в их а) многообразии и б) принципиальном несовпадении границ ритмизованных единиц в) на разных уровнях обеспечивается целостность и связность текста.

В конце работы хочу напомнить то, с чего она начиналась. В учебной и справочной литературе по теории текста основными признаками этого объекта научного анализа называют связность и целостность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапинская И.П. Архитектоника стиля русского поэтического текста: монография / И.П. Лапинская. - Воронеж, 2011. - 190 с.
2. Лапинская И.П. Архитектоника стиля русского прозаического текста: монография / И.П. Лапинская. - Воронеж, 2012. - 129 с.

Воронежский государственный
технический университет

POLYRHYTHMY AS THE BASIS OF TEXT INTEGRITY

I.P.Lapinskaya

The integrity of a text is determined by overlapping and interdependence between text units of various levels and scope. It is theoretically important that the scope and types of interacting text units must vary, however, the principle of their obligatory compatibility appears to be universal

Key words: text levels, genre, fragment, description, narration, syntactic structures, metric units

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ»: СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ПОЭЗИИ

М.А. Денисова

В России XXI века литература для детей «от двух до пяти» превратилась в тексты для специалистов и небольшого числа равнодушных родителей. Поскольку в обозначенном возрасте для ребёнка главное – усвоение норм литературного языка, актуален вопрос о возрастной отнесённости адресата произведений. Статья представляет анализ приёмов словотворчества, используемых поэтами-современниками

Ключевые слова: детская литература, окказионализмы, словообразовательные модели, морфемное словообразование, контаминация, гаплогогия, спунеризм

Каждый родитель, имеющий детей дошкольного возраста, так или иначе сталкивается с проблемой выбора круга чтения для своего ребёнка. Подавляющее большинство взрослых отдаёт предпочтение классике: стихотворениям К.И. Чуковского, А.Л. Барто, С.Я. Маршака, Е.А. Благиной, С.В. Михалкова, В.Д. Берестова, Б.В. Заходера и других авторов, знакомых каждому из родителей ещё с детства. Отсутствие возможности регулярно приобретать новые, неизвестные и, как правило, недешёвые книги, скудное финансирование библиотек и недостаточная информация о новинках книжного рынка – всё это превратило современную детскую поэзию в тексты для специалистов и сравнительно небольшого числа равнодушных родителей. Между тем она очень ярка, разнообразна и представляет собой необычайно интересный предмет для анализа.

Изменение культурных приоритетов, развитие Интернета, сделавшие возможным, а иногда даже необходимым, участие в игре со словом, с одной стороны, традиции классической поэзии, и прежде всего творчества обэриутов 20-30-х годов XX века, с другой стороны, сделали словотворчество одной из ярких черт детской поэзии. Рассмотрим некоторые приёмы, используемые поэтами-современниками.

Наиболее частотным приёмом игры со словом в детской поэзии становится образование новых лексем сложением основ. Примеры сложения без усечения с помощью соединительной гласной можно наблюдать в стихотворениях Михаила Яснова «Дождеград» (*дождеград*) [18:27] и Анастасии Орловой «То ли небо, то ли море» [9:38-39] (*птицерыба, рыбоптица, небоморечеловек*). Сложение с усечением одной из основ представлено, например, в стихотворении Михаила Яснова «Чудетство»: «В Чудетство откроешь окошки – / Счастливень стучит по дорожке, / Цветёт Веселютик у речки, / И звонко поют Соловечки...» [18:3]. В словах *чудетство* (*чу-десное детство*), *счастливень* (*счаст-ливый ливень*), *веселютик* (*весе-лый лютик*) *соловечки* (*сол-овьи и овечки*), наблюдается усечение первой основы, тогда как в неологизме *торопинка* (*торо-пливая тро-пинка*) происходит усечение обеих основ. Все указанные примеры также содержат гаплоглогию. Лексемы *носомот* и *бегерог* образованы перестановкой частей обеих основ: *носо-рог* *беге-мот* и представляют собой пример спунеризма. С помощью образов, созданных окказионализмами, автор рисует волшебный мир детства.

Гаплоглозия присутствует и в словах *динозаффрика*, (*диноз-авр, Африка*), *дружунгли* (*дру-жный, д-жунгли*) в стихотворениях Михаила Яснова «Сказка про Динозафрику» [16:38], «Сказка про Дружунгли» [16:40]. Лексема *кенгурУтро* (*кенгур-у, утро*) становится названием стихотворения Натальи Ключарёвой о начале дня маленького кенгурёнка [5:4]. Неведомых существ с помощью этого приёма создаёт Андрей Усачёв в стихотворении «Снегозавр» [13:131]. Слова *Снегозавр* (*снег, дино-завр*), по-видимому созвучное с реально существовавшим стегозавром, *Льдинозавр* (*льдин-а, дино-завр*), *Зверодактиль* (*зверь, птеро-дактиль*), *Гиблодок* (*гибл-ый, дипл-одок*), созданные по модели названий различных видов динозавров, а также слово *Дыркон* (*дыр-ка, дра-кон*), не только делают этих страшных существ смешными, но и рождают желание узнать о динозаврах побольше.

Контаминацией же образованы и названия новых жанров в детской литературе. Анна Игнатова сочиняет двустишия: *разноговорки* (*разные скороговорки*), *грустноговорки* (*грустные скороговорки*), *трудноговорки* (*трудные скороговорки*), есть у неё и *сорокоговорка* (*сорока, скороговорка*) [4]. В сложном существительном «сорокоговорка» происходит замена первого корня,

---

и первоначальное лексическое значение слова – фраза, построенная на сочетании звуков, которые затрудняют её быстрое произнесение – тоже почти утрачивается, оно сохраняется лишь в предпоследнем из указанных видов двустиший.

Образование нового слова путём замены одного или нескольких звуков в исходном слове создаёт языковую игру в стихотворениях Яснова «Звонок» [17:88] и «К нам приходит людоед» [17:86]. В первом – людоед звонит и напрашивается в гости: «Звонит людоед: – / Я приду обязательно! / Узнать вас поближе / Мне очень ЖЕВАТЕЛЬНО! / Простите за дикцию, / Милый приятель, / Но я же старинный ваш / БЛАГОЖЕВАТЕЛЬ!». Во втором – визит уже состоялся, и гость прощается с хозяевами: «ДО СЪЕДАНИЯ!» Слова выделены автором текста, чтобы привлечь к ним внимание читателя. Изменение звуков здесь абсолютно изменяет смысл сказанного, делая гостя смешным и неопасным.

Добавление звуков к имеющемуся слову – приём, который продемонстрирован в стихотворении Вячеслава Лейкина «Шумный сон» [15:218-219]. Герой рассказывает, что ему приснился сон: в гости явился слон и мешает ему спать: «Мне надо завтра рано встать, / Мне некогда с гостями, / А слон давай меня пытаться / Вовсю слоновостями <...> Я стал ругать слона во сне: / – Проклятая слонина!.../ А он слонаты начал мне / Играть на пианино.» Лексема *слоновости* (*слоновые новости*) образована сложением основ с усечением первой и гаплогогией, *слонаты* – путём добавления в слово сонаты звука л, также одной буквой различаются слова «сон» - «слон», гибридное же слово *слонина* несёт в себе и эмоционально-экспрессивную окраску суффикса *-ин-*, указывая на большой размер, и созвучно другому слову, обозначающему грубого низкого человека. Все неологизмы в этом тексте имеют сему «слон», чья навязчивость, делает сон кошмаром, от которого герой в итоге просыпается.

Сергей Белорусец также активно использует так называемую «словесную эквилибристику» [19:304-305]. В стихотворении «Большой хвостун» павлин хвастается своим хвостом: «Нет хвоста / Прекрасней моего. / Я в большом / ХВОСТОРГЕ / От него!», окказионализм *хвостун* образован сложением основ (*хвост*, *хвастун*), в результате он лишь одной буквой отличается от литературного слова так же, как и лексема *хвосторг* (*хвост*, *восторг*) содержит только один дополнительный звук, отличающий её от оригинала.

Наталия Волкова, описывая выставку хвостов в стихотворении «Про хвосты» [2:30], создаёт аналогичный по образованию неологизм *хвостовство*. Причиной такой их схожести является первоначальная близость звучания искомых слов.

Случайное звуковое совпадение становится толчком для образования новых слов и в стихотворении «Про мамонтов» Михаила Яснова [17:12], здесь видовая отнесённостью главных героев увязана с терминами родства. Перед нами появляется счастливая семья: *мамонт, пап-онт, баб-онт, дед-онт* и *внуч-онт* - ряд неологизмов, в которых *-онт-* получает статус суффикса. А вот представители другой семьи в стихотворении Ренаты Муха «Гиппопотам» [9:14-15]: *гиппопо-папа, гиппопо-мама, гиппопо-потомки*. Автор рассуждает и о других участниках этой *гиппопо-поэмы*, используя слово *гиппопотетично*. Если последний неологизм образован внедрением в слово вопреки существующим моделям слога *-ппо-*, то предыдущие лексемы созданы сложением основ с усечением первой.

В стихотворении «Юбилляр» Сергей Белорусец представляет столетнего БАОБАБА, который «...Всё же – / Выглядит / Живей / БАОБАБУШКИ / Своей!» [1:31]. А в стихотворении «Белиберда» он рассказывает о стране, в которой каждый день – БЕЛИБЕРДЕНЬ, в ней есть один лишь дом господина БЕЛИБЕРДИНА – БЕЛИБЕРДОМ, над которым виден БЕЛИБЕРДЫМ, а на крыльце сидит БЕЛИБЕРДОГ [1:11]. К слову, ставшему основой для целого ряда окказионализмов, автор добавляет новое, при том что в тексте рядом помещает оба: *день - белибердень* и т.д., наверное, таким образом облегчая маленькому читателю его понимание. Весёлая игра в слова здесь обусловлена лексическим значением слова, вынесенного в заголовок – вздор, бессмыслица, чепуха.

Построение слов по существующей в языке глагольной модели использует Михаил Яснов в стихотворении «Мы с дедушкой», рассказывая об обеде: «Сначала я обсупился, / А дедушка – / Насупился. / Потом я обтворожился, / А дедушка – / Встревожился...» [17:12]. Данные лексемы *об-супи-л-ся, об-творози-л-ся, об-чая-л-ся, на-обеда-л-и-сь* конкретизируют значения слов «облился», «наелись». Аналогичную функцию выполняют неологизмы в стихотворении Олега Сердобольского «Два орла приутёсились» [15:77], конкретизируя глагол «примостились», то есть сели на что-либо: щеглы *при-куст-ились*, скворцы *при-берёз-*

ились, вороны при-забор-ились, дрозды при-гнезд-ились, чайки при-мор-ились. В стихотворении Яснова «Хорошее воспитание» [17:77] неологизмы *поблохело* и *вкуснулось* созвучны глаголам «поплохело» и «взгрустнулось», а изменение нескольких звуков позволяет ярче представить участников диалога: блоху и бульдога.

Со словами, составленными по моделям названий стран, можно совершить домашнее путешествие после пробуждения: «Проснувшись, крикнул маме я: – / Прощая моя Пижамия! / Да здравствует Туфляндия!.. / А мама мне в ответ: – / По курсу Свитерляндия! / Шляпляндии привет! – / Ура Большой Пальтони! / Шафранции – виват!..» (М. Яснов «Утренняя песенка») [17:43]. Суффиксальным способом, с помощью суффикса *-арь-* со значением книги, сборника образован неологизм *цыплярь* в стихотворении Олега Сердобольского «Пришли цыплята в первый класс» [15:75]. Марк Шварц, рассказывая о родителях, предлагает целый ряд их разновидностей, названных языковыми единицами, образованными с помощью суффикса *-тель:* *ласкатели, хвалители, прощатели, любители, разрешатели, купители, дарители, восхитители, ворчателы, сердители, ругатели, стыдителы, гулять не отпускателы, собакозапретители, крокодители* [3:8].

Порой к слову автор добавляет суффикс с совершенно не свойственным слову значением, например, в слове *румянцевый:* «Как хорошо, что мир цветной, / И матовый, / И глянцевоый! / Как хорошо, что я такой / Глазастый / И РУМЯНЦЕВЫЙ!» (М. Яснов) [15:296]. Суффикс *-ев-* обычно образует прилагательные со значением «сделанный из чего-либо, относящийся к чему-либо», может также указывать на принадлежность предмета кому-либо, тогда как здесь такого значения нет. По-видимому, это попытка имитировать детскую ошибку, состоящую в выборе ребёнком неверной морфемы.

Жонглирование частями слов в традициях ещё К. Чуковского также широко используется сегодня. В стихотворении Владимира Орлова читатель как в кубики играет в слоги: «Кроко-Роко-Коко Дил» [11:10-11]. А герои стихотворения Михаила Яснова «Зимняя сказка» «Поросёнок-сёнок-поро, Жеребёнок-бёнок-жере / Шли однажды по дороге Ниоткуда никуда» [17:20]. Животные поскользнулись и упали, слоги перемешались, из сугроба поднялись уже порожёнок-сёнок-жере и жересёнок-сёнок-поро. Елена Аксельрод в стихотворении «Физ-куль-ту-ра» рассказывает о том, как

мальчик делает кувырок: «Сперва я сделал стойку / И ПЕРЕНКУРНЫВУЛСЯ. / Вторую сделал стойку / И ПЕРЕВЫКУРНУЛСЯ...» [19:388]. Меняя слоги в слове, автор указывает на неудачи этих попыток.

Разобрав синхрофазотрон, мальчик в одноимённом стихотворении Андрея Усачёва никак не может привести его в первоначальный вид, у него получается то СИНХРО-ФАЗОН-ТОРГ, то СИНХРО-ФРОНО-ТАЗ, то СИНТРО-ФАЗО-ХРОН, то ФАЗО-ТРОН-ХРО-СИН [5:106]. Слоги здесь играют роль элементов, из которых герой безуспешно пытается собрать искомое. Александр Пинегин предлагает стихотворение, которое так и называет «Игра в слова», в нём автор трансформирует первые один-два слога: перемешивает в них буквы или переставляет их: «В небе ЛОСНЫШКО встаёт, / Звонко ШЕПУТОК поёт, / ЛЕТЕВИЗОР смотрит папа, / Спит БОСАКА, свесив лапу, / Дед бренчит на ЛАБАЛАЙКЕ, / Конь пасётся на ЖУЛАЙКЕ...» [5:191]. Слова легко восстанавливаются, так как сохраняется и количество слогов, и их конечный или конечные слоги в неизменном виде. Текст напоминает излюбленную игру малышей, в которой нужно найти «заблудившуюся» букву.

Границы между словами в современной детской поэзии подчас бывают условны. Так, Григорий Кружков представляет стихотворение «Ежевечерние ежи» [7:30], у Михаила Яснова комар «Был ужасно Раздражающий. Был он долгоспать мешающий» [17:10]. На слух такие манипуляции со словом неочевидны, зрительный же образ помогает усилить смысловое наполнение слова. В стихотворении Виктора Лунина неологизм вбирает в себя целое предложение, то есть происходит сращение: «У папы настроение / Зазавтракомчитальное, / У мамы настроение / Напапуобижальное, / У брата настроение / Кричальнопогромучее, / А у меня, а у меня – / Покомнатампрыгучее» [8:15].

Важно отметить, что такие стихотворения должны быть адресованы детям старше пяти-шести лет. Ещё К.И. Чуковский, исследуя неосознанное словесное творчество – один из изумительных феноменов детства, утверждал, что для ребёнка от двух до пяти, пристально вглядывающегося в конструкцию каждого слова, взрослые являются непогрешимыми учителями языка, чью речь те старательно копируют [14:113]. Опыт родителя показывает, что

маленьким детям такие тексты часто непонятны, а авторские неологизмы они воспринимают как норму, то есть как (ложный!) образец для подражания.

Выбор взрослым книг для детей от двух до пяти лет – это в определённом смысле выбор текста для себя, т.к. в этом возрасте ребёнок ещё не умеет читать, поэтому это всегда чтение вслух. Многократное же чтение возможно лишь в том случае, если произведение нравится обоим: и родителю, и ребёнку. Стихотворения с языковой игрой интересны для взрослого иначе, чем для ребёнка. Если последний, уже достигший возраста пяти-шести лет, овладел основными законами языка, то он смеётся над этой игрой в слова, формы которых ему хорошо известны, взрослому же, если ему вообще импонируют подобные деформации, интересен механизм их образования.

Наше время – это эпоха словотворчества. Изменение экономической ситуации в последние десятилетия сделало название одним из важнейших инструментов для продвижения товара на рынке. Потребность в новых номинациях растёт тем быстрее, чем активнее развивается отрасль и, несмотря на многообразие, все возможные пути формирования названий уже не обеспечивают нужного количества новых номинаций. По этой причине неймеры вынуждены прибегать к неологизмам, их количество в последние годы неизменно растёт. Так, в названиях конфет и карамели сегодня нередко встречаются и лексемы, построенные по моделям детских слов: «Шокорешки», «Шоколапки», «Фрушарик», «Шоколлаж», «Гоффетка», «Халветта», «Сладуванчик», «Шокодил», «Мармель», «Лилигномы», «Скороговорачки», «Обожайка», «Жевастик», «Мечталки», «Конфетка-Марафетка», «Молочная Му-рена», и мн.др. [12:96]. Основная часть целевой аудитории этой продукции – дети, но данные названия ориентированы прежде всего на покупателей, то есть на взрослых, которых, по-видимому, должна умилять, подкупать такая имитация детской активности в словообразовании.

Таким образом, окказионализмы формируются в основном по традиционным моделям, существующим в языке, в пределах четырёх основных частей речи: имени существительного, имени прилагательного, глагола и наречия, при значительном численном превосходстве первой. Они необычайно образны, обладают большей

смысловой ёмкостью, по сравнению с общеизвестными словами, вследствие этого их место в поэзии для детей старше пяти лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусец С.М. Пальцем в небо! стихи / С.М. Белорусец. – М.: Октопус, 2013. – 48 с.
2. Волкова Наталья. Про хвосты: стихи // Волкова Наталья У меня есть тайный остров. – М.:ООО АПРИОРИ-ПРЕСС, 2010. – 78 с.
3. Гамазкова И.Л., Шварц М.Л. Во! Семья: стихи / И.Л. Гамазкова, М.Л. Шварц. – М.: Детская литература, 2015. – 14 с.
4. Игнатова Анна. Стихи. 1973. – URL: <http://www.stihi.ru/avtor/anna>
5. Классики. Лучшие стихи современных детских писателей. Авт.- сост. М.Артемяева. М.: Детская литература, Эгмонт Россия Лтд, 2006. – 240 с.
6. Ключарёва Н.Л. Кенгур Утро: стихи / Н.Л. Ключарёва. – М: Октопус, 2014. – 48 с.
7. Кружков Г.М. Спрут Кальмарыч Осьминог: стихи / Г.М. Кружков. - М: Октопус, 2016. – 48 с.
8. Лунин В.В. Учёный жучок: стихи / В.В. Лунин, Э.Э. Мошковская, И.П. Токмакова.- М: Махаон, 2014. – 112 с.
9. Муха Р.Г. Ужаленный уж: стихи / Р.Г. Муха. - М: Махаон,2015. – 40 с.
10. Орлова Анастасия. Ромашки: стихи / А. Орлова. М.: Октопус, 2015. – 48 с.
11. Орлов В.Н. Кроко-Роко-Коко-Дил: стихи / В.Н. Орлов. – М.: Октопус, 2013. – 48 с.
12. Стиль рекламы: речевые формы: монография / Лапинская И.П., М.А. Денисова, О.В. Гостева и др.; под ред. И.П. Лапинской. - Воронеж: ФГБОУ ВО «ВГТУ», 2016. – 161 с.
13. Усачёв А.А. Полное собрание стихов и сказок. Том 2: Стихи. – М.: Эксмо, 2014. – 208 с.
14. Чуковский К.И. Сочинения в 2-х т./ К.И. Чуковский. Т.1. - М., 1990. – 654 с.
15. Я иду в школу / Состав. и ст. М.Д. Яснова. – СПб: Детгиз, 2008. – 303 с.
16. Яснов М.Д. Динозафрика: стихи / М.Д. Яснов. - М: Октопус, 2015. – 48 с.
17. Яснов М.Д. Мамонт, папонт и остальные: стихи / М.Д. Яснов.- М.: Эгмонт Россия Лтд, 2008. – 96 с.
18. Яснов М.Д. Носомот с бегерогом: стихи / М.Д. Яснов. - М.: ЭНАС-КНИГА, 2016. – 32 с.
19. Яснов М.Д. Путешествие в чудетство. Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах / М.Д Яснов.- СПб.: Союз писателей СПб, Фонд «Дом детской книги», 2015. – 360 с.

THE LANGUAGE OF MODERN LITERATURE FOR CHILDREN 'FROM TWO TO FIVE': WORD CREATION IN POETRY

M.A. Denisova

In 21st century Russian contemporary literature for children «from two to five» has turned into texts for specialists and a small number of concerned parents. This article analyses different word creation techniques used by contemporary poets

Key words: children's literature, occasionalisms, word-building patterns

ЧЕЛОВЕК, СТАВШИЙ САМИМ СОБОЙ

Р.Н. Бутов

В статье исследуется процесс становления личности поэта Василия Кубанёва, влияние революционных преобразований в СССР на мировоззрение и творчество автора

Ключевые слова: СССР, коммунизм, социализм, социалистическое строительство, 1930-е годы, поэт, советская поэзия

Писать о Василии Кубанёве (1921-1942) легко и трудно одновременно. Легко потому, что Кубанёв – почти забытое имя в современной поэзии, и трудно потому, что о нём и его творчестве уже многое сказано. Кроме того, из XXI века многие события эпохи строительства нового государства видятся иначе.

О Кубанёве написано большое количество статей и книг. И недаром. Всем своим творчеством, всей своей жизнью он подавал большие надежды. Война не позволила им осуществиться. Константин Симонов в письме Борису Стукалину в 1978 году писал: «С горечью сознаешь, что смерть на 21-м году жизни утащила из литературы человека, который, будь он жив, был бы способен сделать в этой литературе и больше, чем ты сделал, и больше, чем сделали многие другие, дожившие до твоего возраста писатели» (3; 5).

Каким же образом человек, проживший всего 21 год, смог добиться таких успехов в литературном труде и стать тем, кем он стал?

Как отмечал А. Абрамов, говоря о Кубанёве, «коммунизм и новый человек, коммунизм и искусство, коммунизм и воспитание – центральные проблемы всех его записей» (1; 11). От себя добавим, – и почти всех его стихотворений. И это особенно актуально сейчас, когда историю страны времен строительства СССР оплёвывают во всех СМИ и стараются переписать все, кому не лень: от юмористов до псевдоучёных.

Пример В. Кубанёва – наглядное свидетельство того, как творческий человек мог существовать в «тоталитарной» системе.

Оказывается, всё очень просто. Всё зависит от того, с какой стороны баррикад он находится. С народом он или против него. Кубанёв всю свою недолгую жизнь был с народом. И вовсе не «там, где мой народ, к несчастью, был» (2; 345). Потому что там, в тюрьме, как это виделось начинающему поэту, получавшему образование и воспитание в советской действительности, был не народ, а преступники и запутавшиеся, пусть и гениальные одиночки.

О народе и его сынах у Кубанёва прекрасно сказано:

У народа,

прошагавшего

сквозь слякоть

темной ночи,

Сделавшего явью

сказочные сны,

Не было и нету

гениальных одиночек,

Были,

есть

и будут

гениальные сыны.

«Стихи о нас» (5; 60).

И только тот, кто не предал Отечество, может именоваться Человеком. Примеров тому не мало. И может быть, один из самых ярких – это Сергей Павлович Королёв, который в 1938-1944 годах был в заключении, где с 1940 года под руководством А.Н. Туполева работал над созданием военных самолётов. После освобождения стал одним из ведущих конструкторов космической техники в СССР.

А где же был народ и что он делал в конце 1930-х и в начале 1940-х годов, в то время, когда жил и писал Василий Кубанёв? Что известно о нем из официальной хроники того времени – источников, читая которые, будущий поэт формировался как личность? Назовем ключевые тенденции социальных изменений.

К 1937 году завершается коллективизация (начавшаяся в 1927 году). В это время в СССР насчитывалось около 243000 колхозов, объединявших 93 % крестьянских хозяйств. Как видим, народ поднимал сельское хозяйство.

Завершается ликвидация безграмотности. «По данным переписи 1939 года, грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к

90 %. К началу 1940-х ситуация с неграмотностью в большинстве районов СССР перестала быть катастрофической» (6). Безграмотный народ получал образование.

В стране продолжается индустриализация. Повсеместно проявляется трудовой энтузиазм. Возникает стахановское движение, охватившее впоследствии широкие слои рабочих. Своё название это движение получило по фамилии шахтера Алексея Стаханова, установившего в сентябре 1935 года рекорд. Он один выполнил за смену 14 трудовых норм.

Успехи Стаханова получили всесоюзную известность, а движение распространилось на все отрасли промышленности. Как пишет известный воронежский краевед В.П. Загоровский, «26 февраля 1939 года ... состоялось совещание стахановцев промышленных предприятий воронежской области. В совещании приняли участие 800 стахановцев и новаторов производства» (4; 192).

По всей стране вводятся в строй новые предприятия. И в Воронеже «в марте 1939 года ... началось строительство кордной фабрики... первую продукцию фабрика дала в начале 1941 года» (4; 192).

Темпы набирала система профессионального образования, разрушение которой в конце XX-го века до сих пор негативно сказывается на преобразованиях производства. «1 декабря 1940 года в Воронеже начались занятия в школах ФЗО, железнодорожных и ремесленных училищах», фиксирует в своих исследованиях профессор-краевед (4; 195).

Народ строил социалистическую промышленность. Рост производства в конце 1930-х – начале 1940-х годов вывел СССР на второе место в мире после США по объему продукции. К этому времени СССР стал одной из немногих стран, способных производить любой вид промышленной продукции.

Василий Кубанёв не мог не знать об этих достижениях. Весьма вероятно, что он хотел подражать героям труда. Подражать, разумеется, по-своему. Точнее, даже не подражать, а самому быть героем. В поэзии таким героем для Кубанёва был, конечно, Владимир Маяковский. Свидетельством этому является стихотворение «Маяковский», в котором молодой поэт писал:

Такие

в церковных мощах

Завтра

сделаться может героем

Каждый,

кто ныне безвестен и прост.

«Стихи о нас» (5;

61).

Становление человека, по Кубанёву, происходит не в уюте «комнаток-крепостей», а в «земной кипящей стуже» (5; 86). Показателен оксюморон, найденный поэтом. Эпоха 1920-х – 1930-х годов была соткана из противоречий. Страна из отсталой аграрной России на глазах превращалась в индустриального гиганта – Союз Советских Социалистических Республик – первое в мире государство рабочих и крестьян, которые получили право на труд, бесплатное медицинское обслуживание и образование. Его родители и родители ровесников Кубанёва не могли об этом даже мечтать.

Что же дала молодому человеку советская власть? Родился Василий Кубанев 13 января 1921 года в селе Орехово ныне Курской области в крестьянской семье. Его мать была безграмотной, отец закончил три класса сельской школы (3; 5, 6). Такая же судьба ждала и его, родись он в дореволюционной России. В СССР Кубанёв смог получить главное для молодого человека – образование.

Конечно, он был одарён. Но дар этот необходимо было поддержать и развить. Василий научился читать в три года самостоятельно, в шесть лет пошёл в школу, где успешно освоил немецкий язык, на котором вёл переписку с некоторыми друзьями, уже самостоятельно изучил французский и читал писателей и поэтов в подлиннике. Ему были интересны математика и астрономия, химия и история партии, театр и живопись, ленинские работы и Бальзак, Маяковский и Ромен Роллан (3; 6).

Обратим внимание на такой эпизод в биографии поэта. 18-летним юношей Кубанёв составил список «Сто лучших книг о Человеке», которые он прочел... В этот перечень вошли произведения немецкого, киргизского, скандинавского, персидского эпоса, «Одиссея» Гомера и «Фауст» Гёте, «Метаморфозы» Овидия и «Прометей» Эсхила, «Жизнь Клима Самгина» Горького и «Преступление и наказание» Достоевского, «Дон Кихот» Сервантеса и «Былое и думы» Герцена и так далее.

Интересно, что в списке оказались Евангелие и Библия. Получается, что, будучи атеистом, молодым человеком, воспитанным в стране Советов и мечтающим о построении коммунизма, Василий не просто прочитал эти книги, что само по себе в 30-е годы прошлого века было крамолой, но и понял их огромное значение» (3; 6).

Конечно, он их прочитал, так как хотел знать культуру своей страны и других стран. Из рассмотренных нами 43 стихотворений В. Кубанёва религиозная тематика встречается в пяти. И везде молодой поэт, как человек советский, оценивает религию с атеистических позиций. Перечислим эти стихотворения: «Стихи о нас» (5; 60-62), «Партия большевиков» (5; 116-121), «Маяковский» (5; 126-132), «Молящимся французам» (5; 133-135), «Матерям» (5; 154-155).

Приведём начало стихотворения «Молящимся французам»:

Встаньте! Не трите колен
 об исхарканные панели!
 Ваш вездесущий, всезнающий
 и всемогущий бог
 Все равно не услышит
 ваших унылых молений.
 Он ослеп от пожаров
 и от залпов оглох.

«Молящимся французам» (5;
133).

Всё содержание стихотворения на конкретном материале обосновывает известный тезис «Интернационала»:

Никто не даст нам избавленья:
 Ни бог, ни царь и ни герой.
 Добьемся мы освобожденья
 Своею собственной рукой.

После окончания школы Василий Кубанёв стал корреспондентом в острогожской районной газете «Новая жизнь». Работа журналиста была связана с командировками. Находясь в гуще событий, Кубанёв видел, и чем живёт страна, и какие трудности приходится преодолевать людям, нацелившим себя на строительство справедливого общества.

Именно потому, что Кубанёв прекрасно понимал важность и сложность настоящего, всё его творчество связано с будущим, направлено в будущее. И это не исключительное его качество – так

европейской части СССР. Рассмотренные нами примеры из стихотворений В. Кубанёва позволяют сделать вывод, что мировоззрение молодого автора было советским, как и его творчество. Кубанёв прекрасно понимал огромное историческое значение революционных преобразований, произошедших в стране. «В первый раз на земле человек // Стал сегодня самим собою» (5; 61).

И таким человеком являлся, прежде всего, он сам. Всем своим творчеством Василий Кубанев стремился помочь стране в её нелёгком пути – построении коммунизма. Поэт, несомненно, до конца своих дней верил, что это возможно, и всем своим творчеством, всей своей жизнью старался приблизить «солнечное Грядущее».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. «Чтобы все было мое...» / А. Абрамов // Кубанёв В.М. Стихотворения. Эскизы поэм. Миниатюры. Письма. Дневники. Афоризмы. – Воронеж: Центр.-Чернозёмное кн. изд-во, 1981. – С. 5-51.
2. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы / А.А. Ахматова. – Воронеж: Центр.-Чернозёмное кн. изд-во, 1990. – 543 с.
3. Василий Кубанёв. Чтобы жизнь была костром / Упр. культ. и арх. дела Тамб. обл., Гос. арх. соц.-полит. истории Тамб. обл.; авт.-сост.: М. Матюшина, М. Дорошенко, И. Муравьёва. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – 39 с.
4. Загоровский В.П. Воронеж: историческая хроника / В.П. Загоровский. – Воронеж: Центр.-Чернозёмное кн. изд-во, 1989. – 225 с.
5. Кубанёв В.М. Стихотворения. Эскизы поэм. Миниатюры. Письма. Дневники. Афоризмы / В.М. Кубанёв. – Воронеж: Центр.-Чернозёмное кн. изд-во, 1981. – 366 с. (Отчий край)
6. Википедия. Свободная энциклопедия: [Электронный ресурс] –Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ликбез>.

Воронежский государственный
технический университет

A MAN, BECOMING HIMSELF

R.N. Butov

The article investigates the process of personality formation of the poet Vasiy Kubanyov, and the impact of revolutionary transformations in the USSR upon the author's worldview and creativity

Key words: USSR, communism, socialism, socialist construction, 1930s, poet, Soviet poetry

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ВСЕСТОРОННЕ РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА В. НАБОКОВА «БЛАГОСТЬ»)

Н.Н. Афанасьева

В статье на материале конкретного рассказа анализируются композиционные приемы создания художественного текста, его название и система образов как формирующие смысл произведения и воздействие на читателя

Ключевые слова: название, повествование, композиция, ритм рассказа, образы-двойники

Настоящая статья написана по неопубликованным материалам Всероссийского научно-методического форума «Непрерывное гуманитарное образование в России и проблемы сохранения национальной и культурной идентичности», состоявшегося 1-2 декабря 2016 года.

В современном мире всё больше внимания уделяется развитию информационных технологий. Однако нельзя умалять значение гуманитарного образования, ведь если технологии превзойдут простое человеческое общение, велика опасность превращения нации в элементарное сообщество производителей и потребителей. Гуманитарное образование в целом не просто обеспечивает передачу научного знания, но формирует ценностные ориентиры учащихся, личность с широким взглядом на мир и человека, т. е. всесторонне развитую. Литература, бесспорно, занимает особое место в формировании такой личности.

Анализ как метод исследования на уроках литературы предполагает выделение и рассмотрение отдельных сторон, признаков, особенностей, свойств явлений. Анализируя художественный текст, мы соотносим целое с частным, то есть видим, как через сюжет, композицию, язык, стиль, образы персонажей реализуется его тема. Анализ художественного произведения помогает понять его общий замысел.

Сборник «Возвращение Чорба», вышедший в Берлине в 1930 году, характеризует один из этапов творческого становления Владимира Набокова. Он включает в себя две части: 15 рассказов и 24 стихотворения. Примечательно, что в одной книге соседствуют и малая проза, и поэтические произведения. Это подчеркивает значимость поэтического наследия в творчестве писателя. Анализируя прозаические произведения, мы убеждаемся, что мир рассказов не менее интересен, чем мир повестей или романов данного автора. В сборнике закладываются ведущие темы творческого наследия В. Набокова (тема творчества, героя-двойника, тема двоемирия, которое можно понимать и как мир борьбы или мир благодати, и как мир родины или мир чужбины, тема родины).

В этой связи представляет интерес рассказ «Благость» (1924 г.), являющийся выражением творческой позиции писателя. Эта мысль подтверждается высказыванием Михаила Шульмана, который в манифесте «Набоков, писатель» заключает, что «лучшее из написанного Набоковым напитано радостью. Именно из этого лучения радости «Дар» и подобная ему проза и оказалась лучшей, по этим отличительным признакам мы и опознаем тотчас авторство набоковских строк» [Шульман 1998: 147].

Рассказ «Благость», как замечает М. Шульман, «целиком посвящен моменту раскрытия в себе и жизни такой «радости», когда некая мелочь просветляет вдруг человека и бытие» [Шульман 1998: 147]. Именно в малозначительных деталях, по убеждению автора манифеста, содержится нередко видимый иначе источник света, увидеть который значит «выйти прочь из тюрьмы земного бытия» [Шульман 1998: 149]. Поэтому стоит быть наиболее внимательными к «мелочам» и деталям в прозе В. Набокова.

Название рассказа настраивает на светлый, умиротворяющий лад. Рассмотрим, что под «благостью» скрывает автор.

Рассказ динамичен, его динамика прослеживается на композиционном уровне. Движение рассказа подчинено тому, чтобы показать, в чем благость мира. Экспозицией рассказа является описание мастерской. Повествование ведется размеренно, спокойно, обозначаются важные для героя координаты: возлюбленная, глиняные болванки, мастерская. «Мастерскую я унаследовал от фотографа. У стены еще стояло лиловатое полотно, изображавшее часть балюстрады и белесую урну на фоне мутного сада. В плетеном

кресле, словно у входа в эту гуашевую даль, я и просидел до утра, думая о тебе. На рассвете стало очень холодно. Постепенно выплыли из темноты в пыльный туман глиняные болванки, – одна, твое подобие, обмотанная мокрой тряпкой. Я прошел через эту туманную светлицу – что-то крошилось, потрескивало под ногой – и концом длинного шеста зацепил и открыл одну за другой черные занавески. <...> Впустив утро – прищуренное, жалкое, – я рассмеялся, сам не знаю чему, – быть может, тому, что вот, я всю ночь просидел в плетеном кресле, среди мусора, гипсовых осколков, в пыли высохшего властелина, – и думал о тебе» [Набоков 2004: 110].

В качестве завязки можно обозначить предстоящую встречу героя с возлюбленной, его подготовку к ней, размышления. «Накануне я говорил с тобой в телефон. Не выдержал, сам позвонил. Условились встретиться сегодня, у Бранденбургских ворот. <...> Когда после обеда я вышел на улицу – встретить тебя, – голова закружилась от сухого воздуха, от потоков желтого солнца. Каждый луч отдавался в висках. <...> Я шел и думал о том, что, верно, на свидание ты не придешь. А если и придешь, то все равно опять поссоримся. Я умел только лепить и любить. Тебе было мало этого» [Набоков 2004: 111].

Развитие действия начинается с момента ожидания героем своей возлюбленной в условленном месте. «Вот и грузные ворота. <...> Я ждал тебя под тяжелой сенью <...> Былолюдно <...> Прошла дама в красной соломенной шляпе, в пальто из серого барашка, юноша в бархатных штанах с пуговицами пониже колен. И еще другие. Я ждал, опираясь на трость, в холодной тени угловых колонн. Я не верил, что ты придешь» [Набоков 2004: 111].

В этот момент в структуре повествования появляется новый персонаж – старушка, которая также ждет. «А у колонны, неподалеку от окна гауптвахты, был лоток – открытки, планы, веера цветных снимков, – а рядом на табурете сидела коричневая старушка, коротконогая, полная, с круглым, рябым лицом, – и тоже ждала» [Набоков 2004: 111]. Далее рассказ выстраивается таким образом, что ожидание героев «перемежается»: один абзац посвящается старушке, другой – лирическому герою и так далее. «Я подумал...» – «Тогда старушка...» – «Я не верил...» – «Старушка встала...». Положение ожидающих героев нагнетается атмосферой холода: «холодные колонны», «холодные тени», «холодный ветер», «осенний ветер»,

«мне становилось холодно», «волны неприязненной прохлады», «и ей (старушке) нетепло», «недобрый ветер». В это время темп рассказа ускоряется, что композиционно отражено в следующем: абзац «про старушку» заканчивается «лирическим героем», и наоборот. «Мне становилось холодно. <...> Покупатель не шел», «А старушка уселась снова. <...> Я кинул прочь папиросу». К тому же абзацы становятся меньше по объему.

Ритм рассказа учащается, действие рассказа стремительно приближается к кульминации. Холод ожидания сменяется теплом горячего кофе, теплом человеческого отношения. «И она стала пить. Я никогда не видал, чтобы пил человек с таким совершенным, глубоким, сосредоточенным наслаждением. Она забыла свой лоток, открытки, холодный ветер, американца, – и только потягивала, посасывала, вся ушла в кофе свой, точно так же, как и я забыл свое ожидание и видел только плюшевый тулупчик, потускневшие от блаженства глаза. <...> Она пила долго, пила медленными глотками, благоговейно слизывала бахрому пенки, грела ладони о теплую жечь. И в душу мою вливалась темная, сладкая теплота. Душа моя тоже пила, тоже грелась, – и у коричневой старушки был вкус кофе с молоком» [Набоков 2004: 113].

В этот момент действие рассказа «замирает», останавливается на чашечке кофе и на том, как старушка наслаждается напитком. Далее повествование продолжается с той же очередностью абзацев, которые становятся объемнее, что свидетельствует о снижении темпа повествования. В этот момент происходит осознание героем благодати мира. «Тогда я почувствовал нежность мира, глубокую благодать всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, – и понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем. Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благодатное волнение, подарок, не оцененный нами» [Набоков 2004: 114].

И вдруг является предмет ожидания обоих героев. Но «чета немцев» не оправдывает ожиданий ни героя, ни старушки: у хозяйки лотка так ничего и не купили, а герой, который стал иначе смотреть

на окружающий мир, осознал, что ему «незачем было дольше ждать» и «пошел прочь по вечеряющим улицам» [Набоков 2004: 114].

В развязке мы узнаем, что герой, вскочив в трамвайный вагон, «с чувством пронзительного счастья» [Набоков 2004: 115] возвращается в свою мастерскую.

В момент наивысшего напряжения действия в рассказе герой открывает для себя, что мир – радость, благодать, подарок. Мир, в котором он пребывал раньше – мир борьбы, случайностей – отступает перед открывшимся ему новым, истинным миром. Именно в этом новом, благодатном мире герой испытывает счастье.

Композицию «Благости» можно назвать кольцевой: отправной и конечной точкой отсчета является мастерская. Однако мы можем сказать, что из мастерской вышел один человек (или человек с одним сознанием), а вернулся в нее – другой (или – с другим сознанием). Мировосприятие героя меняется тогда, когда он наблюдает за погруженной в свой мир старушкой, наслаждающейся горячим напитком. Он начинает по-другому понимать мир, людей, предназначение человека, можем сказать, что это связано с расширением границ его сознания.

Стройность, логичность композиции обусловлена симметрией персонажей: каждый имеет пару-двойника. Двойником лирического героя данного рассказа выступает старушка. Она, продающая открытки, планы, цветные снимки, оказывается в подобной ему ситуации ожидания. «Я подумал: кто из нас первый дождется, кто раньше явится – покупатель или ты» [Набоков 2004: 111]. Ожидание героя, в повествовании «переплетающееся» с ожиданием старушки, свидетельствует о близости персонажей.

Следующей парой двойников будет «ты – чета». «И в этот миг наконец ты пришла, вернее не ты, а чета немцев, – он в непромокаемом плаще, ноги в длинных чулках – зеленые бутылки, – она – худая, высокая, в пантеровом пальто. Они подошли к лотку, мужчина стал выбирать, и моя кофейная старушка, покрасневшись, напыжившись, глядела то в глаза ему, то на открытки, суетливо, напряженно работая бровями, как делает старый извозчик, всем телом своим подгоняющий клячу. Но не успел немец выбрать, как его жена пожалала плечом, оттянула его за рукав, – и тогда-то заметил я, что она на тебя похожа, – сходство было не в чертах, не в одежде, – а вот в этой брезгливой недоброй ужимке, в этом скользком и

равнодушном взгляде. И оба они пошли дальше, ничего не купивши, – а старушка только улыбнулась, вставила обратно открытки, углубилась опять в свою красную книгу» [Набоков 2004: 114].

Кажется, что в этой стройной повествовательной структуре фигура «зеленого солдата» является лишней. Однако это не совсем так. Солдат угощает старушку кружкой кофе, и та, когда пьет его, погружается в свой мир, забывает о лотке, об открытках, о покупателях. «Я никогда не видал, чтобы пил человек с таким совершенным, глубоким, сосредоточенным наслаждением» [Набоков 2004: 113]. Это даже не мир фантазии, потому что она забывает и о возможном американце, который «купил бы весь ее товар, и переплатил, и заказал еще и еще видовых открыток, путеводителей всяких» [Набоков 2004: 113].

Мир, в который она уходит вместе с кофе – нечто большее, это иная реальность. «Зеленый солдат» способствует этому погружению, то есть выступает посредником между миром реальности и собственным миром старушки. Подобную функцию в рассказе выполняет трамвайный вагон, увозящий лирического героя, оживляющий мир его воспоминаний. Таким образом, «зеленый солдат» и трамвайный вагон – это еще одна пара «двойников».

Вернемся к началу рассказа. Перед нами герой, сидящий в плетеном кресле напротив полотна, «словно у входа в гуашевую даль» [Набоков 2004: 110]. А может быть, это вход в другой, запредельный мир? В конце рассказа герой уезжает на трамвае, «гремя вдоль улицы» [Набоков 2004: 114], и кажется, что, после нашедшего на него озарения, перед ним открылись двери в возможную иную реальность, и он, обновленный, уезжает в новый, неведомый мир. Расширение границ сознания героя приводит и к расширению границ мира. Посредством иного, над-реального мира осуществляется связь начала и конца рассказа. В целом, можем сказать, что объединяющим композиционные части рассказа началом выступает над-реальность.

Символично и то, что герой является носителем творческой профессии, соответственно, взгляд на мир «по-иному» сопряжен с процессом творчества, потому и вызывает в конце рассказа в пальцах «мягкую щекотку мысли, начинающей творить» [Набоков 2004: 114].

Нельзя не отметить, что ожидание встречи с возлюбленной сродни ожиданию встречи с родиной. «Голос твой сквозь пчелиный

гуд был далек и тревожен... Моя любовь к тебе была бьющейся, восходящей теплотой слез. Рай представлялся мне именно так: молчанье и слезы, и теплый шелк твоих колен» [Набоков 2004: 111]. Но, как невозможно возвращение на родину, так и невозможна встреча с возлюбленной. И, хотя герой надеется на чудо, внутренне он готов к неосуществимости мечты. «Я шел и думал и о том, что, верно, на свиданье ты не придешь» [Набоков 2004: 111], «Я не верил, что ты придешь» [Набоков 2004: 111], «Я подумал: кто из нас первый дождется, кто раньше явится – покупатель или ты» [Набоков 2004: 111], «Я не верил, что ты придешь. Но ждал тебя, как не ждал никогда...» [Набоков 2004: 112], «Как я мог думать, что ты придешь?» [Набоков 2004: 112], «Господи, как мне хотелось тебя видеть» [Набоков 2004: 113], «Мне незачем было дольше ждать» [Набоков 2004: 114].

По своему содержанию и эмоциональному настрою рассказу созвучно стихотворение «Солнце» из сборника «Возвращение Чорба»:

Как хорошо в поющем мире этом,
скользя плечом вдоль меловых оград,
быть русским заблудившимся поэтом
среди лепета латинского цикад!

[Набоков 2004: 561].

Поющий, или благостный, мир означает умение лирического героя пребывать над миром земной суеты, способность выйти за его границы, распознать за рамками реальности мир истинный – благостный, «лучезарный», гармоничный.

Анализируя рассказ В. Набокова «Благость», мы видим намечающиеся темы, которым суждено будет развиваться в более поздних произведениях: темы творчества, двойников, двоemiрия. Таким образом, можно заключить, что анализ как метод исследования очень важен на уроках литературы, так как помогает выявить широту кругозора учащегося, развить его ассоциативное мышление, способствует реализации творческой активности, развивает умение вести научный поиск, а в целом – формирует всесторонне развитую личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / В.В. Набоков. – Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. М. Маликовой. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – 832 с. – Т. 1.
2. Шульман М.Ю. Набоков, писатель: Манифест. / М.Ю. Шульман. – М.: Изд-во А и Б, 1998. – М.: Изд-во Независимая Газета, 1998. – 224 с..

Воронежский государственный
технический университет

THE ANALYSIS OF A LITERARY WORK AT LITERATURE
LESSONS AS A WAY OF FORMATION OF A COMPREHENSIVELY
DEVELOPED PERSONALITY
(USING THE EXAMPLE OF THE STORY «GOODNESS» BY
V.NABOKOV)

N.N. Afanasieva

Taking a concrete story as an example, the article analyzes the compositional methods of creating a literary text, its title and the system of images as shaping the meaning of the work and impacting a reader

Key words: title, narration, composition, story rhythm, twin images

РАЗДЕЛ 3. НОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ

ББК 74.58-26

РАЗРАБОТКА КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Т.В. Менько

В статье рассматриваются требования, предъявляемые к содержанию вступительного испытания по русскому языку, и факторы, определяющие форму такого испытания в техническом вузе. Автор обосновывает необходимость текстоцентрического подхода к разработке экзаменационных материалов

Ключевые слова: русский язык, вступительное испытание, контрольно-измерительные материалы, текст

Вступительное испытание по русскому языку является обязательным при приеме на обучение по любым программам бакалавриата или специалитета. Лица, поступающие на базе профессионального образования, и некоторые другие категории абитуриентов сдают вступительный экзамен по русскому языку в вузе, при этом вуз самостоятельно определяет форму экзамена.

Действующими правилами установлены следующие требования к содержанию экзаменационных материалов, уровню их сложности и системе оценивания:

– программы вступительных испытаний формируются на основе федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования (ФГОС СОО) и федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (ФГОС ООО);

– уровень сложности вступительного испытания должен соответствовать уровню сложности ЕГЭ по соответствующему общеобразовательному предмету;

– результаты вступительных испытаний оцениваются по 100-балльной шкале, при этом удовлетворительный результат не может быть ниже установленного Рособрнадзором минимального количества баллов ЕГЭ, необходимого для поступления на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета [1].

Как видим, для построения модели вступительного экзамена, проводимого вузом самостоятельно, заданы два ориентира: новые ФГОС общего образования и единый государственный экзамен.

В настоящее время ФГОС ООО, утвержденный 17 декабря 2010г., и ФГОС СОО, утверждённй 17 мая 2012 г., действуют не в полном объёме. Окончательно переход общеобразовательных организаций на ФГОС ООО состоится в 2019-2020 учебном году, и только в 2021-2022 учебном году ФГОС СОО станет обязательным для всех одиннадцатых классов. Поэтому контрольно-измерительные материалы ЕГЭ формируются в соответствии с Федеральным компонентом ГОС 2004 года (ФК ГОС СОО).

На той же основе осуществляется общеобразовательная подготовка по русскому языку в колледжах и техникумах, выпускники которых поступают в вузы по результатам вступительных экзаменов. ФК ГОС СОО устанавливает обязательный минимум содержания учебных предметов и предъявляет требования к уровню подготовки в форме знаний-умений-навыков, в то время как новые ФГОС демонстрируют отказ от жёсткой регламентации содержания образовательных программ и акцентируют освоенные виды и способы действий. Таким образом, имеет место некоторая рассогласованность в нормативно-методической базе вступительного испытания.

В создавшейся ситуации, видимо, будет правильным при формировании программы вузовского экзамена следовать логике разработчиков контрольно-измерительных материалов ЕГЭ (КИМ ЕГЭ). Последние годы они, учитывая концепцию новых школьных стандартов, постепенно переориентируются на проверку планируемых результатов обучения, выраженных в деятельностной форме, увеличивают количество заданий, направленных на применение коммуникативных навыков. Что касается содержательной части экзамена (то есть проверяемых дидактических единиц), она остаётся в границах обязательного минимума ФК ГОС.

Необходимо учитывать, что итоговый и вступительный экзамены преследуют разные цели. Итоговый экзамен стремится охватить общеобразовательную программу по максимуму, а вступительное испытание может концентрироваться на тех результатах изучения предметной области, которые наиболее востребованы в вузовской практике.

Для студента технического вуза русский язык не столько объект изучения, сколько средство учебно-научного общения, постижения профессиональной сферы. Поэтому первостепенное значение имеет владение коммуникативной компетенцией. Опираясь на ФГОС ООО и СОО, можно выделить следующие проявления коммуникативной компетенции с учётом её речевого, языкового и социолингвистического компонентов.

Лицо, имеющее среднее общее образование:

- свободно выражает свои мысли и чувства, используя языковые средства адекватно цели общения и речевой ситуации;
- использует знания о языке, его основных единицах и грамматических категориях при анализе текста и создании устных и письменных высказываний;
- соблюдает в речевой практике основные орфоэпические, лексические, грамматические, стилистические, орфографические и пунктуационные нормы русского литературного языка;
- оценивает собственную и чужую речь с позиции соответствия языковым нормам, пользуется словарями и справочниками;
- использует коммуникативно-эстетические возможности русского языка, основные стилистические ресурсы лексики и фразеологии;
- адекватно понимает, интерпретирует и комментирует тексты различных функционально-смысловых типов речи и функциональных разновидностей языка;
- анализирует текст с точки зрения наличия в нем явной и скрытой, основной и второстепенной информации, определяет его тему, проблему и основную мысль;
- использует различные виды аудирования;

- участвует в диалогическом и полилогическом общении, создаёт устные монологические высказывания разной коммуникативной направленности;
- следует речевому этикету;
- использует при работе с текстом разные виды чтения и осуществляет информационную переработку прочитанного материала;
- создаёт тексты в виде тезисов, конспектов, аннотаций, рефератов, сочинений различных жанров.

Из приведённого перечня следует, что ключевым элементом экзаменационного задания должен стать текст, поскольку именно он является центральным звеном вербального коммуникативного акта. В идеале на основе работы с текстом надо проверять владение всеми видами речевой деятельности, что на практике реализовать крайне сложно. Поэтому приходится делать выбор между тремя комбинациями: слушание-письмо (изложение), чтение-говорение (собеседование на основе предложенного текста), чтение-письмо (сочинение на основе предложенного текста).

Изложение не требует выражения авторской позиции, не допускает оценочных суждений. Пишущий изложение не может продемонстрировать свои навыки построения текста, он также ограничен в использовании собственного лексического запаса и разнообразных грамматических форм, поскольку должен сохранить структуру исходного текста и передать его стилистические особенности. Наличие же творческого задания значительно увеличивает продолжительность экзамена.

Диагностический потенциал собеседования гораздо выше, однако оно не позволяет проверить, умеет ли абитуриент соблюдать орфографические и пунктуационные нормы. Конечно, можно предложить экзаменуемым расставить пропущенные в тексте знаки или объяснить орфограмму, но успешное выполнение подобного задания ещё не говорит о грамотности: в наши дни весьма типичное явление - расхождение между умением обнаруживать орфографические и пунктуационные явления в предъявленном материале и практикой использования соответствующих норм. Кроме того, абсолютно неясно, как в случае проведения собеседования обеспечить его соответствие уровню сложности ЕГЭ.

Сочинение на основе предложенного текста лишено перечисленных минусов. Создавая собственный текст, абитуриент комментирует проблему исходного текста, свободно выражает свои мысли и чувства, формулирует и аргументирует собственное мнение; использует языковые средства, адекватные ситуации, оформляет созданный текст в соответствии с речевыми, грамматическими, орфографическими и пунктуационными нормами современного русского литературного языка. Немаловажно, что при оценивании такой письменной работы можно использовать критерии, которые применяются на ЕГЭ при проверке задания с развёрнутым ответом.

На ЕГЭ для написания сочинения-рассуждения учащимся предлагаются как публицистические тексты, так и художественные. Стилиевые особенности исходного текста неизбежно сказываются на сочинении. Если в публицистике поднимаемая проблема находится на виду и отношение к ней автора определяется легко, то в художественном произведении идея не лежит на поверхности, авторская позиция и позиция персонажа, как правило, не совпадают. Таким образом, стилевая неоднородность текстов ведёт к тому, что сдающие экзамен оказываются в заведомо неравном положении. Думается, что на вступительном экзамене по русскому языку в техническом вузе будет правильнее отказаться от художественных текстов, оставив их гуманитариям.

Разумеется, исходный текст не должен быть примитивным с точки зрения коммуникативного замысла. Предпочтительны варианты, когда явление, о котором говорится в тексте, не поддаётся однозначной оценке, а на проблемный вопрос нет ответа либо даются ответы, противоречащие друг другу. В качестве иллюстрации приведем формулировки проблемы из апробированных экзаменационных материалов.

Из текста о современном состоянии русского языка: *Мы видим, что язык вслед за жизнью существенно изменяется прямо на глазах, - как к этому надо относиться и правы ли те, кто оплакивает судьбу родного языка, утверждая, что в наши дни он уходит как вода в песок?*

Из текста об оппозиции технической и гуманитарной культур: *По сути, спор «физиков» и «лириков» идет о том, как развиваться человечеству: менять окружающий мир под себя или, наоборот, менять себя, подстраиваясь под окружающий мир.*

Экзаменационный текст должен обладать всеми признаками текста: информативностью, связностью, смысловой целостностью, законченностью, - и в то же время быть достаточно лаконичным (не более страницы, то есть 200-300 слов). Он должен давать простор для суждений и быть насыщенным разноплановыми языковыми явлениями (последнее особенно важно для комплексного анализа текста).

Абитуриентам технического вуза предпочтительнее предлагать тексты, тематика которых связана с наукой и будущей профессиональной деятельностью. Сегодня научное открытие, любое инженерно-техническое решение вторгаются в социальное бытие, изменяя окружающую нас реальность, потребности, образ жизни. Тексты, в центре которых проблемы неоднозначных последствий научно-технического прогресса, социальной роли и ответственности учёного и инженера, есть в открытом банке заданий ЕГЭ. Кроме того, можно использовать фрагменты статей и книг известных изобретателей и учёных, проявивших себя как яркие публицисты.

Вторая группа текстов, которые целесообразно включать в экзаменационные материалы, - это тексты о русском языке, его функциях и возможностях, о неразрывной связи языка с историей и культурой народа и необходимости бережного отношения к слову.

Спецификация КИМ для проведения ЕГЭ по русскому языку относит работу над письменным монологическим высказыванием к заданиям повышенной сложности. В составе КИМ есть также 3 задания, которые проверяют освоение выпускниками учебного материала на высоком уровне сложности, и 21 задание базового уровня сложности [2]. Приходится признать: чтобы обеспечить соответствие уровня сложности вступительного испытания по русскому языку уровню сложности ЕГЭ (а это, как указывалось выше, нормативное требование), одного сочинения недостаточно.

Каким должно быть задание высокой сложности на вступительном экзамене? Чтобы ответить на этот вопрос, надо разобраться, от чего зависит пресловутый уровень сложности. Спецификация КИМ не содержит никаких разъяснений на этот счёт. На первый взгляд может показаться, что задания высокой сложности проверяют владение теми элементами предметной области, освоение которых вызывает наибольшие трудности у выпускников. Однако

анализ результатов ЕГЭ 2016 г., приведённых в таблице [3], говорит, что это далеко не так.

Как видим, с самым «дорогим» заданием №7 экзаменуемые справлялись успешнее, чем с некоторыми базовыми заданиями. Следовательно, уровень сложности зависит не столько от проверяемой дидактической единицы, сколько от типа задания и способа предъявления языкового материала: в двух из трех заданий высокого уровня сложности (№7 и №24) требуется установить соответствие между элементами двух множеств; опять-таки два из этих трёх заданий (№23 и №24) выполняются на основе анализа текста или его компонента. Исходя из этого и следует конструировать задание высокого уровня сложности на вступительном экзамене.

Таблица

Анализ результатов ЕГЭ 2016 г.

Номер задания	Проверяемые элементы содержания	Уровень сложности заданий	Способ предъявления языкового материала	Максимальный балл за выполнение	Средний процент выполнения
7	Синтаксические нормы. Нормы согласования. Нормы управления	Высокий	В виде предложений	5	71,4
14	Правописание -Н и -НН в различных частях речи	Базовый	В виде предложения	1	68,4
19	Знаки препинания в сложном предложении с разными видами связи	Базовый	В виде предложения	1	58,6
21	Функционально-смысловые типы речи	Базовый	В тексте	1	50,1
23	Средства связи предложений в тексте	Высокий	В тексте	1	61,9
24	Речь. Языковые средства выразительности	Высокий	В тексте	4	67,7

Вступительный экзамен может также включать ряд тестовых заданий базового уровня сложности, которые позволяют проверить знание орфоэпических, лексических и других языковых норм.

Таким образом, требование о соответствии уровню сложности ЕГЭ во многом предопределяет и форму, и структуру вузовского

испытания по русскому языку. Количество же заданий по сравнению с ЕГЭ, а следовательно, продолжительность испытания, учитывая его цели в техническом вузе, возможно значительно сократить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры [Электронный ресурс]: [Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.10.2015 N 1147 (ред. от 29.07.2016)]. URL: <http://base.garant.ru/71238710> (дата обращения: 11.04.2017).
2. Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2016 году единого государственного экзамена по русскому языку [Электронный ресурс] // Федеральный институт педагогических измерений. – М., 2016-2017. URL: <http://www.fipi.ru/ege-i-gve-11/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 11.04.2017).
3. Цыбулько, И.П. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2016 года по русскому языку [Электронный ресурс] / И.П. Цыбулько. // Федеральный институт педагогических измерений. – М., 2016-2017. URL: <http://www.fipi.ru/ege-i-gve-11/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy> (дата обращения: 11.04.2017). Психология: словарь. [Текст] / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 404 с.

Воронежский государственный
технический университет

THE DEVELOPMENT OF CONTROL AND MEASURING MATERIALS IN THE RUSSIAN LANGUAGE FOR APPLICANTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES

T.V. Monko

The requirements to the content of entrance examination in Russian language, and the factors that determine the form of such exam in a technical University are discussed in the article. The author substantiates the need for a text-centered approach to the development of examination materials

Key words: Russian language, entrance examination, control and measuring materials, text

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД
ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ ФРАНЦУЗСКИХ
АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ РАДИО RFI)**

Т.В. Гиляровская, Е.В. Кашкина

В статье рассматривается тема практического использования аудио текстов RFI как аутентичного материала для изучения страноведческой информации вузе. Обобщается опыт работы со студентами, изучающими французский язык в качестве первого или второго иностранного. Представлена методическая разработка конкретной радиопередачи, в которой основной упор делается на изучение страноведческой информации, умение воспринимать которую облегчает понимание аутентичного текста

Ключевые слова: аутентичный текст, аудирование, лингвострановедение, RFI

Понимание естественной речи носителей языка вызывает затруднения даже у тех, кто неплохо владеет иностранным языком. Данные психологии свидетельствуют, что обучение говорению происходит быстрее, чем восприятие аутентичной речи. Аудирование аутентичных текстов является одним из самых сложных видов речевой деятельности и одним из самых важных умений для развития коммуникативных навыков. Лингвострановедческий подход в обучении аудированию радиопередач включает студента в диалог культур, что способствует решению сразу нескольких задач: знакомит с национальными культурами, геополитическими данными, с историей и реалиями страны изучаемого языка. «Такой подход к обучению иностранному языку во многом обеспечивает не только более эффективное решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, но и содержит огромные возможности для вызова и дальнейшего поддержания мотивации учения» [5 : 2].

Требования программ по языковой подготовке лингвистических факультетов предполагают наличие у студентов умений понимать репортажи телевизионных и радиопередач на иностранном языке.

Интернет-ресурс предлагает огромный выбор сайтов, на которых доступны аутентичные материалы на французском языке, в том числе сайты французских теле- и радиоканалов [7]. В связи с этим возникает потребность в разработке практических заданий для аутентичных радиопередач различных информационных жанров. К аутентичным материалам относят любые реальные устные или письменные тексты, воспроизводимые носителями языка не для учебных целей. Аутентичные документы широко используются для «приближения» студентов к будущему применению языка в естественной коммуникации, «поскольку целью обучения ИЯ является формирование у учащегося способности использовать изучаемый язык как инструмент реального общения в диалоге культур современного поликультурного общественного пространства» [1 : 90].

Цель нашей статьи - представить опыт работы с аутентичными материалами на примере передачи «Journal en français facile» французского радиоканала RFI (Radio France International) с точки зрения страноведческого подхода [7]. Данная новостная программа выходит на радио ежедневно в 20:00, длится 10 минут и подводит итог событиям, произошедшим в мире и во Франции за текущий день. В ней дается информация политического, экономического, социального, культурного характера. Кроме того, каждая программа сопровождается репортажами корреспондентов RFI с мест событий. Это дает возможность сразу же подключить страноведческую информацию как опорную и мотивирующую. Поскольку многие географические названия и имена узнаваемы, это помогает студентам даже начального уровня понять информационную канву, почувствовать уверенность в своих знаниях и активизировать их затем в своих высказываниях. На наш взгляд, данная передача отвечает всем требованиям, предъявляемым к аутентичным материалам радиопередач информационных жанров для обучения аудированию студентов языковых факультетов и специальностей [4]. Все аудиоматериалы сопровождаются текстом транскрипции новостей. Это позволяет преподавателю создавать собственные задания по аудированию для каждого выпуска новостей и для любого языкового уровня.

Рассмотрим пример работы с конкретной передачей «Journal en français facile», выпуск от 14.03.2017 года [7]. Данная радиопередача

рассказывает о главных событиях в мире и о президентской кампании во Франции. В качестве предтекстовых упражнений, направленных на облегчение последующего этапа прослушивания, предлагается провести беседу по выявлению знаний учащихся о событиях в мире [2, с. 150]. С этой целью преподаватель может совершить со студентами виртуальное путешествие по карте мира, по тем местам, откуда будут даны репортажи. Наличие компьютера или планшета позволяет иметь перед глазами географическую карту мира, которая является не только прекрасным дополнительным наглядным материалом, но и способствует развитию зрительной памяти. Помощью для восприятия информации может быть порядок «путешествия» по странам в такой же последовательности, как они представлены в репортаже для студентов-дебютантов. Такое задание позволит активизировать словарный запас учащихся по теме, актуализировать их социокультурные и фоновые знания, поможет снять лексические и языковые трудности перед прослушиванием [3].

Перед первым прослушиванием предлагается задание услышать все географические названия, имена и другие маркеры, по которым студенты должны определить страну или регион, о которых идёт речь в новостях.

Activité 1. Ecoutez les actualités et trouvez sur le mappemonde les villes et pays mentionnés dans le reportage. Associez les noms des personnes entendus avec les pays et régions d'origine.

Например, упоминание *Las Vegas, New York u Washington* отправляет студентов в США; на карте предлагается найти эти города. *Brexit* и *Thérésa May* означает, что речь идёт о событиях в Великобритании, репортаж даёт её оба официальных названия: *Royaume-Uni* и *Grande-Bretagne*. Имя *Bachar el Assad*, предполагает, что речь идёт о военных действиях в Сирии и вообще рассказывает о событиях на Ближнем Востоке. Наконец, *Emmanuel Macron* - имя претендента на пост президента - означает информацию о предвыборной кампании во Франции. В этой связи можно уточнить имена других претендентов на пост президента, даты выборов, а со студентами продвинутого уровня обсудить их партийную принадлежность и политические взгляды.

Следующим заданием может быть упражнение, направленное на более детальное понимание аудиотекста. Для этого преподаватель предлагает ответить на вопросы с целью проверки понимания

языковой и фактической информации, представленной под каждым заголовком. Преподаватель уточняет название страны, просит дать краткое описание самого события и его участников.

Activité 2. Ecoutez l'émission encore une fois et répondez aux questions.

Où se passe l'action dans chaque actualité donnée dans le devoir 1? De quels événements parle-t-on? Qui sont les principaux agents?

Для выполнения данного задания необходимо прослушать текст полностью второй раз. Однако если уровень языковой подготовки студентов недостаточно высок, то можно делать паузу после каждой из новостей, давая студентам возможность выполнить задание по частям. Акцент сделать на страноведческой информации. Также возможно добавить ещё одно упражнение:

Activité 3. Remettez dans l'ordre les noms des indications géographiques entendus.

Для полного понимания прозвучавшей новостной информации можно использовать текст транскрипции одной или двух более актуальных, интересных или сложных, на взгляд преподавателя, новостей. Студентам раздается текст с пропусками слов и выражений, которые нужно вставить по мере прослушивания. Слова и выражения для заполнения пропусков предлагаются факультативно, в зависимости от уровня знаний студентов. В нашем случае задание будет содержать страноведческую информацию. Таким образом, услышанную информацию студент может визуализировать.

Activité 4. Réécoutez le reportage et remettez dans l'ordre les phrases pour avoir un texte cohérent. Faites un exposé oral de ce reportage.

a. C'est le moment de réunir notre pays, de respecter la volonté du peuple britannique, et de lui assurer un avenir plus brillant dans une Grande-Bretagne meilleure. Je recommande cette position à la Chambre.

b. Ce sera le moment décisif pour notre pays tout entier. Nous commencerons à forger de nouvelles relations avec l'Europe et un nouveau rôle dans le monde pour nous-mêmes. Nous allons devenir un pays fort, géré par lui-même.

c. Les nouvelles relations que nous négocierons avec l'UE s'appliqueront au Royaume-Uni tout entier. C'est pourquoi nous avons

coopéré étroitement avec les administrations concernées, y compris avec le gouvernement écossais.

d. Je reviendrai devant le Parlement avant la fin du mois afin de signifier le déclencher formellement l'Article 50 et de débiter le processus du départ du Royaume-Uni de l'Union européenne.

e. Nous avons écouté leurs propositions et identifié de nombreux domaines où nous avons des positions communes, comme la protection des droits des travailleurs ou la lutte contre le crime et le terrorisme.

Слушая информацию, студенты восстанавливают последовательность напечатанного интервью, совмещая его со звучащим аналогом, и получают связный текст. Такая работа позволяет полностью понять информацию в репортаже/интервью. После прослушивания можно предложить кратко устно изложить информацию прослушанного текста.

На заключительном этапе работы с новостным выпуском предлагаются собственно речевые упражнения как устного плана, так и письменного: дискуссии, монологические высказывания, аргументирующие собственные отношения к событиям, написание эссе и статьи в блог.

Activite 5. Faites un exposé oral de cette interview.

Таким образом, рассмотренная в данной статье методика работы с аутентичными материалами радиопередачи «Journal en français facile» направлена на приобретение учащимися языковых умений и навыков и их дальнейшее практическое применение для участия в межкультурном общении и решении социальных и профессиональных задач. Актуальные аутентичные материалы стимулируют познавательную деятельность студентов, побуждая их расширять свой словарный запас и повышать культурно-политический уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя / Н.Д. Гальскова - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: АРКТИ, 2003. - 192 с.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез.- 4-е изд., стер.- М.: Издательский центр «Академия», 2007.-336 с.

3. Кашкина Е.В. Гиляровская Т.В. Использование новостных порталов на занятиях по французскому языку / Е.В. Кашкина, Т.В. Гиляровская // Наука и образование в XXI веке: теория, практика и инновации. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2014. – М.: «АР-Консалт», 2014. - С. 10-13.
4. Носонович Е.В. Параметры аутентичного учебного текста/ Е.В. Носонович, Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. - 1999. - № 1. – С. 11-18.
5. Саланович Н.А. Лингвострановедческий подход как средство повышения мотивации при обучении иностранным языкам в старших классах средней школы (на материале французского языка): автореф. дисс. ... канд. пед. Наук/Н.А. Саланович. - М., 1995.
6. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному / А.В. Щепилова. – М.: Владос, 2005. – 245 с.
7. Новости в прямом эфире - международное французское радио – Режим доступа: [http:// www.rfi.fr](http://www.rfi.fr).

Воронежский государственный
университет

LINGUISTIC-CULTURAL APPROACH IN TEACHING FRENCH
LISTENING COMPREHENSION OF AUTHENTIC TEXTS

T.V. Guliarovskaya, E.V. Kashkina

The article discusses the theme of practical use RFI audio texts as authentic material for the study of regional geographic information the University. The author generalizes the experience of working with students studying French as a first or second language. Presented methodical development of specific radio transmission in which the emphasis is on the study of cross-cultural information, the ability to perceive which facilitates understanding authentic text

Key words: authentic text, listening, linguistics, RFI

СПЕЦИФИКА НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ РКИ В УСЛОВИЯХ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ

Н.В. Иванова

В статье рассматривается специфика начального этапа в аспекте соответствия целей, задач обучения студентов-иностранцев русскому языку, их коммуникативным потребностям в условиях речевой среды

Ключевые слова: начальный этап, коммуникативные потребности, сферы общения, темы и ситуации общения, виды речевой деятельности

Для студентов-иностранцев, приступивших к изучению русского языка на подготовительных факультетах вузов России, начальный этап имеет особое значение, так как закладывает основы практического владения русским языком.

Обучение русскому языку на данном этапе, как впрочем и на всех последующих, преследует три основные цели: образовательную, культурологическую, коммуникативную, – которые реализуются на уровне, соответствующем возможностям этого этапа. Коммуникативная цель, являясь ведущей на всех этапах, в том числе и на начальном, предполагает овладение студентами-иностранцами русским языком:

- 1) как средством общения;
- 2) как средством знакомства с российской действительностью, культурой, традициями, обычаями и т.п.;
- 3) как рабочим языком для получения избранной специальности.

Эти задачи определяются реальными условиями пребывания иностранных учащихся в России в этот период их жизни, а также условиями обучения в российских вузах.

Первая и вторая задачи применительно к начальному этапу реализуются в процессе подготовки студентов-иностранцев к общению с носителями языка в условиях русской речевой среды на бытовые, учебные, социально-культурные, общественные темы.

Решение третьей коммуникативной задачи – овладение русским языком как рабочим языком для получения той или иной специальности – обеспечивает на начальном этапе участие иностранных студентов в учебном процессе по естественнонаучным предметам в условиях их раннего введения. При этом следует заметить, что занятия по данным предметам с первого дня включения их в учебный процесс проводятся на русском языке.

Указанные факторы (цели, задачи, условия обучения) определяют сферы, темы, подтемы, ситуации общения, а также обслуживающий их языковой материал.

Применительно к устноречивому общению в условиях реальной коммуникации В.Л. Скалкин [Скалкин, 1981, с. 60-69] выделяет восемь сфер: социально-бытовую, семейную, профессионально-трудовую, социально-культурную, общественной деятельности, административно-правовую, игр и увлечений, зрелищно-массовую.

Очевидно, что обучение общению в этих сферах актуально и для преподавания иностранных языков, в том числе и русского как иностранного. С другой стороны, очевидно и то, что большая часть из указанных сфер характеризует и письменноречивое общение. Вместе с тем, выделенное В.Л. Скалкиным количество сфер общения вовсе не означает, что все они одинаково необходимы для каждого этапа обучения и что внутри каждой из сфер нет возможностей ограничения за счёт чёткого выделения наиболее важного для каждого этапа ситуативного, тематического, языкового минимумов, позволяющих реализовать коммуникативные потребности в этой сфере на уровне, соответствующем этапу обучения.

Так, например, для начального этапа овладения русским языком студентами-иностранцами, обучающимися на подготовительных факультетах вузов, в соответствии с целями, задачами и условиями обучения наиболее актуальными, на наш взгляд, будут лишь четыре сферы общения. Кратко охарактеризуем их.

Социально-бытовая сфера предполагает общение с носителями языка или студентов друг с другом (в силу их разноязычия) на улице, в транспорте, в общественных местах и т.п., а также в учебно-бытовых ситуациях.

С точки зрения своей актуальности, эта сфера общения является одной из наиболее важных для студентов-иностранцев, что определяется наличием новой для них речевой среды.

Сфера общественной деятельности рассматривается нами как общение студентов с преподавателями, с российскими студентами, друг с другом на общественно значимые темы, а также как чтение газет, просмотр телепередач и т.п.

Общение в этой сфере в бóльшей степени, чем в других, допускает использование не только изучаемого русского, но и родных языков учащихся или языков-посредников. Всё это, как и ограниченные возможности этапа, вызывает необходимость минимизировать задачи обучения общению студентов-иностранцев на русском языке в указанной сфере на данном этапе.

Социально-культурная сфера предполагает беседы иностранцев с носителями языка разных социально-возрастных групп, специальностей о различных областях их жизни и деятельности, интересах, увлечениях, беседы с преподавателями, российскими и другими иностранными учащимися об увиденном, услышанном или прочитанном в период пребывания в России. Общение в данной сфере требует определённого уровня знаний, жизненного опыта учащихся и достаточно высокого уровня владения языком, что неизбежно вступает в противоречие с характером начального этапа. В связи с этим представляется возможным и целесообразным в значительной мере ограничить задачи обучения общению в данной сфере на указанном этапе, расширив их на последующих этапах, когда будет создана соответствующая языковая база и учащиеся в бóльшей степени будут располагать необходимой для таких бесед информацией.

Как уже было отмечено, иностранные учащиеся приезжают в Россию прежде всего для получения избранной специальности. В этом плане можно сказать, что овладение специальностью начинается для них уже на подготовительном факультете, когда вводятся, в нашем случае, общеобразовательные дисциплины естественнонаучного (технического) цикла, занятия по которым с самого начала ведутся на русском языке. В связи с этим одной из наиболее важных сфер общения уже на начальном этапе мы считаем профессионально-трудовую сферу, которая интерпретируется нами как учебно-профессиональная на основе особого (учебного) характера деятельности в ней студентов. Эта сфера представляет собой общение студентов-иностранцев с преподавателями, друг с другом на учебно-профессиональные темы, связанные с прохождением обще-

образовательных дисциплин, изучая которые студенты получают уже на данном этапе научную информацию на русском языке по разным каналам и в разных формах:

- а) в процессе аудирования учебного материала, объясняемого преподавателем;
- б) в процессе обсуждения этого материала;
- в) в процессе чтения учебной литературы;
- г) в процессе записи читаемого или аудируемого материала с целью последующего воспроизведения его, т.е. во всех видах речевой деятельности.

Таким образом, на начальном этапе в соответствии с поставленными задачами обучения студентов-иностранцев русскому языку, возможностями этапа выделяются прежде всего социально-бытовая и учебно-профессиональная сферы общения, в более ограниченных рамках – сфера общественной деятельности и социально-культурная.

Реализация коммуникативной цели на начальном этапе требует организации обучения общению в данных сферах в различных видах речевой деятельности – аудировании, говорении, чтении и письме.

В связи с этим возникает вопрос о последовательности и месте обучения этим видам речевой деятельности. По данному вопросу есть разные мнения. Существует точка зрения, состоящая в том, что на начальном этапе ведущим видом речевой деятельности является устная речь, главным образом, говорение. Аудирование при этом рассматривается как вспомогательная деятельность. В качестве аргумента в пользу преимущественного развития устной речи приводится тот факт, что устное общение более всего отвечает коммуникативной природе языка.

Такой подход возможен, но вряд ли он приемлем в нашем случае, если учитывать цели, задачи и условия обучения студентов-иностранцев русскому языку на подготовительном факультете в целом и на начальном этапе в частности.

Их успешная реализация возможна лишь в процессе параллельного и взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности, потому что, как было показано на примере общения в учебно-профессиональной сфере, речевое общение студентов с преподавателями, с товарищами по учёбе, с носителями языка уже в этот период происходит во всех видах речевой деятельности.

Анализ учебного процесса на начальном этапе показывает, что идея параллельного и взаимосвязанного обучения основным видам речевой деятельности находит место в существующей практике преподавания русского языка как иностранного и проявляется в том, что обучение каждому виду речевой деятельности строится с учётом его специфических особенностей и на том языковом материале, который обслуживает этот вид, и во взаимосвязи (а на начальном этапе – единстве) языкового материала для рецептивного и продуктивного усвоения, во взаимовлиянии навыков и умений, сформированных в разных видах речевой деятельности, что в конечном итоге положительно влияет как на прочность усвоения языкового материала, так и на качество овладения навыками и умениями.

Вместе с тем, требует своего решения и вопрос о целесообразном соотношении основных видов речевой деятельности в обучении русскому языку на данном этапе.

Исходя из реальной практики обучения различным видам речевой деятельности на русском языке, можно констатировать тот факт, что обучению такому виду, как письмо, уделяется явно недостаточно внимания.

В практике преподавания письмо на начальном этапе выступает часто как *средство* обучения другим видам речевой деятельности, т.е. аудированию, говорению, чтению, и играет роль связующего звена между ними; отправной точкой при этом является овладение устной речью: аудированием и говорением. Анализ реальной учебной деятельности студентов-иностранцев показывает, что потребность в письменном общении в данный период занимает важное место среди других видов. Поэтому, не отрицая необходимости обучения письму как вспомогательному средству, мы, вместе с тем, считаем, что оно должно быть и *самостоятельной целью*.

Что касается обучения студентов-иностранцев письму на русском языке с целью учебно-профессионального общения на начальном этапе, то, как показывает практика, и в этом случае ставится чаще всего задача развития навыков и умений письма как *средства* овладения другими видами речевой деятельности, но и она реализуется эпизодически, нецеленаправленно. Систематическое обучение письму как *цели* начинается, как правило, лишь во втором семестре и предполагает овладение прежде всего таким видом

письменной коммуникации, как конспектирование. Однако подготовка к конспектированию, на наш взгляд, должна осуществляться уже в первом семестре начального этапа, потому что уже в этот период у студентов-иностранцев возникает необходимость письменной фиксации учебного материала, включающей элементы конспектирования в учебно-профессиональной сфере, в связи с чем должна быть решена задача целенаправленного обучения студентов письму как виду речевой деятельности с учётом их реальных коммуникативных потребностей, начиная с первых дней занятий на подготовительном факультете.

Обучение иностранцев основным видам речевой деятельности на русском языке требует решения и вопроса: на каком материале следует формировать у учащихся навыки и умения владения ими. Общеизвестным считается мнение, что отправной точкой в отборе материала для обучения является учёт характера функционирования языковых средств [Виноградов, Костомаров, 1967 и др.]. Исходя из этого и задач обучения студентов-иностранцев, преподавание ведётся на материале функциональных разновидностей русского языка.

Так, формирование навыков и умений владения основными видами речевой деятельности на русском языке в указанных сферах общения уже на подготовительном факультете осуществляется на материале не только общезыковых средств, но в первую очередь на материале стиля речи, обслуживающего ту или иную сферу. Например, в учебно-профессиональной – на материале научного стиля речи с учётом профиля избранной специальности.

Признавая в целом необходимость учёта профиля будущей специальности, методисты по-разному решают вопрос о том, на каком этапе обучения должен осуществляться этот учёт, какой материал, в каком объёме и последовательности необходимо использовать в целях обучения.

Существует мнение, что начальный период обучения иностранному языку не зависит от будущей специальности студента, так как языковой материал данного этапа овладения специальностью носит элементарный характер.

Бесспорно, материал научного стиля речи начального этапа, несмотря на выделение в учебных планах аспекта «научный стиль речи», не позволяет в полной мере называть его таковым, так как он не адекватен языку учебников, научных статей, а является его

адаптированным вариантом из-за ограниченных речевых возможностей обучающихся на данном этапе, в связи с чем преподаватели излагают учебный материал достаточно просто.

Однако тот факт, что на 5-8 неделе обучения на подготовительном факультете вводятся общеобразовательные предметы на русском языке (в нашем случае для будущих инженеров по специальностям технического профиля – математика, физика, химия) в объёме программы российской средней школы, убеждает нас в том, что учёт будущей специальности студента *должен* осуществляться уже на начальном этапе изучения русского языка на основе выделения *широкого профиля* специальностей: например, технического, естественного и т.д., в то время как на основных факультетах вузов возникает необходимость учёта в связи с изучаемыми предметами более узкой специальности: строительство, машиностроение и т.п.

Такой подход усиливает и поддерживает мотивацию студентов-иностранцев в изучении русского языка.

Таким образом, одной из основных задач, стоящих перед преподавателями русского языка на начальном этапе, является подготовка студентов к изучению языка общеобразовательных дисциплин, в нашем случае, технического профиля, и обеспечение их готовности к учебно-профессиональному общению на занятиях по этим предметам и тем самым приближение преподавания русского языка к практическим нуждам иностранных учащихся на данном этапе их обучения.

Решение этой задачи требует соответствующего отбора учебного материала. Однако и эта проблема решена не до конца. Имеющиеся лексические и грамматические минимумы обеспечивают выполнение данной задачи в основном на последующих этапах обучения, но не на начальном.

Что касается отбора учебного материала с учётом специальности для подготовительных факультетов, то, во-первых, он не носит целенаправленного характера, во-вторых, производился исследователями на основе учебников по общеобразовательным дисциплинам технического цикла, предназначенных для студентов первых курсов вузов. Такой отбор с перспективой на будущее, на наш взгляд, возможен, но он не отвечает в полной мере требованиям, задачам и возможностям начального этапа. Более того, отобранный

лексический и грамматический материал не может быть полностью использован на данном этапе, так как не учитывает языкового уровня подготовки иностранных студентов. В-третьих, предлагаемые минимумы дают слова, словосочетания, грамматические конструкции списком без указания на рецептивное или продуктивное владение ими в отдельных видах речевой деятельности, в то время как практическая целесообразность такого членения языкового материала очевидна.

Отсюда встаёт задача отбора тех лингвистических и экстралингвистических средств для начального этапа, которые необходимы и достаточны для овладения русским языком во всех видах речевой деятельности, в том числе и письме, в целях успешного осуществления учебного процесса по общеобразовательным предметам.

Очевидно, успех обучения будет во многом зависеть и от того, насколько конкретно сформулированы конечные цели, конечные и поэтапные требования к уровню владения основными видами речевой деятельности. Конкретность программных требований, требований Стандарта способствует более эффективной и целенаправленной организации контроля и значительно повышает ответственность и мотивацию студентов к изучению русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Теория советского языкознания и практика обучения русскому языку иностранцев / В.В. Виноградов, В.Г. Костомаров. - Вопросы языкознания. - 1967. - № 2. - С. 3-17.
2. Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи / В.Л. Скалкин. - М.: Русский язык, 1981. - 247 с..

Воронежский государственный
университет инженерных технологий

THE SPECIFICS OF THE INITIAL STAGE IN RUSSIAN LANGUAGE LEARNING OF THE STUDENTS IN THE SPEECH ENVIRONMENT

N.V. Ivanova

The article deals with the specifics of the initial stage in aspect of compliance of purpose, task of Russian language learning for the students communication needs in the speech environment

Keywords: initial stage, communication needs, the scopes of communication, themes and situations of communication, kinds of speech activity

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	3
РАЗДЕЛ 1. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	4
Федоров В.А. <i>РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ПЕРЕВОДИМЫЕ ФРАНЦУЗСКИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ IL PEUT, IL SE PEUT, IL DOIT, IL PLAÎT, IL DÉPLAÎT, IL RÉPUGNE, IL COÛTE, IL VAUT MIEUX, IL IMPORTE</i>	4
Лапинская И.П., Денисова М.А. <i>НОМИНАЦИИ НОВОСТРОЕК КАК ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ТОВАРОВ ....</i>	11
Лапинская И.П., Денисова М.А. <i>СОЦИАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ В ЯЗЫКЕ: ДИНАМИКА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА</i>	22
Avdeev A.A. <i>THE PECULIARITIES OF RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION OF IMPERSONAL STRUCTURES AND SENTENCES</i>	29
Падурец А.А., Сарафанникова Е.А. <i>ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ АВТОРИТЕТНОСТЬ В ТЕКСТАХ СМИ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ</i>	35
Савицкайте Е.Р., Макарова А.А. <i>ТИПОЛОГИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА АССЕРТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ГОРОСКОПОВ)</i>	43
Романова Г.В. <i>АВТОРСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ СМИ</i>	51
Ядрихинская Е.А. <i>ПОНЯТИЕ «КАРТИНА МИРА» И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ</i>	58

ЕЕ ЧАСТНЫХ МОДИФИКАЦИЙ .....

Нехаева О.Г.

*СТАТУС СОЦИОЛЕКТНОЙ ОНОМАТОПЕИ В ИЕРАРХИИ
ИКОНА-СИМВОЛ* 71

Жданова Т.А.

КАРТИНА МИРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ 78

Богданова У.В.

*ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ
КОНСТРУКЦИЯХ С ANYBODY, ANYONE* 84

Гостева О.В.

*ДИНАМИКА СИСТЕМЫ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ БИЗНЕС-ОБЪЕКТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НОМИНАЦИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИТАНИЯ
Г. ВОРОНЕЖА)* 90

Мануковская М.А.

*МОТИВИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ БИЗНЕС-
ОБЪЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ АПТЕК Г. ВОРОНЕЖА)* 99

РАЗДЕЛ 2. АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА 109

Лапинская И.П.

ПОЛИРИТМИЯ КАК ОСНОВА ЦЕЛОСТНОСТИ ТЕКСТА 109

Денисова М.А.

*ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ОТ ДВУХ
ДО ПЯТИ»: СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ПОЭЗИИ* 116

Бутов Р.Н.

ЧЕЛОВЕК, СТАВШИЙ САМИМ СОБОЙ 124

Афанасьева Н.Н.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА УРОКАХ 132

<i>ЛИТЕРАТУРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ВСЕСТОРОННЕ РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА В. НАБОКОВА «БЛАГОСТЬ»)</i>	
РАЗДЕЛ 3. НОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ	140
Монько Т.В. <i>РАЗРАБОТКА КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА</i>	140
Гиляровская Т.В., Кашкина Е.В. <i>ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ ФРАНЦУЗСКИХ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ РАДИО RFI)</i>	148
Иванова Н.В. <i>СПЕЦИФИКА НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ- ИНОСТРАНЦЕВ РКИ В УСЛОВИЯХ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ.</i>	154

Научное издание

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Выпуск 14

В авторской редакции

Подписано в печать __.__.2017.

Формат 60x84/16. Бумага для множительных аппаратов.

Усл. печ. л. ____ . Уч.-изд. л. ____ . Тираж 150 экз.

Заказ № .

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический
университет»
394026 Воронеж, Московский просп., 14